

Елена Вахненко

ПРЕОБРАЖЕНИЯ

ДНІПРО · ЛІРА · 2019

УДК 821.161.1(477.63)'06-313.1
В 22

В 22 Вахненко Е. В.

Преображения: проза. – Днепр: ЛИРА, 2019. – 188 с.

ISBN 978-966-981-126-4

Два мира: привычный нам и его трехцветный аналог... и лишь немногим дано побывать в обоих. Но дар ли это? Быть может, наоборот, – проклятие? Нашим героям предстоит узнать это на собственном опыте.

УДК 821.161.1(477.63)'06-313.1

• *П о в е с т ь* •

ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Цикл «Красно-черно-белый мир»

ISBN 978-966-981-126-4

© О. В. Вахненко, 2019

© ЛИРА, 2019

Пролог

Красный, черный, белый... Эти цвета перетекали друг в друга и создавали бесчисленное множество новых оттенков.

В Мире Теней не было иных красок... только Красный, Черный, Белый – и всё многообразие палитры, которую они рождали. И при всём богатстве этой кроваво-черной гаммы общее впечатление оставалось гнетущим, безрадостным. Правда, люди, живущие здесь, не знали, что бывает иначе. Если другого не видел (либо видел, но забыл), то и расстраиваться повода нет.

«А я видел!» – прошептал Людовик.

Он свел брови, переводя дыхание. Порою так трудно держаться в рамках, так непросто терпеть... В подобные мгновения его подмывало последовать примеру давнишнего врага, имя которого он избегал называть даже мысленно – не из страха (вот еще!), а из неприязни, которую оно в нем пробуждало.

Но каким бы сильным ни было желание отступить и сдаться, он ему сопротивлялся, пока – успешно. Хотя зачем? Ради кого? Неужели ради той жалкой горстки людей, которые верили ему и даже в него, которые поклонялись ему, благоговели перед ним?

В этом дело? В желании помочь десятку бедолаг? Или ему нравится ощущать собственную значимость хоть в чьих-то глазах?

Людовик вздохнул и поднялся, отряхивая брюки. Он знал, что в этом мире выглядит не лучшим образом: черная кожа, черные волосы... весь словно политый смолой.

– Пускай... – прошептал он. – Неважно...

Мужчина окинул задумчивым взглядом багровое море с черными гребнями волн, которые азартно взмывали к самым небесам – огненным, кроваво-алым. И в этом пылающем мареве небес плыл белый слепящий диск солнца, совершенно непохожего на то светило, что озаряло настоящий мир.

Хотя, с другой стороны, как знать, какой из миров настоящий?

• 1 •

Взаперти

– Я никуда не уйду! – твердо произнесла Барбара, вздернув подбородок и сузив зеленые глаза. – Я его не оставлю!

Анита, круглолицая пухлощекая блондинка с аппетитными формами, пожалала полными плечами и со вздохом опустила на табурет. Казалось, она исчерпала запас аргументов.

– Вот уж не знаю, как тебя убедить! – проворчала девушка, качая белокурой головкой.

– А не надо убеждать, – буркнула Барбара.

Какое-то время они сидели молча, Анита – искоса поглядывая на подругу, Барбара – демонстративно изучая свои ногти, словно ничего интереснее собственного маникюра для нее не было.

– Ты сделала, что могла, – нарушила молчание Анита спустя несколько минут. Она старалась говорить мягко, убеждающе... успокаивая интонациями голоса. Впрочем, девушка вообще была мягкой, даже внешне напоминая эдакую кошечку, пушистую и покорную... пока не выпускала коготки.

Барбара подняла голову и недобро прищурилась. Признаться, злость ей шла, ведь если Анита привлекала нежной и томной прелестью, то ее подруга была совсем другой – яркой

и заметной... Такую девушку не пропустишь в толпе! Еще бы: тугие рыжие кудри до тонкой талии, мраморно-белая кожа, фигура «песочные часы», правильные черты овального лица... Всё в ней казалось идеальным. Наверное, именно поэтому с Барбарой дружили либо очень красивые и потому уверенные в себе женщины, либо откровенные дурнушки, которым нечего терять, – видимо, они надеялись обратить на себя внимание хотя бы за счет мило-видной приятельницы. Анита, несомненно, относилась к первой категории.

– Это происходит из-за меня! – хриплым голосом, совсем непохожим на ее привычное глубокое контральто, произнесла Барбара. – Меня не оказалась рядом.

– Он сам виноват, – попробовала подбодрить ее Анита и сразу поняла, что допустила ошибку: лицо подруги побледнело от гнева, ноздри точеного носа затрепетали.

– Его можно понять! У него погиб брат, он лишился работы, поэтому запил. Я должна была быть рядом, поддержать... а я вместо этого потеряла терпение.

– Что ж... неудивительно, – осторожно сказала Анита. – Ты старалась помочь...

– Мало старалась. Я ведь знала, что он мужчина, а мужчины только на словах сильные... эмоционально они куда слабее нас, женщин.

– Тут я согласна, – вздохнула Анита, и подруги снова замолчали.

Они думали об одном и том же человеке – женихе Барбары Майкле, которого события последних месяцев привели к страшному диагнозу – диссоляции, или, как говорили «в народе», исчезновению.

Никто не знал, что это за болезнь и как с нею бороться. Медики искали решение столетиями и пока смогли добиться лишь одного – определили, что ее причиной обычно является

глубочайшая депрессия и нежелание жить. Человек, находящийся в подобном состоянии достаточно длительное время, исчезал в буквальном смысле слова... Всё начиналось с излишней бледности, потери аппетита... и завершалось тем, что однажды родственники больного его более не находили. Он, казалось, растворялся в пространстве...

И вот теперь пришел черед Майкла.

– Ты вызывала врачей? – после продолжительной паузы спросила Анита. Она старательно подбирала слова, уже зная по опыту, что подруга последние недели крайне раздражена и взрывается по любому пустяку. Утешало лишь одно: злость не могла послужить причиной диссоляции, скорее наоборот.

Барбара поджала тонкие губы, ее темно-рыжие брови сошлись в одну черту.

– Врачей, каких врачей? – процедила она презрительно. – Что они знают...

– Ну что-то ведь знают...

– Они прописывают антидепрессанты, снотворное, – сердито сказала Барбара, по-кошачьи щуря глаза. – Превращают человека в безвольное растение... и даже если кто-то выкарабкается, он уже... не совсем нормальный. Не такой, как прежде.

– Но это всё-таки лучше, чем... – Анита не решилась завершить фразу.

Впрочем, приятельница ее прекрасно поняла.

– Чем исчезнуть? – едко договорила она, впери в Аниту недобрый взгляд, как будто именно пухлощекая приятельница была во всём виновата. – Чем же это лучше?

Анита растерялась.

– Ну... жить лучше, чем умереть, разве нет?

– А кто тебе сказал, что исчезнувшие мертвы? – парировала девушка, гордо вскинув подбородок.

На кухне, где они мрачно чаевничали, повисло тягостное молчание. Анита молча вздыхала, а Барбара не сводила с нее взгляда и явно ждала ответа.

Наконец ответ последовал, хотя голос девушки звучал несколько сконфуженно:

– Ну... а куда они деваются? Люди... которые болели?

– Не знаю, но узнаю, – отозвалась Барбара, пожимая плечами и делая глоток остывшего чая. – Но если человек умер, остается тело... а тут ничего и никого... Они уходят, уходят в какой-то другой мир...

Ее подруга подавила очередной вздох и ничего не сказала. Да, многие в это верили: мол, человек не исчезает, а уходит в некий Мир Теней... Что за мир, на что он похож, кто там живет, не уточнялось, да и вообще, теория в целом вызывала сомнения... во всяком случае, ученые ее высмеивали. Но вера в Мир Теней немного утешала... И Анита не была готова разрушить иллюзии Барбары. Иногда лучше просто слушать и поддакивать.

– И как долго ты сидишь тут, у него?.. – помолчав, спросила девушка, окинув настороженным взглядом маленькую кухню, чистую (явно усилиями Барбары), но откровенно холостяцкую... всё здесь указывало на недостаток женского внимания.

«Странно... – промелькнула у Аниты кощунственная мысль. – Барбара и Майкл встречаются несколько лет... она жила у него частенько... почему этого не ощущаешь?!»

Может, в самобичевании ее подруги есть резон? Может, она действительно частично виновата... раз квартира ее любимого Майкла не несет на себе отпечаток женского присутствия? Значит, он, Майкл, и правда был одинок... покинут ею?

«Не смей так думать!» – одернула себя Анита, ужаснувшись собственным мыслям. Нет, Барбара – ее лучшая подруга, и она сделала всё, что могла, чтобы поддержать своего парня. В конце концов, можно ли требовать от слабой женщины оставаться рядом

с человеком, который завершает каждый вечер пьяным? Правда, Барбару трудно назвать слабой... но всё-таки она женщина.

«А я бы бросила Роберта? – вдруг подумалось ей. – Если бы, не приведи Господь, Роберт...»

И воображение нарисовало пугающую картину, где ее милый Роберт, обожаемый супруг и отец ее Ангелины, начинает терять связь с реальностью... неужели она, Анита, сдалась бы? Никогда в жизни!

И сострадание к Барбаре, так же, как и досада на ее упрямство, немного ослабло... Анита как будто примирилась с решением подруги и даже одобрила его... почти.

– Я не уйду от него почти неделю, – сказала Барбара, отвечая на вопрос подруги, – та уже успела забыть, что задала его.

– Вообще не выходишь? – испугалась Анита, зная, что подобное затворничество ведет к диссоциации.

– Ну в магазин могу выйти... пройтись... но работаю удаленно, взяла с собой планшет...

Анита пожевала губами. Всё происходящее ей не нравилось, но как повлиять на ситуацию, она не знала. И всё-таки девушке совсем не улыбалось однажды проснуться и обнаружить, что ее подруга ушла вслед за женихом в пресловутый Мир Теней... чем бы он ни был на самом деле.

– Давай сейчас прогуляемся, – предложила она деланно бодрым голосом. – Погода отличная, наконец-то весна пришла, всё расцветает... – Анита осеклась под тяжелым взглядом подруги и не договорила, проглотив окончание фразы.

– Я в порядке, – сухо сообщила Барбара, сурово хмурясь. Казалось, ей не 27, а 37 лет, хотя обычно никто не давал ей больше 25. – Я не пропаду... не переживай, – последние слова она добавила с вымученным горьким смешком.

– Ну... если ты так считаешь... – протянула Анита, покосившись на экран айфона. – Я, наверное, пойду?..

– Иди, – не стала задерживать приятельницу Барбара. Лицо ее напоминало восковую маску. – Мне пора поработать...

Анита бросила еще один неуверенный взгляд на подругу и нерешительно поднялась. Эта встреча изрядно утомила ее, обычно их женские посиделки проходили в куда более радостном формате. Сейчас же она покидала этот дом с тяжелым сердцем... но и оставаться в столь гнетущей атмосфере ей было невозможно.

– Пока, дорогая, я на днях снова заскочу! – весело (и ненатурально) прощепетала девушка, целуя подругу на прощание. – Передавай привет Майклу!

– Как будто он услышит, – буркнула Барбара, выходя в прихожую проводить гостью.

– Всё равно передавай... пусть знает, что внешний мир всё еще существует!

– Передам, – холодно пообещала невеста Майкла, захлопывая дверь.

* * *

Барбара приоткрыла дверь и осторожно заглянула в комнату. Там царил полумрак, плотная ткань штор не пропускала солнечный свет, и вот уже несколько недель, даже месяцев, это помещение оставалось сумрачным.

«Это и есть Мир Теней!» – мелькнула непрошенная мысль, и девушка, содрогнувшись, робко переступила порог.

Робко – не в силу характера, отнюдь. Наоборот, от природы Барбара была вполне решительной личностью... вот только в последние дни с сожалением убедилась, что пользы от ее решительности нет никакой. Майкл лениво отвергал любые попытки помочь... собственно, именно поэтому она ушла от него: что толку оставаться рядом с человеком, который тебя отталкивает,

который сознательно тонет и не хватается не только за соломинку, даже протянутую руку игнорирует! Как спасти утопающего, который стремится утонуть?

Ну что ж... она всё-таки вернулась и уже который день уныло торчала у него дома, уговаривала поесть, изображала бодрость духа... всё впустую! Майклу было плевать на нее, на ее попытки поддержать. И Барбара понимала, что терпит из последних сил. В конце концов, она просто человек, со своими проблемами, со своими слабостями... она не Атлант, который держит небо!

Девушка оставила дверь приоткрытой в тщетной надежде, что эта щелка пропустит в комнату хоть немного света и воздуха. Неуверенно помялась на пороге, привыкая к полумраку... Майкл, как и следовало ожидать, лежал в постели, бессмысленно пялясь в потолок.

«Что он там изучает, люстру, что ли?!» – сердито подумала Барбара. Она ненавидела слабых людей, ее раздражали нытики, и Майкл таковым раньше не был... Как любить это жалкое создание, в которое он превратился? Лишь память о том человеке, которым он когда-то был, не позволяла ей уйти и оставить прошлое в прошлом.

Девушка пересекла помещение и раздернула шторы. Комнату тотчас наполнил свет, и стало видно, как всё запущено: не убрано, пыльно... Барбара собиралась распахнуть окно (мучительно не хватало свежего воздуха!), но не успела.

– Убери! – раздался глухой голос, который едва ли походил на выразительный баритон Майкла.

Барбара обернулась. Девушка ожидала этих слов, нечто подобное Майкл говорил каждый раз, когда она пыталась привести это помещение в порядок.

– Что убрать? – неприязненно уточнила она, со смесью жалости и брезгливости взирая на парня. Со вчерашнего дня его лицо еще сильнее заострилось, кожа приобрела сероватый

оттенок, глаза запали... наверно, и правда стоило задернуть шторы, созерцать столь мучительное зрелище было выше ее сил.

– Свет, – кратко ответил Майкл, не глядя на невесту... уже бывшую, пожалуй. Все их планы создать семью остались мечтами. – Убери свет.

Барбара послушалась, весьма недовольная. У нее, правда, мелькнуло смутное чувство протеста, захотелось поступить наперекор... просто чтобы разозлить его или хотя бы заставить подняться с кровати... но она уступила, сдержалась. Может, зря? Девушка не была уверена, как следует себя вести, что подействует лучше: податливость и покорность или же хорошенькая встряска.

– Может, спасибо скажешь? – не выдержала она, развернувшись к нему. Глаза ее метали молнии.

Он промолчал.

– Никакой реакции, ага? – зло ощерилась Барбара. – Ну ладно... мило с твоей стороны...

И снова Майкл ничего не сказал, всё с тем же безучастным выражением созерцая потолок.

Девушка испытала досаду. Нет, это решительно невыносимо! Как его расшевелить?!

– Мы тут с тобой прямо как в склепе каком-то, – попробовала она зайти с другой стороны. – Солнечный свет и свежий воздух еще никого не убили...

На сей раз он ответил, хотя и едва слышно:

– Вот именно...

Барбара выждала минуту, надеясь на расшифровку столь лаконичной фразы, потом пожалала плечами и холодно уточнила:

– Вот именно – это в том смысле, что ты не прочь умереть? Ну так давай, чего медлить? Окно, газ... вариантов много!

«Идиотка, что ты мелешь?!» – мысленно ужаснулась девушка, но сказанного, как говорят, не воротишь... этот воробей вылетел, и поймать его было не суждено.

– Мне всё равно, – произнес парень. – Всё равно...

Подавив вздох, Барбара бросила на него последний тяжелый взгляд и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь... хотя очень хотелось как следует ею хлопнуть!

Вот только зачем? Ему всё равно... никакой реакции не следует, сколько ни старайся.

* * *

В течение следующего часа Барбара пыталась сосредоточиться на работе. Она была графическим дизайнером, и ее ремесло требовало определенной креативности и не шаблонности мышления... а попробуй проявить фантазию, когда в соседней комнате исчезает (в прямом смысле!) любимый тобою человек... когда ты заперт в квартире, где царит душная мертвенная атмосфера... тут не было места творчеству.

Однако вдохновение – непозволительная роскошь для художника, который зарабатывает на жизнь своими работами. Барбара признала это давным-давно. Как и смирилась с тем печальным фактом, что порою приходится высасывать идеи буквально из пальца, а потом как-то их обрабатывать, придавать им некое подобие оригинальности.

И сейчас она занималась именно этим... но дело не шло, процесс застопорился.

Девушка выругалась сквозь зубы (несмотря на весьма женственный облик, она любила иногда вставить в речь крепкое слово) и сердито захлопнула ноутбук. Любоваться весьма посредственными, даже жалкими результатами своих трудов ей было физически больно.

– Такой логотип они не примут, – пробормотала Барбара. Мучительно тянуло курить, однако сигарет под рукой не

было, – Майкл вел правильный образ жизни и заставил свою подругу бросить смертельно опасную, по его мнению, привычку. Можно сказать, сделал отказ от запретного удовольствия условием развития отношений. Девушка справилась и иногда не без горечи думала, что, пожалуй, именно поэтому получила предложение «руки и сердца»... как награду за старания и покорность. От этой мысли становилось противно...

Но теперь, когда свадьбе явно не бывать, курение можно было вернуть в свою жизнь... а почему бы и нет? Лишать себя удовольствия ради человека, который тебя ни в грош не ставит, казалось глупым.

Чтобы отвлечься от мысли о сигаретах (идти за ними в магазин было лень), Барбара принялась за приготовление обеда, хотя и знала, что ее потуги тщетны.

Угадала...

Майкл лишь искоса глянул на поднос с горячим куриным супчиком и ничего не сказал, молча отвернувшись к стене. Хотя бульон источал столь аппетитный пар, что у самой Барбары заурчало в желудке, жалобно напоминавшем о пропущенном завтраке.

Как парень, не беря в рот ни крошки днями напролет, мог оставаться равнодушным к подобным ароматам, оставалось для девушки загадкой. Говорили, правда, что люди, страдающие дисоляцией, перестают различать запахи, звуки и даже цвета... мол, мир становится блеклым, монохромным, унылым...

– Ну что? – сочла нужным всё-таки спросить Барбара. – Будешь есть?

– Нет.

Она пожала плечами:

– Окей, а я поем...

Девушка принялась есть прямо здесь, в его комнате, отнюдь не располагающей к приятной трапезе... но, быть может, пример

бывшей невесты подействует должным образом? И Майкл вспомнит, что ему поститься и тем более сидеть на диете необязательно?

– Уверен, что не хочешь? – спросила с набитым ртом Барбара, с преувеличенным удовольствием уплетая суп. Впрочем, он и правда был хорош, удался на славу!

Майкл промолчал.

– Я специально приготовила именно суп, – заметила девушка. – Что-то совсем легкое, раз уж у тебя нет аппетита... но могу разморозить фарш и нажарить котлет.

Кто бы мог подумать, что она, не слишком ярая поклонница кулинарии, будет так изощряться на кухне?! Жизнь непредсказуема...

– Не надо, – соблаговолит процедить Майкл.

– Слушай, твоя голодовка не вернет брата, – покосившись на парня, осторожно сказала Барбара. – Серж умер...

– Знаю, – холодно ответил он.

Да, холодно, но очень спокойно, равнодушно... ни тени эмоций не прозвучало в его вымороженном голосе.

«Хоть бы разозлить его!» – раздраженно подумала Барбара. Да, если бы она вывела его из себя, рассердила – это стало бы победой – знаком, что парень выбрал жизнь...

– Ты не виноват в его смерти, – заговорила девушка вновь. – Не виноват, что Серж покончил с собой... в конце концов, такая глупая причина – несчастная любовь! Это не повод умирать... ты не мог догадаться...

Она надеялась, что он вспылит, возразит ей с пеной у рта, закричит. Надеялась, что он проявит эмоции, доказывая, что всё еще переживает о чем бы то ни было.

– Это уже неважно, – безучастным тоном произнес Майкл.

– А что важно? – с отчаянием спросила Барбара. – Что для тебя важно?

– Не знаю. Ничего.

Девушка мысленно застонала, ей хотелось биться головой о стену от сознания собственного бессилия. Не в ее власти помочь, она ничего не добьется... как ни старайся.

– Послушай, Майкл, так нельзя!

– Почему?

Этот вопрос привел ее в замешательство. Ну что тут ответишь?

– Ну хотя бы ради меня, – нашлась она после паузы. – Я ношусь с тобой как с писаной торбой, прояви уважение к моим стараниям... хотя бы сделай вид, будто мои усилия для тебя важны.

– Они не важны.

Она задохнулась от возмущения. Вот как, значит?

– То есть тебе не хватает такта проявить толику благодарности? – сузив глаза, холодно спросила Барбара.

– Я не прошу тебя быть со мной, – ни тени раздражения или нетерпения, простая констатация факта.

Всё, с нее хватит!

– Отлично, дорогой, – проговорила она, отставляя опустевшую миску и поднимаясь. Ее трясло от бешенства. – Раз я тебе только мешаю, я пойду... прогуляюсь.

– Иди, – равнодушно позволил он.

– Ты рад? – едко уточнила Барбара, глядя на него сверху вниз с нескрываемым отвращением. Этот угасающий серолицый мужчина неопределенного возраста не был, просто не мог быть ее Майклом с его чарующей белозубой улыбкой и заразительным смехом, с его жадной жизни... не мог! – Рад?

– Мне всё равно.

Она ушла, полыхая от злости, и на сей раз от души хлопнула дверь. Но легче от этого не стало...

* * *

Первым делом Барбара купила сигареты (именно ту марку, которую предпочитала когда-то) и с наслаждением закурила. Ей сразу полегчало, даже злость унялась... и если минуту назад девушка была твердо намерена не возвращаться к Майклу, то теперь засомневалась в своем поспешном решении.

«Надо отдохнуть и попробовать снова», – подумала Барбара, делая очередную затяжку. О, как она скучала по этому ощущению... пускай вредно, плевать! Майкл вел здоровый образ жизни, и куда это его привело?

Однако возвращаться обратно «в тюрьму» девушка не спешила. Она остро нуждалась в передышке, в новых ощущениях, желательно приятных... хоть на пару часов забыть о проблемах, забыть обо всём!

Барбара принялась набирать подруг одну за другой. Все ссылались на занятость и дела... Лукавят? Или и правда нет ни минутки даже на кофе? Так не заметишь, как очутишься в пустыне, – среди людей, но один.

Не собираясь сдаваться, девушка свернула в ближайшую кофейню и следующие пару часов провела в свое удовольствие, с кофе-маккиато, шоколадным брауни и ноутбуком. В подобной атмосфере вдохновение если не вернулось, то хотя бы не слишком сопротивлялось творческим усилиям Барбары, и «процесс пошел». Возможно, она не создаст лучшее свое «произведение», но, по крайней мере, за такой логотип не будет стыдно... Стильно, в меру современно... а что еще надо?

Но, даже завершив работу, Барбара не вернулась домой. Она бродила по улицам, заходила в магазины, покупала ненужные безделицы... а последние часы этого унылого и нескончаемого дня провела в баре, где выпила пару бокалов вина и сердито

отшила нескольких хамоватых пикапщиков, заподозривших ее в поисках легких амурных приключений.

А она никого и ничего не искала. Ей просто требовалась передышка...

Домой к Майклу Барбара вернулась только после полуночи, не вполне трезвая, но, в целом, довольная собой. Даже не раздеваясь, она рухнула на диван в гостиной и тотчас погрузилась в нездоровый тяжелый сон.

• 2 •

Ожидание

Она проснулась в хорошем настроении, хотя и с ломотой во всём теле, – неудобная для сна поза давала о себе знать. Да и зеркало тоже не слишком порадовало: на лице остатки несмытого макияжа и следы от подушки, волосы растрепаны, одежда измята...

– Вот что значит не переодеться ко сну, – проворчала Барбара, скептически изучая свое отражение. – После 25 это недопустимая роскошь...

Да, в 18 она могла лечь спать с тонной косметики на лице и проснуться свежей, как огурчик, без мешков под глазами и с чистой кожей... Чем старше становишься, тем труднее «держаться марку».

Барбара тщательно привела себя в порядок и только после этого заглянула в комнату к Майклу... Конечно, девушка понимала, что ему в его состоянии плевать, как она выглядит, однако всё равно не хотела показываться бывшему жениху в столь плачевном виде... либо же подсознательно оттягивала момент, когда придется окончательно погрузиться в опостылевшую рутину.

В комнате было еще темнее, чем прежде, казалось, здесь по-прежнему царят сумерки, хотя за окном всю расцвел

день. Девушка прищурилась, привыкая к полумраку... помещение выглядело мертвым, заброшенным.

– Что за... – пробормотала Барбара, приближаясь с тяжелым сердцем к кровати... пустой кровати...

Майкла не было, только смятая простынь и придавленная подушка... и всё.

Ее сердце дало сбой, а потом забилось с удвоенной энергией, гоняя кровь по венам с бешеной скоростью. Не в силах поверить своим глазам, не желая верить им, Барбара заметалась по комнате, хотя понимала, что Майкла здесь нет... не в шкафу же он спрятался?! Подобные шутки никогда не были в его духе, тем более сейчас, когда он потерял любой интерес к жизни.

Барбара раздернула шторы и распахнула окно в надежде услышать столь привычный протест... Его не последовало. Более того, в свете утра, жадно заструившегося в комнату, стало совершенно очевидно, что Майкла тут нет и быть не может.

– О боже... – с ужасом прошептала Барбара, без сил опускаясь в кресло у окна. Как часто последние дни сидела она тут, взывая к Майклу, уговаривая его поехать или пустить в спальню толику солнца... – Нет, нет...

Девушка повторяла «нет» как заклинание, словно отрицание свершившегося факта могло изменить ситуацию, могло вернуть время вспять... но чудеса если и случаются, то крайне редко.

Трудно было сказать, сколько времени она просидела так, в одной позе, замерев подобно изваянию; двигались только ее губы, продолжая шептать «нет, нет» вперемешку с проклятиями. Минута текла за минутой, солнце за окном светило всё ярче, а девушка продолжала изображать статую.

Однако постепенно силы вернулись к ней, как и способность ясно мыслить, и на смену апатии пришел нервный ажиотаж. Барбара сразу вскочила, будто кто-то нажал на Play, и принялась лихорадочно действовать: на всякий случай обошла всю

квартиру (может, он в ванной?), а после принялась обзванивать общих знакомых.

– Алле, Николь? – торопливо твердила она в трубку, набирая очередной номер и нервно накручивая на палец кудрявый локон. – Слушай, а Майкл, он у тебя? А может, звонил?.. Не слышала о нем уже давно? Что ж... спасибо... нет-нет, все нормально, я так, на всякий случай... да-да, еще созвонимся!

И так продолжалось номер за номером. Слабая вспышка надежды, досада, бодрое «В следующий раз повезет!»... не везло. Никто не слышал о Майкле, он ни с кем не связывался уже долгие недели... он исчез.

– Он исчез, – произнесла Барбара вслух, сердито откладывая оказавшийся бесполезным айфон. – Исчез...

И всё равно девушка не могла в это поверить. Вчера вечером, покидая квартиру, она оставляла Майкла в состоянии пускай мрачном, но живом... а теперь... всё? Конец?

– Нет! – прошептала Барбара, снова ощущая упадок сил. Энтузиазм угас. – Я еще подожду...

И она ждала, упрямо ждала допоздна, сидя в кресле у окна и то и дело выглядывая наружу, на улицу, в надежде увидеть Майкла... но вот уже стемнело, а он по-прежнему не возвращался. И когда девушка в очередной раз покосилась на настенные часы, стрелки показывали начало десятого вечера. Пора было посмотреть правде в глаза... и попробовать смириться... привыкнуть к мысли, что Майкл не вернется, никогда не вернется.

И в этот миг в ней что-то сломалось, умерло – наверное, та частица души или сердца, которая принадлежала Майклу, принадлежала несмотря ни на что.

– Пошло всё к черту, – зло пробормотала Барбара, рывком поднимая себя из кресла.

Зябко ежась, девушка огляделась по сторонам, словно видела комнатку впервые. За те часы, что она просидела в кресле,

помещение успело погрузиться в полумрак и теперь пугало резко очерченными тенями.

Барбаре сделалось не по себе. Только сейчас она осознала, что именно здесь, в этой самой квартире, близкий ей человек несколько недель находился в состоянии глубочайшей депрессии, следы которой, казалось, отпечатались на каждом предмете интерьера... Всё вокруг несло на себе след отчаяния. Всё вокруг кричало о нежелании жить...

Девушке стало холодно – не из-за температуры воздуха, а из-за градуса эмоций, которые пропитали каждый миллиметр пространства. Она начала задыхаться, ей физически не хватало воздуха. И еще казалось, что вот-вот из-за темного угла выскользнет Майкл – но не ее живой Майкл, с широкой улыбкой и сияющими глазами... и даже не тот апатичный парень, который мучил ее последние дни... Она боялась увидеть Майкла с мертвенной кожей и пустым взглядом – того, кто уже пополнил число обитателей Мира Теней.

Подгоняемая этим иррациональным навязчивым страхом, Барбара торопливо включила свет во всех помещениях квартиры... Полегчало, однако тревога унялась не полностью.

– Я не могу тут оставаться, – пробормотала девушка себе под нос. Конечно, глупо было говорить вслух, с самой собой в роли собеседницы, но звук собственного голоса немного успокаивал, доказывая, что она, Барбара, до сих пор жива. – Не могу...

Девушка спешно переоделась, причем наряд выбрала довольно смелый, даже откровенный, и в тон ему нанесла макияж. Такой стиль был совершенно не в ее вкусе, но сейчас ей хотелось выглядеть как можно ярче, это служило своего рода защитным костюмом. Никто не должен видеть ее лица – настоящего, без маски, лица, искаженного отчаянием и страхом.

...Полчаса спустя Барбара сидела в одном из баров в полном одиночестве и планомерно накачивалась спиртным. Она начала

с безобидных коктейльчиков, которые с каждым новым бокалом становились всё более алкогольными, а завершила вечер просто вином... пить без компании – плохой признак, но ей было безразлично. Как не волновало и впечатление, которое производит девушка, пьющая тет-а-тет с собственной персоной, да еще в таком сомнительном месте. Причем если вчера всё выглядело вполне пристойно, то сегодня напоминало начало алкоголизма... или затяжной депрессии.

Как и в минувший вечер, к ней пару раз подходили разнокалиберные мужчины в надежде завязать знакомство: от респектабельных импозантных господ до подозрительных типов... впрочем, и те и другие явно имели не самые добрые намерения, просто некоторым горе-кавалерам хватало смекалки маскировать свои желания красивыми словами. Барбара всех грубо отшивала, не пытаясь, как вчера, сохранять хотя бы видимость вежливости.

– Вы грустите, я вижу, – услышала девушка сквозь гул в ушах. К этому моменту она уже туго соображала, выпитое давало о себе знать... среди прочего ее начало подташнивать.

– Нет, веселюсь, как видите... – буркнула она, покосившись на очередного приставалу. Этот был поприличнее прочих... высокий, статный, темноволосый... вроде бы молодой и красивый... хотя судить о внешности трудно, когда мир теряет четкость.

– Веселитесь? – повторил мужчина, без спроса присаживаясь за ее столик. – Не похоже...

– Разве? – она издала пьяный смешок и кивнула на свой бокал. – А это что, по-вашему?

– Это ваша депрессия, я полагаю... ваша печаль.

Барбара выругалась громко и совершенно не по-женски. Иных восхищало ее умение смачно выражаться, кое-кого отпугивало... его же как будто оставило равнодушным, даже слегка позабавило.

– Давайте представлюсь, – предложил он. – Меня зовут Людовик.

– Меня Барбара, – отозвалась она, залпом допивая вино. – Не буду врать, что приятно познакомиться.

– Неужто неприятно? – усмехнулся Людовик.

– А мне плевать...

– Плевать – это плохо. Любой гнев лучше безразличия.

Барбара нахмурилась. Нечто подобное она не так давно твердила и Майклу, используя, правда, более грубые выражения... слышать аналогичные обвинения в свой адрес было неприятно и обидно.

– Я не безразличная! – задиристо возразила она. – Я... живая!

Еще не договорив, девушка поняла, до какой степени она живая. Всё ее нутро, казалось, резко воспротивилось алкогольному изобилию... и было готово избавиться от него, причем немедленно.

– Одну минутку... – прохрипела Барбара и соскользнула с табурета. Слегка покачнувшись, ноги едва ее держали. – Мне нужно...

– Я знаю куда, – подхватив ее под руку, галантно сообщил мужчина. – Я провожу.

– Нет... – мучительно покраснела Барбара. – Я.. э...

– Вам нужно умыться, я понимаю, – любезно подсказал Людовик. Его черные глаза смеялись. – Уборная вон там... осторожно.

Девушка смутно помнила, что было дальше... вероятно, это было к лучшему. Кое-что порою лучше забыть...

• 3 •

Черный Визитер

Голова просто раскалывалась, а в горле першило. А еще подташнивало и мучительно хотелось пить... в общем, утро не задалось.

«Я умираю!» – эта мысль пульсировала в сознании, билась в такт сердцу, которое весьма неохотно выполняло свою «насосную» работу.

Барбара лежала на чем-то мягком и боялась открыть глаза. Попытки восстановить ход событий минувшего вечера потерпели крах... Кажется, она выходила прогуляться? Вроде бы сидела в каком-то заведении... что-то пила... все прочие воспоминания память не удержала, и остальное терялось в тумане.

«Где я... и как тут очутилась?»

Ответить на эти вопросы ей никто не мог, и пришлось приложить усилия, чтобы понять, что происходит. Девушка осторожно размежила веки, о чем сразу пожалела – в глаза брызнул свет, безжалостно слепя.

– О, черт... – пробормотала Барбара, вновь зажмуриваясь и укрываясь с головой покрывалом. – Черт, черт...

– Не стоит звать кого попало, – сказал кто-то довольно веселым тоном. – А вдруг придет?

«Майкл!» – сверкнула надежда, явно тщетная, Майкл говорил более низким голосом. Однако девушка была не в состоянии анализировать интонации.

Она прищурилась, вглядываясь сквозь завесу темно-каштановых ресниц в стройную фигуру у окна. Полностью открыть глаза Барбара, памятуя недавний опыт, не решилась.

«Нет, это не Майкл», – разочарованно подумала девушка и снова уткнулась лицом в подушку. Ей было всё равно, кто это... главное – не ее пропавший жених... остальное не имело значения.

– Вот выпейте, – сказал всё тот же голос. – Полегчает...

– Что это? – мрачно осведомилась Барбара, неохотно приподнимая голову от подушки и пытаясь сфокусироваться на протянутом стакане с прозрачной жидкостью.

– Это поможет вам восстановить силы, – последовал корректный ответ.

Барбара фыркнула, она не признавала подобных уклончивых определений.

– Средство против похмелья? – грубо уточнила она, наконец-то открывая глаза «во всю ширь» и даже делая попытку сесть. Каждое движение отдавалось ломотой в теле и гулом в ушах. – Там растворен аспирин? Или это рассол?

– Это нечто получше... и совершенно безопасно.

– Да хоть и опасно, – буркнула девушка и залпом опустошила стакан. Ей действительно было всё равно, что представляет собой таинственное снадобье, пускай даже яд... Когда так трещит голова, умирать не слишком страшно.

Загадочный напиток оказался прохладным и почти безвкусным, с едва уловимой сладковатой ноткой. Полегчало буквально сразу – мысли прояснились, а головная боль слегка унялась... но главное – исчезла резь в глазах.

Обрадовавшись вернувшемуся зрению, Барбара отметила три факта: первый – она находится дома у Майкла,

второй – кто-то передел ее в пижаму жениха, третий – таинственный гость был ей как будто смутно знаком... кажется, она уже видела это лицо с правильными чертами...

– Мы... знакомы? – хрипловатым голосом спросила девушка и откашлялась. – Я вроде вас помню...

Мужчина укоризненно покачал головой. Его черные глаза смеялись, взгляд, казалось, дразнил, хотя внешне «знакомый незнакомец» постарался сохранить серьезность.

– Мы общались, не помните? – напомнил он, уголки его красиво очерченных губ дрогнули... однако это не было улыбкой, разве что намеком на нее. – Я Людовик.

Имя было знакомым.

– Ах, да... – обрадованно закивала она. – Вы подошли ко мне в баре... только я не помню, чтобы приглашала вас в гости...

«Тем более – в гости к своему парню!» – добавила Барбара мысленно.

Людовик пожал плечами и без спроса устроился в кресле у окна. Невольно вспомнилось, что точно так же, без разрешения, он вчера присел и за ее столик... Что ж, правду говорят, наглость – второе счастье.

– Вы многого не помните, верно? – это был даже не вопрос. Скорее – констатация факта.

Барбара нахмурилась.

– Вчера был тяжелый день, – пояснила она недовольно. – Мое... невоздержанное поведение простительно.

Людовик примирительно поднял руку с раскрытой ладонью:

– Я вовсе вас не осуждаю, что вы! Вы были в отчаянии, это бросалось в глаза.

– Прямо-таки бросалось? – проворчала девушка и, опустив взгляд на явно большую для нее пижаму, смущенно спросила: – А кто меня... хм... передел?

– Я, – обезоруживающе улыбнулся гость. – Ваша одежда... несколько испачкалась... вам стало плохо...

Барбара краснела редко, но если уж краснела, то до корней волос, так что ее лицо практически сливалось по цвету с огненными кудрями.

– Не буду уточнять, как именно испачкалась, – отводя взгляд, пробормотала она, покусывая нижнюю губу. – Спасибо за... помощь...

На языке у нее вертелся еще один вопрос: а было ли между ними что-то более личное? Однако задать его вслух она не рискнула. Да и в любом случае ответ, наверное, был бы отрицательным... трудно представить мужчину, плененного женщиной в столь плачевном состоянии... совершенно бессознательной... но, с другой стороны, Людовик ее раздевал, он видел ее обнаженной! Эта мысль сердила и смущала одновременно.

– Конечно, эта пижама не совсем вам подходит, – продолжил Людовик, в его глазах прыгали чертики. – Но мне было как-то неудобно рыться в ваших вещах...

– Ну, не стоило стесняться! – с пылающими щеками прошипела Барбара, сузив глаза. Смущение ушло на второй план, теперь она была в ярости. – Вы вторглись в мой дом, вы видели меня... хм...

– Без всего, – любезно уточнил гость, пряча усмешку.

Глаза Барбары вспыхнули гневом.

– Голой! – конкретизировала она. – На этом фоне всё прочее просто пустяки!

Людовик выслушал эти претензии вполне спокойно, задумчиво кивая в такт ее словам.

– На самом деле, леди Барбара, вы сами меня умоляли проводить вас домой... И не мог же я уйти, когда вам стало плохо? Согласитесь, это было бы невежливо!

– Я вас умоляла?! – вспыхнула Барбара. – Быть того не может!

– Еще как может... кстати, не ошибусь, если скажу, что вам стало лучше?

Девушка, уже собираясь разразиться очередной гневной тирадой, удивленно захлопнула рот и прислушалась к себе. И правда, никаких следов недомогания не осталось...

– Чудо-средство! – восхищенно признала она. – А что это такое? Не подскажите рецепт?

Людовик рассмеялся:

– А что, вы планируете продолжать в том же духе?

Барбара сердито надула губы:

– Не понимаю, о чем вы! Я не алкоголичка...

– Алкоголизм с чего-то начинается. Обычно с проблемы... несчастья...

– Нет никакой проблемы, тем более несчастья! – вспыхнула Барбара, отбрасывая одеяло. Вскочив с кровати, девушка с досадой покосилась на незваного гостя, остро сознавая собственную убогость на фоне эдакого красавца... Немудрено... после ночи возлияний, в старой мужской пижаме... Чего еще ожидать?

«А вообще, плевать!» – добавила она мысленно, а вслух зло сказала:

– Может, окажете любезность, выйдете? Позвольте даме переодеться без свидетелей?

Он удивленно поднял тонко прорисованные брови:

– Я ведь всё уже видел... поздно прятать.

В лицо ей бросилась краска. Но это было не смущение, нет, скорее – гнев.

– Одного раза вам более чем достаточно, Людовик или как вас там... больше вы меня не увидите. Считайте это маленьким непреднамеренным превью... Самой премьеры вам не видать!

– А жаль, – с фальшивым преувеличенным огорчением вздохнул Людовик, ловко поднимаясь на ноги. – Но раз уж вы стесняетесь...

– Я не стесняюсь, вот еще! – пренебрежительно фыркнула она, тряхнув огненной кудрявой гривой. – Просто вы не получите второго шанса полюбоваться мной...

– Как скажете, – кивнул гость. – Я подожду вас на кухне. В таком случае... могу рассчитывать на чашечку кофе, надеюсь?

– Можете, минут через 15, – буркнула Барбара неохотно. – Всё-таки вы помогли мне...

Он вышел, а девушка принялась нервно приводить себя в порядок. И хотя она сказала, что не предоставит шанса любоваться собою, обещание (или угрозу?) не выполнила. Ей ХОТЕЛОСЬ, чтобы таинственный Людовик любовался ею, пускай и не нагой. Хотелось, чтобы он взглянул на нее не с жалостливым презрением, как смотрел этим утром, а с восхищением.

Поэтому на кухне Барбара появилась с приличным опозданием. Впрочем, Людовик как будто не скучал и поднялся навстречу ей с широкой улыбкой.

– Вот теперь вы восхитительны! – сказал он с откровенным одобрением, разглядывая ладную фигурку Барбары, подчеркнутую изящным домашним платьем малахитового цвета, который чудесно оттенял буйные темно-рыжие локоны. Широкий темно-синий пояс туго обтягивал гибкую талию девушки, демонстрируя стройность и изящество изгибов.

И Барбара тотчас оттаяла в ответ на столь явное восхищение, улыбнулась пускай немного хмуро, но уже миролюбиво... милостиво.

– Вы заслужили кофе, – с видом благосклонной хозяйки заявила она и засуетилась на кухне.

Вскоре они пили ароматный напиток и молча посматривали друг на друга. И если Людовик казался вполне

благожелательным, то Барбара оставалась настороженной. Что нужно ему, этому странному человеку? На что он рассчитывает, на какие «авансы» с ее стороны? Чего ждет?

– Не хотите поговорить? – наконец нарушил молчание Людовик.

Девушка угрюмо пожала плечами, не поднимая глаз от чашки:

– С чего бы? И о чем?

– Например, о том, почему вы вчера так яростно набросились на выпивку... вы явно не из тех, кто любит приложиться к бутылке.

Не сделай он этого уточнения, Барбара наверняка вспыхнула бы, она ненавидела, когда беспардонно лезут в душу... Однако его признание, что вчерашний конфуз был исключением из правил, смягчил ее, и она ошетибилась, скорее, по привычке:

– А вы что, психолог, да?

– Можно и так сказать, – усмехнулся Людовик, как показалось его собеседнице, не без грусти.

– Я вчера перебрала, да... и это редкость для меня, тут вы снова угадали. Я люблю иногда выпить бокал-другой вина, но меру знаю. Просто... это был сложный день.

– Вы потеряли возлюбленного, – сказал Людовик будничным тоном, словно делая замечание о погоде за окном.

Шокированная, Барбара со страхом и недоумением воззрилась на него. Может, он умеет читать мысли? Видит прошлое и будущее? Как иначе объяснить его убийственную точность?

Девушка сделала глубокий вдох и заставила себя успокоиться. В конце концов, никакого чуда не произошло... разве трудно догадаться, из-за чего расстроена молодая привлекательная женщина? Любовь, любовь, всегда любовь...

– Проницательно, – сухо признала Барбара, приглядываясь к собеседнику и силясь, подобно ему, испытать себя в телепатии.

Ей очень хотелось угадать, о чем он думает... – Я и правда потеряла близкого мне человека. Есть такая болезнь – диссоляция...

– Увы, слышан о ней, – печально улыбнулся гость.

Барбара с надеждой посмотрела на него:

– Вы сталкивались с этим диагнозом? Знаете, из-за чего так происходит? И как предотвратить?

– Причин много... но главная – в неумении быть сильным.

– Майкл был сильным! – возмутилась Барбара.

– Возможно, и был... до поры до времени. У каждого свой предел. Вот ваш, Барбара, очень высок. Вы и вправду сильная личность.

– Не нужно льстить, – буркнула девушка, которая и без лишних напоминаний знала, что ее волю трудно сломить. «Такой себе комплимент», – с горечью подумала она. Ей приходилось быть сильной, чтобы выжить... Тут нечем гордиться и тем более нечему завидовать.

– И не думал льстить. Я вполне искренен. Вы сильная... ваш друг оказался более слабым.

Барбара пожала плечами, решив не продолжать спор.

– Да, так и есть. И что из этого?

– Я хотел бы дать вам совет... если позволите.

Она подняла брови, немало удивленная.

– Не люблю советы, но чисто из любопытства готова выслушать.

– Оставьте прошлое в прошлом. Не пытайтесь вернуть невозможное...

– Невозможное – в смысле Майкла? – дрогнувшим голосом уточнила девушка.

Людовик медленно кивнул, глядя ей в глаза... Странный это был взгляд!

– Нет! – упрямо возразила она, вскинув подбородок. – Нет, я не готова оставить... хм... прошлое в прошлом. Я его верну!

– Прошлое?

– Майкла, – конкретизировала Барбара, презрительно щурясь. Людовик склонил голову набок, разглядывая ее, словно занятный экспонат.

– А как вы его планируете возвращать? И откуда?

– Ну... я слышала о Мире Теней, – неуверенно отозвалась девушка, слегка покраснев. Она понимала, как нелепо звучит ее пояснение... однако гость, как ни странно, воспринял эти слова совершенно спокойно, даже не улыбнулся.

– Есть такой мир, – признал он, – но он недоступен для обыкновенных людей...

– А я необыкновенная! – парировала Барбара. – Ну, или стану таковой.

– Вот именно этого я и боюсь... – вздохнул Людовик, пристально глядя на нее. – Послушайте, дорогая леди, я редко даю такие советы... Редко – потому что мало кто способен стать «необыкновенным», по вашему выражению. А вы... вы сможете.

На сей раз Барбара почувствовала себя польщенной и едва сдержала довольную улыбку.

– Да, я могу. И разве это плохо?

– Плохо, потому что «необыкновенность» в данном случае не подразумевает добродетель. Напротив, ничего общего...

– Не говорите, будто мне придется заниматься жертвоприношениями или есть младенцев живьем, – нервно рассмеялась она.

Людовик остался серьезным:

До младенцев не должно зайти, но вариант жертвоприношений не такой уж безумный.

Барбаре сделалось не по себе.

– Ну, чему быть, того не миновать, – заявила она с преувеличенно пренебрежительным видом, не столько убеждая Людовика, сколько подбадривая себя этой наигранной уверенностью. – Я сделаю то, что решила... я его верну!

• 4 •

Испорченный кофейный ритуал

Людовик расположился на террасе открытого кафе в блаженном одиночестве, если не считать снующих вокруг официантов. Редкая возможность побыть в обществе, но в то же время наедине с собой. Никто не мешает, не отвлекает шумными репликами.

Ему подали кофе – крепкий, без молока и сахара.

– Спасибо, – равнодушно поблагодарил он, вскользь глянув на официантку – невысокую, тоненькую, с черной кожей и красными волосами.

«Интересно, как бы она выглядела в настоящем мире?» – рассеянно подумал мужчина, подавляя вдох. Попытался представить: наверняка эдакая смуглянка с каштановыми локонами... или рыженькая? Ах, пустое... не угадаешь.

Мир Теней, он был таков... мало красок, мало эмоций. Даже кофе лишился своего привычного насыщенного и благородного оттенка и стал просто черным. Скучно!..

– Можно? – раздался холодный и, к сожалению, хорошо знакомый голос. – Составить компанию?

Ему не нужно было поднимать голову, чтобы понять, кто хочет нарушить его одиночество. Только Артур обладал дьявольской способностью появляться не вовремя и портить настроение буквально несколькими колкими (и, увы, меткими!) фразами.

– Ну, садись, садись, – сдержанно разрешил Людовик.

Артур устроился напротив и улыбнулся своему визави ледяной улыбкой, на которую Людовик, впрочем, не ответил.

– Итак, ты в очередной раз опростоволосился, – Артур не стал ходить вокруг да около и сразу приступил к делу.

– В каком смысле опростоволосился? – нахмурился Людовик, неприязненно смотря на собеседника, чей лохотный облик вызывал у него отвращение. Вероятно, это впечатление носило субъективный характер, ведь ничего особенно отталкивающего во внешности Артура не было: высокий, статный, широкоплечий, он обладал сильной харизмой, хотя и со знаком минус. Он явно принадлежал к числу мужчин с выраженным отрицательным обаянием... Именно такой типаж пользуется особенной популярностью у женщин.

Артур относился к «касте» белых: белая кожа, белые волосы, розоватая радужка глаз... полная противоположность ему, Людовику, с его кудрями цвета воронова крыла и угольной кожей. Правда, внешность – она обманчива... и Людовик знал не понаслышке, что устремления Белого имели совсем иной, противоположный окрас.

– Ты провалился в своей попытке убедить эту девочку, Барбару, кажется, – расшифровал свою мысль Артур. На его губах всё ещё блуждала легкая самодовольная улыбка, а глаза смотрели цепко, насмешливо.

Людовик пожал плечами, изображая безразличие.

– Не такая уж она девочка... ей под 30.

– Пускай так. Хотя она дитя, по сути... возраст не играет роли.

– А откуда ты знаешь, что я с ней разговаривал? Следил за мной?

Артур издал смешок и покачал головой:

– Вовсе нет... просто я тоже обратил внимание на сию... особу. Ты несколько опередил меня, и я, признаться, поначалу напрягся... Оказалось зря! Я должен был знать, что всегда могу на тебя рассчитывать.

Людовик с трудом сдержался, чтобы не вспылить. Помогла мысль, что Артур будет рад подобной вспышке... поэтому он сделал глубокий вдох и спокойно сказал:

– Я не намеревался тебе помогать, знаешь ли.

– Но помог, а это главное. До встречи с тобой Барбара вообще не планировала возвращать Майкла... Ты подал ей эту идею. Спасибо.

На скулах Людовика заиграли желваки. Слова Артура задели его за живое, слышать подобное из уст недруга (даже врага!) было неприятно...

– Нет ничего плохо в том, что ей хочется вернуть своего жениха, – наконец натянуто проговорил он вслух, отгоняя прочие мысли. – Это естественное желание.

– Дело не в цели, а в средствах для ее достижения, – пояснил Артур, делая знак официантке. – И в данном случае эти средства тебе не понравятся... я-то как раз вполне удовлетворен.

– Кто знает! – не согласился Людовик. – Возможно, я найду иные средства... более приемлемые.

– Не найдешь, – последовал безапелляционный ответ. – Есть два варианта: либо она присоединяется к Миру Теней, либо ее дражайший Майкл находит силы вернуться обратно. И ты ведь хорошо понимаешь, что он слабак... он не вернется. По сути, кто из твоих бедолаг возвращался? Вы все играете в секретность, мечтаете, и этим всё заканчивается.

Он не слишком преувеличивал, увы. Людовику действительно пока не удалось добиться каких-либо существенных успехов, и он радовался каждой крошечной победе: например, если кто-нибудь начинал верить, что мир на самом деле

сложнее, или видел, пускай мельком, новый цвет... Но то были крохи с барского стола. А вот Артур, он был иной... и куда более удачливый.

– Что сделало тебя таким? – мрачно спросил Людовик, исподлобья глядя на мужчину напротив.

– Каким таким? – уточнил тот удивленно. Вопрос явно его озадачил. – Неужели ты сейчас скажешь «таким злым» или «таким плохим»? Давай, это будет смешно!

– Нет, я не буду смешить тебя, – уверил его Людовик, сузив глаза. – Я имел в виду – таким жаждущим власти, стремящимся управлять людьми. Зачем оно тебе? Барбара не прибавит тебе ни денег, ни славы... только ощущение собственного... величия. Пожалуй, так?

Артур ответил не сразу. Целую минуту он всматривался в собеседника, изучал его.

– Всё намного сложнее, – произнес он после паузы. Потом ожесточенно добавил, впервые в его голосе прорезались подлинные эмоции: – А ты что же, другой? Ты такой же, Людовик. Точно такой же!

– Не вижу между нами никакого сходства, – живо возразил Людовик. Пожалуй, слишком бурно... Так возмущаются люди, когда хотят опротестовать очевидное. Правда глаза колет?

– Ты тоже жаждешь власти, – охотно пояснил Артур, глаза его горели лихорадочным огнем. – Тебе нравится ощущать собственную «особенность», значимость... Ты – лидер своей группы Видящих, или как вы там себя называете. Ты для них – полубог! И это тебе нравится, не так ли?

– Мне на это плевать! – рассердился Людовик.

– Ты можешь повторять сколько угодно, что тебе плевать, но ты скорее убедишь в этом себя, чем меня. Ты знаешь, что я прав.

– Цель моей группы – вернуться в настоящий мир, – стараясь говорить хладнокровно, произнес Людовик, в глубине души

понимая, что в упреке Артура есть зерно истины. Но только зерно...

Артур пожал плечами:

– Как знать, какой мир настоящий?

– По-моему, это очевидно: тот, что полноцветен.

– Откуда ты знаешь, что он полноцветен? Возможно, существуют и иные реальности, еще более объемные и яркие? В конце концов, обитатели Мира Теней не догадываются о его несовершенстве...

– Почему же? – сухо возразил Людовик. – Мои люди... они догадываются.

– Твои люди! – язвительно повторил Артур, закатывая глаза. – Как звучит-то! И ты еще будешь спорить со мной... Ладно, пустое. Суть проста: не обольщайся, будто знаешь, какой из миров настоящий. Нам не дано это узнать, по крайней мере – сейчас.

Людовик поморщился:

– Это, знаешь ли, уже глубоко философский вопрос...

– Слишком сложный? – с деланным сочувствием спросил Артур. – Ты прав, оставим! Я в любом случае уже поблагодарил тебя за помощь, разговор пора закруглять.

– Тебе тоже спасибо, кстати, – сказал Людовик с неожиданной улыбкой, наблюдая за Артуром. – Ты подал мне идею...

Артур, поднимаясь из-за стола, бросил на собеседника недоверчивый взгляд:

– Блефуешь...

– Я не блефую, – усмехнулся Людовик, наслаждаясь ситуацией. Было приятно хоть разок оставить последнее слово за собой. С Артуром это редко удавалось. – Просто мне как-то не приходило в голову, что можно заняться Майклом... помочь ему. И тем самым я помогу и Барбаре. Всё просто!

Артур натянуто улыбнулся:

- Просто? Что ж, мы посмотрим, насколько это просто...
- Посмотрим, конечно. Посмотрим!

* * *

Артур не стал задерживаться и вскоре ушел, стараясь «держать марку». Людовик, впрочем, не последовал его примеру и продолжал сидеть за столиком, внутренне посмеиваясь. Мужчину забавляло, что именно его давнишний враг подал любопытную идейку – помочь Майклу, как он пытался помогать другим членам своей маленькой группки Видящих.

И хотя название было пафосным и претенциозным, участники этой небольшой организации были обыкновенными людьми. Мало кто из них действительно обладал какими-то способностями и даром... и мало кому он, Людовик, помог.

По сути, его «подопечные» делились на несколько типов.

Некоторые нуждались в чём-то волшебном, способном приправить их в остальном унылую монотонную жизнь. И Вера в Цвета становилась для них настоящим лекарством от однообразия.

Другие принадлежали к категории адреналиновых наркоманов и постоянно искали приключений. А учитывая, что их группа была запрещенной, драйва хватало с лихвой.

Кое-кто приходил за компанию с другом, из любопытства или чтобы «испытать что-то новое».

И лишь очень немногие «видели», чувствовали... и обычно считали себя не вполне нормальными, им казалось, они страдают психическими отклонениями того или иного рода.

Людовик вздохнул, мысленно перебирая состав Видящих. Сумел он помочь хоть кому-то? Кажется, нет... Может, потому

они редко задерживались в рядах его учеников? Им становилось скучно...

Людовик постарался примерить роль Видящего на Майкла. Впишется ли он в его группу? На первый взгляд – нет.

– Что ж, – пробормотал Людовик вслух, задумчиво щурясь. – В таком случае придется предложить индивидуальные уроки...

• 5 •

Белый Визитер

«Женский алкоголизм неизлечим», – эта расхожая фраза звучала в ее мыслях весь вечер, начиная с того момента, как Барбара, устав от бесплодных усилий добиться хоть какого-то результата, снова решила «проветриться»... Нет, она вовсе не намеревалась третий вечер подряд оккупировать бар, не планировала опять засесть там в компании очередной бутылки... но каким-то образом этим всё и закончилось.

Ну а кто может ее винить? Денек выдался не из легких!

Утром, не без труда выпроводив странного визитера (который ушел, сделав напоследок еще парочку бесполезных жизненных напутствий), Барбара осталась тет-а-тет со своими мыслями и муками совести – общество не из приятных. Она даже почти раскаялась, что прогнала Людовика... всё-таки присутствие гостя, пускай и незваного, помогало отвлечься... Теперь же никаких отговорок не осталось.

Бездействие ее злило и нервировало. Барбара была натурой энергичной, активной, и ждать без дела было не в ее характере... Вот только как взяться за проблему, над которой столетиями безуспешно бились умы поострее ее собственного? Никто не знал, как справиться с диссоляцией и, тем более, вернуть тех,

кого эта болезнь погубила. Мир Теней, думалось Барбаре, подобен Миру Смерти. Никто оттуда не возвращается.

В конце концов девушка пришла к выводу, что лучше всего начать с небольшого исследования – она всегда так поступала, приступая к новому проекту. Конечно, ее работа обычно касалась графического дизайна, однако почему бы не применить подобный подход и к другой сфере деятельности?

И вот она сидит в Интернете и с остервенением гуглит, вводя один запрос за другим. Вопросы наподобие «Как вылечить больного Д.?» Барбара уже не задаёт, поздно. Теперь пора выяснить, как проникнуть в Мир Теней... или как вызволить оттуда того, кто оказался пленником этой загадочной реальности.

И снова пустые хлопоты. Ничего путного, ничего дельного.

«Пора сделать перерыв, – резюмировала девушка ближе к вечеру, отчаявшись раздобыть хоть крупицу полезной информации. – Нужно переключиться...»

Барбара собиралась просто пройтись, возможно, выпить чашечку кофе, но в итоге опомнилась уже за стойкой бара, когда официант подавал ей бокал с веселеньким колоритным коктейлем, название которого она даже не пыталась удержать в памяти. Собственно, девушке было почти всё равно, что пить. Подошел бы любой жгуче-сладкий напиток, способный к возгоранию... дурманивший с первых глотков. Забыть, забыть, затуманить рассудок – вот что ей требовалось прямо сейчас!

– Опять пьете? – раздался мужской голос, когда Барбара уже во второй раз опустошала свой бокал.

– Не опять, а снова, – раздраженно процедила она, покосившись на очередного претендента на пикантную роль «партнера на вечер». Он показался ей еще более неприятным, чем вчерашний кавалер. Людовик, по крайней мере, был хорош собой, а этот производил тягостное впечатление: бледный, со светлыми,

гладко зачесанными назад волосами, высоким залысым лбом и водянистыми глазами навывкате.

– Я составлю вам компанию, – уверенно заявил мужчина, делая знак официанту. – И следующая порция за мой счет. Что, кстати, пьете?

– Коктейль... «Зеленый мексиканец», кажется.

– Фу, как слабо, – поморщился он. – Я угощу вас чем-то получше.

Она удивленно покосилась на него:

– Даже так? А я думала, вы планируете упрекать меня.

– Вот еще! – фыркнул он. – Не мой стиль. Никогда не упрекаю. Тем более женщин... да еще таких привлекательных, как вы.

Барбара по-новому взглянула на него, и теперь он показался ей интересным. Не красавец, конечно, но обаятелен... возможно, харизматичен. То сильное мужское очарование, которое проявляется в мелочах и не сразу... Да, пожалуй, он ей нравился.

– Меня зовут Артур, – представился незнакомец, улыбнувшись уголками губ. Улыбка у него была завораживающая, и Барбара не смогла устоять – улыбнулась в ответ.

И это было лишь началом.

* * *

Утро подкралось незаметно, казалось, только что вовсю царствовала дурманная ночь, и вот настал очередной день...

Их разбудило солнце, чьи сонные рассеянные лучи проникли в комнату сквозь не зашторенные окна – с некоторых пор Барбара возненавидела любые занавески, даже кружевной тюль... Возможно, виной тому был Майкл, недели подряд отказывавшийся пускать свет в помещение.

Барбара не спешила размеживать веки, просто лежала, прислушиваясь к звукам пробуждающегося дня. Как ни странно, на сей раз не было ни мигрени, ни сухости во рту, ни повышенной жажды... То ли организм привык к обилию алкоголя, то ли последовавшее за возлияниями в баре амурное приключение послужило «противоядием».

Вспомнив все детали этого приключения, Барбара встрепенулась и села на кровати, испуганно покосившись на крепко спящего мужчину. Сейчас, в робком утреннем свете, он снова показался ей несимпатичным... Но какое значение имеет внешность, если ее обладатель так чудовищно хорош в постели? А Артур (так ведь его звали?) был очень даже неплох в роли любовника... он чувствовал женщину, знал, что ей нужно... понимал, как доставить партнерше удовольствие... а главное – не был эгоистом. Редкий случай!

Щеки Барбары залила краска стыда, когда девушка в мелочах припомнила, как всего пару часов назад беззастенчиво предавалась безудержной страсти. Она предала Майкла... она изменила ему в его же квартире, более того – в его же спальне! Как это вообще могло произойти?! Не столько же она выпила, в конце концов!

«У меня давно никого не было, – попыталась успокоить себя Барбара. – Несколько месяцев, как минимум...»

Да, по сути она была одинока с тех самых пор, как Майкл проявил первые признаки недовольства жизнью... у него сразу пропал аппетит, в том числе – сексуальный. Уже тогда Барбара заподозрила неладное, ведь какой мужчина откажется от ласк, которые тебе столь охотно предлагают? Правда, изначально девушка опасалась, что в жизни ее жениха появилась новая пассия... Увы, действительность оказалась куда суровее. С соперницей можно было бы побороться, а вот войну с диссоляцией она позорно проиграла.

Артур шевельнулся, что-то пробормотал во сне. Барбара свела брови, рассматривая его. Некрасив, да... но что-то в нем влекло ее, даже сейчас влекло.

Наверное, она изучала Артура слишком настойчиво, ее взгляд разбудил его. Мужчина приоткрыл глаза и сонно улыбнулся недавней любовнице. Он выглядел донельзя расслабленным, как досыта налакавшийся сметаны кот.

«Что ж... – со злой иронией подумала девушка, кривя губы. – Не сметаны и не кот, но в остальном всё правда...»

– Что с лицом? – вот был первый вопрос Артура.

Барбара удивленно подняла брови. Не такую фразу ожидаешь услышать от мужчины, в объятиях которого провела сногшибательную ночь.

– С лицом? – повторила она недовольно. – Ну, не знаю... макияж стерся. Что, так страшно выгляжу без грима?

Артур поморщился, как от зубной боли.

– Нет, краска тут ни при чем... но ты как будто расстроена. Мне казалось, нам было неплохо... разве нет?

Барбара облегченно улыбнулась, задумчиво провела пальцем по его обнаженному, налитому мышцами плечу.

– Неплохо – это ты скромненько описал, – заметила она. – Всё было очень даже... здорово!

– Тогда откуда грусть-печаль в глазах? – поддел Артур, усмехаясь. Он растянулся на спине и, забросив руки за голову, с улыбкой смотрел на девушку.

Та пожала плечами:

– Нет никакой печали, так... сожаление. Раскаяние.

– Ты думаешь, будто предала своего умершего друга.

Барбара застыла, пораженная. Неужели она вчера проболталась ему о Майкле?

– Да, ты упоминала своего жениха, – подтвердил он ее мысли. – Я... хм... хотел помочь тебе расслабиться.

– Клин клином, так, что ли? – прищурилась Барбара, ощутив внутренний протест. – Не помогает.

– Ночью помогало, – возразил он.

Девушка смутилась, но лишь на мгновение.

– Эффект кратковременный, – заявила она нарочито вызывающим тоном. – Теперь я сожалею. Тем более, что Майкл... мой жених... он не умер... я верю, что он сейчас находится в Мире Теней.

Она настойчиво всматривалась в лицо собеседника, ожидая насмешки, но иронии не последовало. Артур остался вполне серьезным.

– Значит, он страдал от диссоляции? – спокойно уточнил он.

– Да, – хрипло ответила Барбара. – И я не смогла ему помочь.

– Что ж, сочувствую, – однако интонации его голоса не выражали сострадания.

Барбара нахмурилась, ее задело такое показное равнодушие.

– Не сочувствуй! – резковато сказала она, вскинув подбородок. – Я его верну.

И опять девушка ожидала ответной иронии, издевки, быть может... Но нет, Артур спокойно и в какой-то мере благожелательно смотрел на нее.

– Что, не веришь? – недовольно осведомилась она, хотя мужчина никаких признаков недоверия не выказывал. – Думаешь, я сошла с ума, да?

– Ну почему я должен так думать? – вопросом на вопрос ответил он, садясь в постели и поудобнее устраивая подушку под спину.

Она отвела взгляд и пожала плечами:

– Мало кто верит в Мир Теней... Говорят, это сказки... Примерно как те, что описывают рай и ад.

– Я ничего не могу сказать про рай и ад, ибо там, к счастью, еще не бывал, но Мир Теней существует. Я часто его посещаю...

Это прозвучало ужасно будничным тоном. Примерно с таким же выражением Артур мог сказать, будто нередко ходит в магазин или ездит за границу.

Барбара изумленно воззрилась на него, пытаясь угадать, в чем подвох.

– Если это шутка, то не самая удачная, – дрогнувшим голосом сказала она после натянутой паузы. – Я... не в настроении острить на эту тему.

Артур казался раздосадованным:

– Почему некоторые женщины так и норовят всё воспринимать в штыки? Ты сказала, что веришь в Мир Теней, я говорю, что ты права... Причем тут шутки? Если какой-то мир существует, то в него можно проникнуть тем или иным способом.

Барбара вцепилась ему в руку, сердце ее учащенно забилось. Ей очень, до смерти хотелось поверить своему случайному (случайному ли?) любовнику... поверить и довериться.

– Можно, значит? – жадно спросила она, не сводя с него лихорадочно заблестевших глаз. – И ты знаешь как? Подскажешь?

Артур поморщился, освобождая руку из цепкой хватки девушки – ее ногти больно впились в его кожу, оставив на ней отчетливые лунообразные следы.

– Я могу помочь, но предупреждаю: это непросто, придется многим пожертвовать.

– Чем же? – насторожилась Барбара, брови ее сошлись у переносицы.

– Отчасти – человеческой сущностью.

Подобный ответ поставил ее в тупик.

– Но ты-то вроде человек? Во всех смыслах... – и девушка нервно усмехнулась, невольно пришли воспоминания о минувшей бурной ночи. Человек ли? Пожалуй, бог... во всяком случае, в постели.

– Я больше, чем человек, – ответил Артур немного самодовольным тоном, невольно подтверждая ехидные мысли Барбары.

– Не понимаю, – нахмурилась Барбара. – Что значит – больше, чем человек? Можешь быть чуточку конкретнее?

Артур вздохнул с таким видом, будто девушка задала ему невероятно нелепый вопрос.

– У человека есть лимиты... границы... у меня тоже, конечно, они имеются, но в гораздо меньшей степени, – пояснил он довольно туманно.

– Ну, я не прочь избавиться от парочки лимитов, – пренебрежительно повела плечом Барбара, испытав несказанное облегчение. – Если дело именно в этом...

– В этом, но подумай хорошенько, прежде чем соглашаться... Прозрев, можно убедиться, что мир куда непригляднее, чем ты себе воображала. Порою лучше оставаться слепой... образно говоря.

– Мир не может быть еще непригляднее, чем я воображаю, – фыркнула Барбара, потрянув рыжей копной волос.

– Еще как может, поверь мне.

– Тем не менее я готова рискнуть, – заявила она, поставив жирную точку в их споре.

• 6 •

Черные уроки

Было поздно, когда он возвращался домой после очередного рабочего дня. Зимой в этот час всё вокруг пронизывает глухая чернота, но сейчас, весной, подступавшую ночь слегка разбавлял призрачный багровый свет.

Майкл поехал, погода была довольно прохладной, весна еще не успела громогласно заявить о себе. Это подтверждала не только промозглая сырость, но и последние подтаявшие сугробы, кроваво-бурыми пятнами устилавшие округу.

«Надоело, – уныло думал парень, поднимая воротник куртки. – Когда уже потеплеет?»

Да, он устал от бесконечной зимы, от плохой погоды, от безрадостного пейзажа... душу грела слабая надежда, что с воцарением весны (настоящей весны, а не этой вот фальшивки) всё изменится к лучшему. Появятся силы жить... любить.

«Я становлюсь сентиментальным», – мелькнула очередная мысль, когда Майкл уже пересекал пустынный двор, приближаясь к своему дому.

Возле подъезда он краем глаза заметил какую-то тень. Высокая черная фигура скользнула к нему, загородив дорогу.

Сердце Майкла невольно екнуло. Нет, он вовсе не был трусом, но и к бесстрашным героям тоже не относился.

– Разрешите? – буркнул Майкл, не поднимая глаз и делая вид, будто его не тревожит и не настораживает странное поведение незнакомца.

– Я хотел задать тот же вопрос, – ответил тот. Он говорил негромко, но отчетливо.

– Не понял? – нахмурился Майкл, всматриваясь в мужчину. Темнота скрыла черты его лица, но общее впечатление парень составил. Кажется, загадочный господин принадлежал к касте Черных: черная кожа, волосы, глаза... особенно суеверные люди считали подобных ему едва ли не «демонами», носителями «печати порока»... однако Майкл себя суеверным не считал, а потому «черная» внешность его не испугала. Пугала, скорее, настойчивость, с которой незнакомец преграждал ему путь... Такая уверенность сигнализировала об опасности, призывала к бдительности.

– Я хотел поговорить с вами, – вполне любезно пояснил мужчина, по-прежнему заслоняя проход. Это было легко, учитывая широкоплечее и статное сложение непрошеного собеседника.

Майкл пожал плечами с деланно безразличным видом, осторожно нащупывая в кармане куртки отвертку, которую случайно захватил с работы... Неужели приходится?

– О чем поговорить? – спросил он вслух якобы беззаботным тоном. – Мы вообще знакомы?

– А вы разговариваете только со знакомыми? – ехидно уточнил мужчина. – В таком случае давайте познакомимся. Я – Людовик Клондайкс.

Ни имя, ни фамилия ни о чем ему не сказали.

– Я Майкл Риверс, – в свою очередь представился парень, пожимая плечами. – Пожалуй, вы в курсе, раз уж мечтали со мной поговорить.

– В курсе, – не спорил таинственный Людовик. – Может, обсудим мою проблему у вас дома? На улице неудобно.

Однако Майклу вовсе не улыбалось приглашать к себе в гости столь подозрительную личность.

– Тут, за углом, есть кофейня, давайте лучше там, – предложил он.

* * *

Кафе «Ажур» не относилось к числу роскошных, скорее, – к разряду «ничего особенного». Тут не подавали алкоголя и изысканных блюд, только чай, кофе и разнообразные десерты – от кексиков и капкейков до яблочного штруделя и шоколадного брауни. Здесь нельзя было расслабиться с любимым коктейлем или солидно поужинать, зато можно было вкусно перекусить чем-нибудь жутко калорийным и сладким, выпить неплохой кофе и просто слегка отдохнуть. В будни в «Ажуре» любили собираться студенты, а в выходные мамочки водили сюда своих юных чад... ну а Майкл посещал эту кофейню только из-за ее местоположения. Удобно: пару минут – и ты дома.

– Неожиданно, – пробормотал Людовик, оглядываясь.

– Почему? – Майкл воспринял этот вопрос немного в штыки. – Что не так?

– Да интерьерчик такой... для влюбленных парочек и подростков, – пробормотал мужчина. – А мы как-то не похожи ни на кого из них... я надеюсь.

Майкл почувствовал себя задетым. Молодому человеку раньше не приходило в голову, что кафе ему «не соответствует». Он окинул помещение критичным взглядом: темно-розовая мебель, светлый пол и потолок... столиков мало, стены расписаны веселым алым узором...

– Ясненько, – буркнул Майкл, направляясь к дальнему столу. – Я, значит, выгляжу как заядлый алкоголик и посещать могу только низкопробные бары...

– Я, скорее, думал о ресторанах высокой кухни, но раз вы настаиваете на баре... – насмешливо отозвался Людовик, усаживаясь напротив парня. – А если серьезно, то это кафе миленькое, просто очень уж... камерное, что ли. Малолюдно как-то.

Майкл с сомнением огляделся. Сегодня здесь и правда было малолюдно, но лично он предпочитал именно такой вариант. Что хорошего, когда вокруг царит галдеж, когда негде сесть, а официанты сбиваются с ног, стремясь расторопно обслужить многочисленных посетителей?

– Что ж, вам стоит заглянуть в «Ажур» в воскресенье в обед, – желчно усмехнулся он вслух. – Вам тут понравится... подростков прорва... мамы, папы, детки орут...

Людовик вежливо улыбнулся:

– На самом деле так было бы лучше. Мы бы с вами привлекали меньше внимания.

– Ну вы меня прям заинтриговали! – язвительно обронил Майкл. – Что ж, давайте чего-нибудь закажем, а то я проголодался после работы. А за едой и поговорим.

– Сомневаюсь, что тут можно поужинать как следует, – спокойно сказал Людовик.

Парень равнодушно пожал плечами:

– Как следует не удастся, но мне сойдет и десертик. Сбить голод...

«Тем более что дома всё равно есть нечего», – мысленно добавил он.

Десять минут спустя Майклу подали кусок черничного пирога и кофе со сливками. Людовик ограничился эспрессо.

– Итак, что же за таинственное дело у вас ко мне? – принимаясь за пирог, осведомился Майкл.

– Я хотел бы помочь вам, – пояснил господин Клондайкс. – Помочь вспомнить.

Молодой человек замер с ложкой в руке, не успев донести до рта очередную порцию выпечки. В глазах его мелькнуло настороженное удивление, даже сомнение: может, его собеседник немного не в себе? Мало ли ненормальных вокруг...

– Я, кажется, ничего не забывал, – стряхнув оцепенение, легким тоном заметил парень и продолжил сладкую трапезу.

– Это вам только так кажется, – возразил мужчина.

«Точно: псих!» – с тревогой подумал Майкл. Памятуя, что с сумасшедшими нужно обращаться как с хрустальными предметами (то бишь – бережно и осторожно), он сделал щедрый глоток кофе и с показным добродушием произнес:

– Мне ничего не кажется. Я не страдаю ни от склероза, ни от амнезии...

– Безусловно, нет, – на сей раз Людовик охотно с ним согласился. – Ваш недуг зовется иначе.

Майкл покраснел не от смущения – от обиды.

– Мой недуг? – повторил он раздраженно. – Я здоров, слава богу!

– Еще скажите, будто вам не снятся цветные сны, – насмешливо обронил человек напротив.

Румянец Майкла стал жарче, гуще залил его щеки и слегка коснувшись липкого от испарины лба. Украдкой оглянувшись и убедившись, что никто их не пытается подслушать, парень нагнулся над столешницей и сердито прошипел:

– Вы того... потише говорите о таком... сами не понимаете, что ли?!

Людовик только пожал плечами.

– Понимаю, потому и сетовал на... хм... малолюдность. Когда вокруг полно народу, никто ни на кого не обращает внимания. Но вернемся к моему вопросу... Вам что, не снятся порою особенные сны? Вы понимаете, о чем я.

Парень досадливо свел брови, отводя взгляд. Молодому человеку не хотелось смотреть в эти черные ироничные глаза... Их обладатель, возможно, и не был сумасшедшим в прямом смысле слова, но беззаботность, с которой он говорил о запретном, намекала на безумие... или, по меньшей мере, на опасное легкомыслие. И при этой мысли Майклу становилось не по себе.

«Но ведь он угадал», – пронеслось в голове.

Да, Людовик попал в точку: Майклу и правда нередко (почти каждую ночь) снились цветные сны. Эти наполненные красками грезы тяготили его... Бывало, он просыпался среди ночи с учащенным сердцебиением и странной давящей тяжестью на сердце... и еще – с мучительной головной болью. А утром, когда робкий розовый свет проникал в его комнату, Риверс с облегчением понимал, что мир вокруг снова прежний, красно-черно-белый... спокойный мир. Настоящий и единственный.

Людовик пристально смотрел на него, Майкл чувствовал его взгляд, даже не поднимая головы. Парня так и подмывало спросить в лоб с прямолинейным простодушием: чего, мол, пялишься, я не девица на выданье, чтоб мною любоваться... И он почти спросил... стусевался в самый последний момент. Вопрос замер у него на губах, и Риверс ограничился тем, что воззрился на Клондайкса с точно такой же бесцеремонностью. Правда, созерцать хорошо вылепленное, с черной блестящей кожей лицо собеседника было не слишком приятно. Да и желаемого эффекта Майкл всё равно не добился. Людовик намек не понял и продолжал изучать своего визави с прежним беззастенчивым вниманием.

– Я не хочу говорить об этом, – натянуло проговорил Майкл. С каждой минутой ему становилось всё неудобнее в компании Людовика. – Сны от нас не зависят.

– Спорная тема, но не столь уж актуальная... сейчас. Но подумай сам, раз тебе снятся многоцветный мир – значит, твой мозг

откуда-то знает, как выглядит реальность, в которой существуют не только три цвета?

– Говорите потише! – рассердился Майкл. – Если вам плевать на последствия, то мне – нет!

– Ты сам привлекаешь к нам излишнее внимание, – равнодушно заметил мужчина.

Он был прав – последнее восклицание Майкла услышали за соседними столиками, и теперь на собеседников с любопытством косились.

– Поменьше эмоций, и всё будет отлично, – продолжал Людовик. – И не уходи от разговора.

– А чего это вы со мной на «ты»? – вдруг сообразил Майкл и сразу набычился. – Я вам не мальчик!

– Просто хочу убрать официоз. Ты тоже можешь обращаться ко мне по-дружески...

– Ну ладно, друг мой, – холодно и язвительно откликнулся Риверс, которому всё это изрядно надоело. День был непростым, выматывающим, и парень уже несколько часов мечтал о диване и телевизоре... и парочке бутылок пива. Разговоры по душам с безумным незнакомцем в планы никак не входили. – Буду откровенен: мне плевать, во что верит мое подсознание. Главное, что я вижу вокруг. А вижу я трехцветный мир... и другой мне не нужен.

– Не нужен ли? Такой мир был бы интереснее... разве нет? Этот – мрачен и скучен...

Майкл с досадой пожал плечами:

– О, я знаю эти байки... и вообще, я понял, кто ты.

– Ну и кто же?

– Сектант, вот кто. Вас много развелось последнее время.

– Вот как? – Людовик выглядел позабавленным. – Сектант, значит? Ну-ну...

– Вот именно! – подчеркнул Майкл, выпрямляясь. Глаза его лихорадочно блестели. Теперь, когда он, казалось, «раскусил»

собеседника, ему сразу полегчало. – Я слышал все ваши сказки... о том, другом мире, таком прекрасном... что в нем прекрасного? У меня от снов... ТАКИХ снов... всегда болит голова... потому что невозможно жить, когда тебя окружает столько ярких красок. Просто свихнешься!

– Что ж, утешься, эти сны будут сниться всё реже, – сухо заметил Людовик, допивая кофе одним большим глотком. Он помрачнел, словно собеседник ужасно разочаровал его своим ответом.

– Скучать по этим снам я не буду, – криво улыбнулся Майкл. Он уже покончил с пирогом и допил кофе. Разговор откровенно тяготил его, а иных причин оставаться в кафе как будто не осталось. – Хотя сомневаюсь, что мои сновидения прекратятся вот так вдруг.

– Не вдруг. Ты привыкнешь к этому миру, вот и всё.

Майкл зло усмехнулся:

– Ну да. С чего это я к нему привыкну? 30 лет не мог привыкнуть, и вот – свершилось!

Людовик с жалостью посмотрел на него:

– Ты тут не 30 лет, отнюдь. Ты совсем... новенький, если можно так выразиться.

– Что за бред?! – пробормотал молодой человек, потрянув головой. Он попытался выдавить из себя смешок, но тот прозвучал неубедительно. Слова Людовика пробудили в памяти Майкла какое-то смутное ускользящее воспоминание... и эта зыбкая тень прошлого тревожила его.

– Это не бред. Ты раньше, до недавнего времени, жил в нормальном полноцветном мире – том, что снится тебе. Эти сны – они сродни воспоминаниям... но воспоминания постепенно сойдут на нет... сотрутся.

– побыстрее бы... – побелевшими губами пробормотал парень, оттягивая ворот рубашки, тот начал душить его.

– Ага, ты веришь мне? – ликующе сказал Людовик. Прищурившись, он всматривался в побледневшее и потное лицо Майкла. – Ты веришь, что я говорю правду... ты почти ПОМНИШЬ, я угадал?

Эти слова вывели парня из оцепенения. Майкл мог сомневаться, во что именно верит, но он точно знал, что помнит... и помнил он отнюдь не полноцветную мифическую реальность, а годы и годы, проведенные в красно-черно-белом мире.

«Как будто существует другой!» – едко подумал молодой человек, а вслух сказал:

– Нет, ты не угадал, – произнес он со сдержанным торжеством. – Я помню свою жизнь, все ее детали, все события... кроме, разве что, самых ранних.

– Это ложные воспоминания, хотя в какой-то мере и связанные с истинными, – последовал уверенный ответ.

– Удобная позиция, ничего не скажешь! – с сарказмом проговорил Майкл. – Ты аргументы приведи... доказательства.

– Не всё можно доказать так сразу, – пожал плечами собеседник. – Но я попробую убедить тебя... или хотя бы вызвать сомнение.

Майкл нахмурился, что-то в интонациях голоса Людовика настораживало его, пробуждало странное чувство дежавю... Однако выказывать собственную неуверенность парень не спешил. Клондайкс и без того выглядел донельзя самодовольным.

– Попробуй, – произнес молодой человек, откидываясь на спинку стула и знаком подзывая официантку. Нервное напряжение снова пробудило в нем голод, слегка поутихший после солидного куска черничного пирога.

Людовик подождал, пока белокурая девушка с розовой кожей и темно-алыми глазами примет заказ (еще два кофе и порция миндаля в шоколаде), и только потом заговорил:

– Хочу высказать предположение. Вероятно, ты недавно сюда переехал... в этот город. Никого тут не знаешь... все родственники далеко, связаться с ними трудно.

Парня пробрал озноб, по коже забегали мурашки. Как, как Людовик умудрился снова угадать?! Подобная прозорливость была сродни чуду и потому пугала. Кто он, этот Клондайкс? Телепат? Ясновидящий? Просто очень проницательный человек? Нет, любая проницательность имеет свои пределы.

Внезапно Майкла осенило, и он с облегчением улыбнулся. Телепат, как же! Нет, всё куда проще, проще и приземленнее.

– Ты что, навел обо мне справки? – уверенно осведомился он, убежденный, что угадал. Не так уж трудно, в конце концов, выяснить всю подноготную обыкновенного человека, не участвующего ни в каких секретных делах. – Зачем? Чтобы произвести впечатление? Почти удалось.

– Нет, я не навел справки, – лениво возразил Людовик, принимая из рук официантки свою чашку кофе. – Просто именно так начинаются многие истории...

– Истории? Какие это? И как – именно так? – насупился Майкл, недовольный, что не сумел сбить спесь с высокомерного собеседника.

А тот с прежним скучающим видом растолковывал свою мысль:

– Я говорю об историях людей, подобных тебе, друг мой. Людей, которые волею судьбы очутились в этом вот мире.

– А раньше они, такие же бедолаги, как я, жили в другом мире? – не без яда уточнил парень, зачерпнув из вазочки горсть орешков и принявшись остервенело их грызть, почти не ощущая вкуса. – Позволь предположить: в некоем многоцветном... так?

– О, ты осмелел! – усмехнулся Людовик, глаза его залучились лукавством. – Даже выговорил вслух запретное слово...

Майкл покраснел:

– Я не трус, если ты на это намекаешь. Я просто осторожен и умен... в отличие от тебя, если на то пошло.

– Пускай так, – снисходительно допустил мужчина. – Так вот, отвечая на твой вопрос: да, ты раньше жил в нормальном многоцветном мире. И ты не один такой... вас много. И каждый прожил в той яркой реальности свою жизнь, получил свой опыт... не совместимый с окружающей убогой красно-черно-белой действительностью. А потому ваши воспоминания, – как бы правильно выразиться? – они подстроились под нынешние реалии. Изменились... Согласись, гораздо удобнее заставить одного человека поверить, будто он одинок и переехал в новый город, чем перекраивать память нескольких людей, создавая новичку фантомных друзей «прошлого» – прошлого, которого, по сути, нет. Я понятно объясняю?

Майкл тряхнул головой, словно хотел тем самым избавиться от наваждения, вызванного пространной тирадой Людовика. Всё, что он сказал, звучало дико, моментами слишком туманно... и пугающе знакомо. Каждая фраза Клондайкса вонзалась в Риверса незримым болезненным шипом, воскрешая хаотичные ассоциации. Парню чудилось, будто его ввели в некий транс, и интерьер кафе вдруг стал до странности ирреальным... напоминающим неудачные декорации. Возникло чувство, что стоит протянуть руку и дернуть за невидимый шнур – и мишура спадет, обнажив истинную картину мира, – возможно, ту, о которой так настойчиво твердил Людовик.

«Он гипнотизер!» – с испугом подумал Майкл, делая поспешный глоток кофе и пытаясь привести мысли в порядок. Теперь он старательно избегал взгляда мужчины напротив, – говаривали, смотреть в глаза людей, обладающих гипнотической волей, опасно... такие личности умеют правильно подбирать комбинации фраз и внушать своим жертвам опасные мысли, внедрять совершенно ненужные идеи.

«Вот как они действуют! – осенило его. – Вот как становятся сектантами... начинают верить в ерунду!..»

Но нет, с ним номер не пройдет! Он не позволит делать из себя дурачка, он не столь наивен... и тоже силен духом... по крайней мере, достаточно силен, чтобы сопротивляться.

– Интересная теория, – хрипло сказал парень вслух, вперив в своего визави лихорадочный взгляд... пытаюсь выиграть в этой игре в гляделки. – Напоминает фантастический рассказ... но есть нестыковки в сюжете.

– Какие, например? – любезно уточнил Людовик, без зазрения совести угощаясь миндалем из вазочки Майкла.

– Например, если верить тебе, то каждый человек должен возникать из ниоткуда... то есть каждый должен быть, подобно мне, приедем...

– С чего ты решил? – удивился Людовик, причем столь явственно, что с него даже на миг спала его царственная отстраненность.

– Ну как же? Если все мы родом из этого загадочного мира...

– Не все, – перебил его Клондайк с тенью нетерпения. – Многие рождаются здесь. Если ты женишься и заведешь ребенка, этот ребенок будет изначально жить тут. Кроме того, со временем даже те из людей, которым посчастливилось хотя бы в далеком прошлом увидеть иную реальность, год за годом всё больше адаптируются в Мире Теней... и память их соответственно меняется.

Майкл поежился, собеседник раздражал его, но прекратить разговор парень не решался.

– Почему ты так нервничаешь? – в упор глядя на него, спросил Людовик. Казалось, он читает по лицу, как по книге, словно эмоции запечатлелись в выражении глаз Риверса, в его манере поджимать губы и морщить лоб... Пожалуй, так оно и было, хотя

Майклу было досадно сознавать, что за тридцать лет он так и не научился скрывать свои мысли.

– Я нервничаю, потому что людей, которые верят в такое... верят в ЦВЕТА... а тем более видят их, пускай и во снах... таких людей лечат, лечат насильственно. Я... не хотел бы стать таким пациентом, – и он завершил свое краткое пояснение неубедительным смешком.

– Ты им не станешь, не переживай, – успокоил Людовик.

– Надеюсь... – поежился парень, невольно вспоминая рассказы-страшилки приятелей о тех несчастных, что пережили пытку лечебницами. Говорили, их кололи наркотическими препаратами, подавляющими волю, убивающими личность... почти не кормили... иногда – лечили электрошоком. В общем, превращали в растения. Из таких лечебниц обычно не выходили, разве что на попечение родственников, – воли к жизни у вчерашних пациентов не оставалось. За подобными бедолагами приходилось следить, кормить буквально с ложечки, уговаривать прогуляться...

«Уж лучше быть безумцем и видеть цветные сны!» – не без содрогания сказал себе Майкл, снова вцепившись в воротник... дышать было совершенно нечем, воздух, липкий и густой, отказывался проникать в легкие.

– Я понимаю твои опасения, – подавшись к нему, сказал Людовик, сказал куда мягче, чем раньше. – Ты не можешь мне полностью доверять, так? Вдруг я агент Инквизиционного Отдела, верно?

Если Клондайкс хотел успокоить его, то совершенно не преуспел в своём стремлении... Раньше Майклу как-то и в голову не приходило, что его новый знакомец может сотрудничать с так называемым «ИО». Он считал его либо ненормальным, либо интриганом, подыскивающим членов для своей секты... Но вдруг всё куда хуже? Вдруг Людовик действительно ИОновец, как называли слуг Отдела «в народе»? Ну и сюрприз!

В ИО служили те, кто боролся с «многоцветным безумием» в массах... теоретически. По сути же этот Отдел был весьма хлебным местом... и не только хлебным, но и предлагающим массу возможностей проявить властолюбивые наклонности. И сюда устремлялись все алчные личности, жаждущие управлять чужими судьбами и плотно набивать собственные карманы.

– Я предпочитаю прекратить этот разговор, – судорожно сглотнув, просипел Майкл и торопливо допил свой остывший кофе.

Людовик вздохнул, посмотрел на него с затаенной грустью:

– Хорошо, прекратим... Только последний вопрос... Помнишь ли ты девушку по имени Барбара?

– Нет... – растерялся он. – Или... или да?

Парень нахмурился, наморщил лоб... Вопрос Людовика всколыхнул какие-то глубинные слои его памяти, и в сознании возник образ обворожительной, дивно привлекательной девушки с буйно вьющимися волосами ниже лопаток... Образ был не красно-черно-белым, а цветным, он играл разными красками, что говорило лишь об одном: незнакомка пришла к нему в одном из запретных (не путать с эротическими!) снов. Он явно не встречал ее в реальной жизни.

– Почему ты спросил об этом? – после продолжительной паузы осведомился парень напряженным голосом. Его брови сошлись над переносицей, в глазах появилась тревога.

– Отвечаешь вопросом на вопрос? – усмехнулся Людовик. – Что ж, всё просто. Ты знал эту девушку, Барбару. Знал очень хорошо... вы были... хм... близки.

Майкл хотел рассмеяться, но смог выдавить лишь неправдоподобный смешок. Он знал, знал на все 100 %, что никогда не был близок с этой рыжекудрой красоткой, но сейчас, при мысли о ней, его тело отозвалось, причем с пылом, которое говорило об опыте... Парню казалось, если он приложит усилия, то

буквально вспомнит, как обнимал и ласкал ладное тело неведомой Барбары... Память даже услужливо подсказывала, какими соблазнительными изгибами оно обладало (обладает?).

– Я... не мог быть близок с такой богиней, – наконец хрипло выговорил Майкл, облизав пересохшие губы. На лбу у него выступила испарина.

Людовик удивленно поднял брови:

– Почему нет?

Майкл пожал плечами, не отвечая, просто не видя в том смысла. Однако его собеседник, казалось, терпеливо ждет каких-то пояснений, и потому парень с легким вздохом их предоставил:

– Посмотри на меня и сам подумай, могла ли такая красавица, как Барбара, заинтересоваться мной?

– По крайней мере, ты понимаешь, о ком я говорю, и как она, эта Барбара, выглядит.

Парень насупился:

– Она мне просто приснилась... просто сон, вот и всё. Эта красotka – лишь мечта, не больше. Она не обратила бы на меня внимания, никогда не поверю в обратное.

– Это здесь ты... никто, – возразил ему Людовик, пряча улыбку. – В том, другом мире ты вполне мог заинтересовать молодую хорошенькую леди.

Майкл ощутил невольный укол ревности... зависти к себе же, вернее – к одной из интерпретаций себя, к Майклу из «другого мира» – мира, о котором столь настойчиво твердил Клондакс.

– Я не говорил, что я никто, – нашел в себе силы обидеться парень, переводя дыхание. – И какой смысл рассуждать о снах? Мне эта тема надоела... и вообще, пора домой.

Людовик с рассеянной иронией наблюдал, как Майкл то-ропливо застегивает куртку и расплывается с официанткой. Клондакс не делал попыток его остановить и лишь, когда

молодой человек неловко попрощался и сделал шаг по направлению к двери, негромко сказал:

– Мы еще увидимся, Майкл.

– Черта с два! – буркнул тот, ускоряясь.

Людовик проводил его взглядом, хмуря лоб и вспоминая Барбару с ее смешным стремлением заглушить боль утраты алкоголем... Видела бы бедняжка, что объект ее страданий жив-здоров и о ней вспоминает как о чудесном и невозможном сне!

«Впрочем, всё не так уж и плохо», – резюмировал Клондакс. Да, Майкл ему почти поверил... и даже кое-что вспомнил. Что ж, раньше Людовику не приходилось иметь дело с новичками. Выяснилось, это намного эффективнее, чем пытаться «пробудить» тех, кто давным-давно поселился в Мире Трех Цветов.

«И мой следующий шаг вполне ясен», – подумал Людовик со слабой улыбкой.

Да, он знал, что ему следует предпринять, и понимал, что нужно поторопиться...

• 7 •

Белые уроки

– Это что-то необыкновенное... – с восторгом говорила Барбара, недоверчиво оглядываясь по сторонам. Она неспешно вышагивала по улице, а рядом бесшумной тенью скользил Артур, откровенно наслаждаясь удивлением ученицы.

– Ты невообразимо прекрасна, – вполне искренне обронил он, любуясь ею.

Она ослепительно улыбнулась ему в ответ, сказала, чуть дразнясь:

– Да? А вот ты пугаешь... Боюсь, теперь ты будешь приходить ко мне в кошмарах!

– До тебя мне далеко, не спорю, – усмехнулся Артур.

Они оба рассмеялись, довольные друг другом.

– Всё такое... жуткое... и волнующее в то же время... – шептала девушка, щуря глаза. Ей не хватало слов, чтобы выразить свои чувства. – Такие яркие цвета... но их так мало!

Улица, по которой они прогуливались неторопливым чинным шагом, впечатляла контрастным трехцветием: темно-красное небо с розоватыми прожилками облаков, черно-белые тротуары, серые здания... и люди, люди были под стать столь непривычному окружению.

– У него черное лицо, клянусь, черное! – удивленно воскликнула Барбара, проводив взглядом очередного прохожего. – А волосы – белые... и это ведь вряд ли поседевший негр?

Артур равнодушно обернулся и мимолетно взглянул на упомянутого ею человека.

– Да, в полноцветном мире этот господин может оказаться смуглым блондином... или даже шатеном! Кто знает?

– Ну я-то точно не знаю! – добродушно фыркнула девушка. Какое-то время они шли молча, потом она заговорила вновь, на сей раз – немного неуверенно и хмуро: – Ты думаешь, мой Майкл... он тут? В этом странном мире? – и девушка искоса взглянула на спутника, пытаясь угадать ответ по его лицу. Это и раньше было непростой задачей, теперь же прочесть мысли Артура стало совершенно невозможно: трехцветная реальность явно не пошла на пользу его внешности, полностью лишив мужчину индивидуальности и красок, здесь он напоминал белесое привидение. Впечатление, признаться, создавалось не самое приятное, и Барбара даже поежилась, спешно отводя взгляд от его вытянутого и белого, как мел, лица. Волосы, тоже белые, полностью сливались с черепом, и казалось, будто Артур внезапно облысел.

«А вдруг и Майкл тоже стал вот таким?» – не без содрогания подумала девушка. В памяти всплыл образ покинувшего ее жениха: высокий статный шатен, он был красив и всегда привлекал внимание женщин... но вдруг этот мир отнял его шарм? И если так – зачем она его ищет?

«Я ищу его, потому что люблю!» – мысленно одернула себя Барбара, а вслух повторила свой вопрос:

– Ну так что? Он тут?

– Да, он тут... как и все, кого затронула эта неприятная болезнь.

– Диссоляция, – эхом откликнулась Барбара, подавляя вдох. Она не желала прибегать к смягчающим выражениям

и уклончивым недомолвкам, предпочитая суровую и неприглядную истину. Передернув плечами, будто могла тем самым сбросить охвативший ее озноб, девушка с напором спросила, не позволяя себе сомневаться и терять уверенность: – Как его найти, Майкла, как найти?

По бледным бескровным губам Артура, в этом мире утратившим даже намек на краску, скользнула ехидная улыбка:

– Ты думаешь, я знаю какой-нибудь особый прием? Увы, нет. Поиски здесь ничем не легче поисков в любом другом мире. Всё зависит от твоей сообразительности...

Девушка поджала губы, ей показалось, Артур насмехается над ней:

– К счастью, этим Бог не обидел, – вздернув подбородок, не без апломба заявила она. – Придумаю что-нибудь...

– Непременно придумаешь, – всё еще усмехаясь, покивал собеседник. – Вот только одна проблема...

– Какая еще? – прищурилась девушка.

– Ты на самом деле не здесь... вернее, ты тут временная гостья. И только благодаря мне. А я, прости уж, не стану тратить время на поиски твоего Майкла.

Фраза прозвучала хлестко, как пощечина. Девушка выпрямилась и расправила плечи, не подавая виду, что эти слова задели ее за живое (а они и правда сильно уязвили!).

– Я не просила об этом, – процедила она с намеренно высокомерным видом. – Я просила научить меня проникать в Мир Теней самостоятельно... Кстати, а почему это Мир Теней? На тени вообще не похоже!

Артур пожал плечами, тема не вызвала у него интереса:

– Название миру дал тот, кто так и не сумел в него проникнуть. Что касается самого проникновения... я обещал помочь, и я постараюсь. Но эта тема обстоятельная, предлагаю обсудить ее за кофе.

Глаза Барбары зажглись любопытством:

– А можно выпить его здесь? Мне... интересно наблюдать, – призналась она с детской непосредственностью. Она действительно напоминала самой себе ребенка, азартно исследующего незнакомый ему мир... ведь в каком-то смысле так оно и было.

– Конечно, можно, – любезно разрешил Артур. – Даже нужно, я бы сказал! Чем больше времени ты проведешь тут, тем проще тебе будет в будущем. Кстати, вот неплохое заведение...

И он остановился у изящного одноэтажного строения из бело-розового мрамора с изысканной вывеской *Rotonda di Caramello*.

– Странно, – пробормотала Барбара, тоже останавливаясь. – В нашем мире, настоящем, такого кафе вроде бы нет... во всяком случае, я не помню.

– Перестань сравнивать эти миры, – наставительно посоветовал Артур, придерживая для спутницы дверь. – Они совершенно разные.

– Тоже верно, – согласилась та, переступая порог.

* * *

Интерьер показался Барбаре вполне привычным, ну разве что излишне контрастным: красно-белые плиты пола, черный потолок, темно-алые столы и стулья, белые стены... Вот только посетители с их странным цветом кожи и пугающими шевелюра-ми портили впечатление и нарушали иллюзию «нормальности». У Барбары было чувство, словно они с Артуром очутились в театре абсурда, причем среди участников пьесы.

– Как всё странно, – пробормотала девушка, направляясь к угловому столику. – Странно!

Она устроилась около окна и с любопытством осмотрелась – в который раз. Пожалуй, именно так ведут себя туристы, попавшие в некую экзотическую страну – ну а куда уж экзотичнее?!

– Что тебе заказать? – любезно уточнил Артур, не торопясь садиться.

– Кофе и мороженое, – попросила Барбара. – Подают тут такие простые блюда? Или только что-нибудь из разряда «кровь со сливками»?

Артур усмехнулся, сверху вниз глядя на нее – не без уважения и даже с толикой восхищения.

– Ценю женщин с чувством юмора! – сообщил он вслух. – Ладно, мороженое так мороженое. Будет сделано!

Когда Артур вернулся пару минут спустя, Барбара любовалась своим отражением в зеркальце компактной пудреницы: вернее сказать, с удивлением и удовлетворением изучала существенно изменившуюся внешность. Перемены не испортили ее, даже придали некую изюминку: кудри из просто рыжих стали алыми, а кожа напоминала белейший мрамор.

– Я теперь как вампир, – со смешком заметила Барбара, поднимая взгляд на Артура и нисколько не смущаясь, что он застал ее за самолюбованием. – Глаза, глаза красные! А губы – черные... черт, я как будто накрасилась помадой девчонки-гота!

– Да, сходство есть, – признал мужчина, усаживаясь напротив спутницы. – Тебе даже идет...

– Что ж, значит, стану готом, если совсем паду духом, – с горечью пробормотала Барбара, наблюдая, как официантка аккуратно расставляет блюда и чашки. – Или вампиром...

– Отличный план, – одобрил Артур.

Барбара не ответила. Склонившись над столешницей, она с подозрением всматривалась в вазочку с чем-то, совершенно не похожим на заказанное мороженое, скорее, это напоминало политый кетчупом сугроб.

– Всё-таки мне подали кровь со сливками, – вздохнула она и, осторожно зачерпнув подозрительную массу, с опаской попробовала загадочное лакомство. Что ж, на вкус оно оказалось вполне приятным, совсем «земным». – Ладно, вроде бы съедобно... предлагаю вернуться к прежней теме.

– Давай вернемся. Задавай вопросы, я попробую ответить.

– Вопрос всё тот же, – недовольно сказала Барбара. – Как мне научиться проникать сюда, в Мир Теней, без твоей помощи?

– Есть два способа... нет, даже три, но третий для нас с тобой невозможен.

– Почему это? – поджала губы Барбара. – Может, ты меня недооцениваешь!

– Дооцениваю, дооцениваю, поверь, – издал смешок Артур. – Третий способ подразумевает, что тут надо было родиться. Вот как Людовик.

– Он тут родился?! – поразились Барбара, от удивления даже оторвавшись от поедания мороженого. – Вот бы никогда не подумала!

– Да, он тут родился, хотя и скрывает это, – усмехнулся Артур. – Но я хорошо изучил его... хм... биографию.

– К чему такие хлопоты?

– Врага надо знать в лицо. И не только в лицо, а вообще – знать.

– А он – враг?

– Может, не совсем враг, но и не друг. Мы соперники в каком-то смысле. Он презирает этот мир и считает своим святым долгом освободить людей... воображает себя кем-то вроде мессии! – он произнес это с отвращением, морщась, как от ноющей хронической боли.

– И многих он уже спас? – поинтересовалась Барбара, слегка позабавленная тоном Артура. Признаться, было приятно

убедиться, что у столь ироничного самоуверенного человека есть эмоции.

– Пока никого, – злорадно отозвался Артур. – Но он не отчаивается...

– А ты, значит, не согласен с его... как бы это выразиться? деятельностью? Тебе не нравится, что он пытается освободить людей?

– Я люблю этот мир, – пожал плечами ее собеседник. – В нем есть своя мрачноватая красота... готическая прелесть, я бы сказал. Ты не находишь?

Девушка задумчиво склонила голову набок, вспоминая трехцветные улицы.... Пожалуй, Артур был прав. Этой реальности нельзя было отказать в некоем тяжеловесном очаровании... Даже люди, и те по-своему привлекали.

– Что ж, тут, по крайней мере, нескучно, – кивнула Барбара. – Необычно.

Около минуты они молчали. Барбара доедала свое ледяное лакомство, Артур рассеянно смотрел в окно на броскую красно-черно-белую толпу. Наконец девушка заговорила вновь:

– А вообще странно... Казалось бы, должно быть наоборот: именно Людовик, как здешний обитатель, должен воевать за свой мир... а ты должен пытаться его разрушить.

От неожиданности Артур поперхнулся кофе.

– Должен пытаться разрушить? – повторил мужчина не без возмущения. – Я что, вселенское зло?

– Сходство есть, – не стала спорить Барбара. – Но мне плевать, друг мой, кто ты такой. Хоть дьявол во плоти! Просто скажи, ты можешь мне помочь или нет?

– Я пытаюсь, – терпеливо сказал Артур. – Пытаюсь, хотя не слишком люблю, когда меня называют нечистой силой...

– Та ладно, – отмахнулась Барбара. – Тебе это льстит, не ври. Артур поднял брови, уголки его губ дрогнули:

– Не сказал бы... но оставим. Итак, первый способ тебе не подходит: ты тут не родилась, как Людовик.

– Ну чисто теоретически: а если бы родилась? Как нужно было действовать? Как Людовику это удалось?

Артур пожал плечами:

– У него был учитель... который помог ему, помог осознать, что мир на самом деле может быть сложнее, лучше... понимаешь? Этот путь – путь веры в лучшее. Но ты не сможешь тем же способом проникнуть СЮДА... ведь этот мир явно не лучшее из возможного.

– Значит, надо верить в худшее? – попыталась осмыслить идею Барбара.

Артур поколебался, прежде чем ответить:

– Неплохо сказано... но слишком категорично... хотя суть верна. В целом есть два варианта: либо следовать дорогой твоего Майкла, то есть погрузиться в депрессию и отчаяние...

– Не подходит, – торопливо встала девушка.

– Конечно, – кивнул мужчина. – И мне тоже не подошло. И я выбрал другой путь: контролируемое презрение к миру с чувством собственного превосходства.

Барбара склонила голову набок, размышляя.

– Интересная формулировка... – признала она. – Насколько я понимаю, эта техника сработала... судя по всему?

– Как видишь, – немного надменно откликнулся он. Однако малейшее самодовольство стекло с его лица, как неудачная твоя маска, когда прозвучал следующий вопрос его собеседницы, девушки с глазами вампира и губами гота:

– А зачем ты вообще начал искать способы проникнуть в Мир Теней? И как узнал о нем?

Артур недовольно свел брови и ответил неохотно после некоторой паузы:

– Моя причина была сродни твоей.

– Ты... тоже потерял близкого человека? – удивленно воскликнула девушка. Она ожидала чего угодно, но только не этого... Артур не производил впечатление мужчины, который способен столь отчаянно любить кого-то.

Артур мрачно постукивал пальцами по столу, ему явно не нравилось, куда завел их разговор, но выхода не было.

– Близкого, да... женщину. Это было много, очень много лет назад. Я бы сказал, десятилетий.

Удивление во взгляде Барбары лишь усилилось. Она прищурилась, присматриваясь к мужчине напротив. Конечно, присущая ему белесая мертвенность мешала адекватно оценить внешность, однако девушка еще не забыла, как выглядел сей господин в нормальном разноцветном мире.

– Ты молодо выглядишь, – сказала она вслух, отчаявшись угадать, сколько лет ее любовнику и учителю. – Так что про десятилетия ты явно преувеличиваешь, признайся.

Артур остался невозмутим.

– Я молодо выгляжу, но я не молод. Со временем ты поймешь, почему... это одно из преимуществ моего способа путешествовать между нашим миром и Миром Теней.

Глаза Барбары, и без того с красной радужкой, вспыхнули еще более жарким алым огнем. И Артур, многого насмотревшийся на своем веку, невольно содрогнулся... Вот теперь он поверил, что эта девчонка далеко пойдет. Она не станет очередной его наивной жертвой, пленницей Мира Теней. Она будет ровней ему самому, Артуру.

«Что ж... тоже неплохо», – заключил Артур миролюбиво. Конечно, ее не удастся использовать как ресурс сил, но союзники тоже не помешают.

– Твоя молодость – преимущество таких вот милых путешественников? – алчно спросила Барбара, глаза ее по-прежнему

отливали багрянцем. – Главное, я бы сказала... как мило... тогда я тем более хочу научиться твоему фокусу.

Какое-то время они молча пили кофе. Барбара задумчиво улыбалась своим мыслям, видимо, примеряя в собственных фантазиях образ вечной молодости. Артур искоса поглядывал на нее, не в силах не удивляться прихотливости женского ума. Раз уж речь зашла о неувядающей красоте, то и любовь отошла на второй план.

Но оказалось, он ошибается, и о любви Барбара не забыла... ни о своей, ни о его.

– Ты нашел ее? – спросила она.

Вопрос прозвучал неожиданно. Артур вздрогнул.

– Кого? – спросил он почти испуганно.

– Ну... ту женщину, – чуть раздраженно повела плечом девушка, наморщив свой мраморный носик. – Ту, ради которой научился сюда проникать... ту, которую... любил?

Артур вперил в собеседницу злой взгляд. Он ненавидел вспоминать ту давнишнюю историю молодости, историю разочарований. Как объяснить молоденькой собеседнице, пережившей первую мнимую трагедию, каково это: потратить годы на попытки овладеть особым мастерством, лелеять мечту отыскать свою единственную... и разочароваться, исполнив задуманное.

– Скажу одно, моя дорогая, – ледяным тоном процедил он. – Хорошенько подумай, стоит ли тратить силы на поиски человека, который, возможно, разочарует тебя.

Барбара прищурилась и, видимо, правильно угадала скрытый смысл его слов.

– Значит, вот как... – протянула она. – Ты ее нашел... но пожалел об этом... да?

Он не ответил, только поджал тонкие губы. Девушка упрямо и безжалостно продолжала, и почему-то каждая фраза причиняла ему боль, воскрешая воспоминания, давным-давно им, думалось, похороненные:

– Ты помнил ее совсем другой, верно? А она, должно быть, постарела... подурнела... и тебе, к тому времени могущественному магу, показалась эдакой простушкой. И ты понял, что зря потратил эти годы... на пустую мечту.

– И вовсе не зря! – разъярился Артур. Он и не подозревал, что всё еще способен на столь бурные эмоции. – Мечта – да, она была глупой. Но я стал тем, кем стал... я пережил многих. И переживу.

– Ты пережил и свою бывшую любовь? – грустно спросила Барбара, вспоминая Майкла... полного жизни, сияющего улыбкой... любящего ее. Неужели и она, отыскав своего жениха, испытает лишь разочарование? Или женщины сильнее, лучше мужчин в эмоциональном плане?

Артур нахмурился.

– Я не видел ее после того, как... ну, в общем, не видел многие годы. Конечно, она уже умерла. Не могла не умереть.

– А ты, ты живешь за счет чего? Неужели просто за счет перемещения из мира в мир?

Он не собирался признаваться, не планировал говорить правду, но сказал, уж больно Барбара его разозлила... хотелось отплатить той же монетой.

– Нет... я ищу таких, знаешь, дурачков... и дурочек... и они становятся моими донорами, – не сводя с нее насмешливого взгляда, откровенно заявил Артур. – Они учатся... но не справляются... становятся заложниками двух миров... моими... хм... источниками сил.

Последние следы розового схлынули с лица Барбары, и оно стало белым, как первый снег. Девушка судорожно вздохнула и откинулась на спинку стула.

– Вот как! – процедила она не без желчи. – Ты подразумеваешь меня? Ты хотел использовать меня, так? Ты заранее думаешь, что я... провалюсь?

Артур очень хотел ответить утвердительно... но не смог заставить себя столь сильно покривить душой.

– Увы, нет, – сразу утратив весь свой напор, отозвался он с печалью в голосе. – Ты такая же, как и я.

– И какая же? – всё еще хмурилась она.

– Ты беспощадная и самолюбивая... и сильная духом. Тебя не сломить.

– Что ж, неплохая характеристика, – немного оттаяла Барбара и даже кисло улыбнулась. – И я тебе докажу, что я сильная... я буду способной ученицей... учитель!

Артур улыбнулся ей в ответ:

– Янисколько не сомневаюсь и предлагаю выпить за это. И не кофе, а, скажем, вина? Как насчет вина?

– Охотно! – проворковала Барбара, от души надеясь, что за этой маской лукавой жеманности он не разглядит, до чего она зла.

Ибо она и была зла, зла, зла до предела. Вот, значит, как?! Он хотел, чтобы она стала его донором, источником его долголетия... одним из, вернее сказать. Нет уж, не на ту напал! Еще неизвестно, кто выйдет победителем в этой схватке.

– Бутылку шардоне, будьте добры! – попросил Артур приблизившуюся к нему официантку и снова перевел взгляд на Барбару. – Нам с ученицей есть что отметить...

• 8 •

Сувенир из прошлого

Вот уже целую неделю она честно и упорно занималась с Артуром. Занятия были необычными, ни на что не похожими... в конце концов, мало кто обучается искусству презирать! Тем более что завершались уроки тоже весьма нестандартно – в постели «учителя».

Поначалу Барбару несколько смущал подобный «заключительный аккорд». Ведь если вдуматься, она затеяла всё это, чтобы найти своего жениха, вернуть его... и теперь изменяла ему с пугающей регулярностью.

– Разве это нормально? – вопрошала она недовольным тоном после очередного «урока». – Это неправильно!

Они лежали в постели, неодетые и утомленные недавними ласками. Барбара хмурилась, Артур задумчиво курил, пуская дым в потолок.

– Забудь слово «нормально» и тем более «правильно-неправильно», – наставительно произнес он, покосившись на ученицу.

– Почему это? – буркнула она.

Артур вздохнул и пояснил ей, как туповатой студентке, неспособной усвоить простейший урок:

– Потому что я устал повторять, как тебе следует относиться к миру... чтобы научиться им управлять.

– Да-да, я помню, не склеротик еще, – рассердилась Барбара и села на кровати, отбросив одеяло. Как всегда после такого вот «урока» в объятиях любовника, она ощутила острое раскаяние. – Снисходительность и всё такое прочее... Но сейчас-то я ничем не управляю. И не стремлюсь.

– Если не стремишься, то забудь обо всём! – сощурился Артур, зло туша сигарету. – Это не игра, дорогая моя! Это жизнь, образ жизни – постоянный, каждую минуту, понимаешь?

– Понимаю, – неохотно признала она, опуская взгляд.

Да, она понимала, но понимание не успокаивало. Неужели ей суждено превратиться во второго Артура, только в женской ипостаси? Суждено стать холодной, высокомерной, расчетливой... и даже эмоции испытывать лишь те, что «не вредят делу»? Подобная мысль совершенно ее не воодушевляла, даже появилось мимолетное трусливое желание всё отменить, дать отбой, повернуть назад... просто жить дальше, надеясь забыть этот кошмар, забыть Майкла.

«В нём ли дело, милочка? – язвительно возразил дерзкий голосок где-то в глубине сознания. – Нет, есть еще одна причина...»

Что ж, стоило посмотреть правде в глаза и честно признать: краткое путешествие в Мир Теней оставило свой след. Ей не забыть величественной и мрачной красоты той странной реальности... до самой смерти ей будут сниться красно-черные улицы, багровые небеса... пейзаж не самый дружественный, но в нем была таинственная прелесть, и она манила, околдовывала.

Кроме того, Барбара делала небольшие, но успехи. Несколько раз ей удалось преобразить улицу и очутиться в Мире Теней, пускай и ненадолго. Достижение скромное, но оно пьянило и побуждало действовать активнее, упорнее стремиться к цели.

– А вообще, признайся, – донесся до нее голос любовника и наставника, – тебе же нравится быть со мной, верно? Не лицемерь...

Она не ответила, поджимая губы. Но он был прав... им было хорошо вместе. Никакой любви, понятное дело, только страсть и взаимопонимание... отличная основа, если не планируешь заводить детей и создавать семью... если стремишься просто наслаждаться жизнью.

С Майклом было иначе: их отношения привлекали своей сложностью и многогранностью... что, увы, порою утомляло. Приходилось «держать ухо остро», обдумывать каждое слово, иногда – слегка хитрить, интриговать, поддерживать накал... а еще – анализировать, что он хотел сказать на самом деле, о чем думал... Надежда на будущее вовсе не окрыляла, нет, она становилась теми оковами, которые не позволяли расслабиться и получать удовольствие от процесса влюбленности.

Ну а поскольку с Артуром Барбара ничего не планировала создавать, ни о каком будущем не мечтала, то и напряженности не было. Выяснилось, это очень даже неплохо... в качестве разнообразия.

«И чего я всегда противилась отношениям без обязательств?» – невольно подумалось ей.

Она встала с кровати и принялась торопливо одеваться. Спешность, впрочем, была вызвана не смущением, Барбара не стеснялась собственной наготы, да и подтянутым телом по праву гордилась. А вот двусмысленность положения ее корбила, заставляя ускориться, словно от мук совести можно убежать.

«А почему бы и нет? – поддел внутренний голос. – У моей совести глаза Артура...»

Да, когда за тобой насмешливо следит такой человек, как ее новоявленный учитель, дисконфорта избежать трудно... даже ее врожденная (или приобретенная?) толстокожесть не стала иммунитетом. Страшно представить, в какую краску вогнал бы Артур более мягкотелую личность!

– Завтра продолжим? – лениво осведомился тот, о ком она думала. Создавалось впечатление, что он не собирается вставать и планирует провести в спальне еще добрый отрезок времени.

– Продолжим... – буркнула Барбара, поправляя волосы у зеркала. После путешествия в Мир Теней наблюдать за собственным отражением оказалось намного интереснее. Забавно было сравнивать свое вполне привлекательное лицо с тем другим, тоже по-своему красивым, но жутковатым, красноглазым и черногубым.

– Тогда я жду тебя.

Она не ответила и вышла, уверенная, что стоит ей захлопнуть дверь, как раздастся ироничный смех Артура.

Он и раздался.

«Пошел ты...» – зло подумала девушка, от души надеясь, что ее наставник всё-таки телепат, а значит, это прощальное послание не останется неуслышанным... ибо вслух произнести его она не решалась... ну, по крайней мере, пока.

* * *

Барбара добралась домой в довольно раздраженном настроении, сама не понимая, почему не в силах радоваться происходящему и гордиться собой. В конце концов, она поставила цель и уверенно двигалась к ее воплощению, причем весьма успешно!

Впрочем, поправка: гордость была. Да, Барбара гордилась собой, но радоваться собственным успехам почему-то не могла. Неужели всё дело в раскаянии? Кто бы подумал, что в ней так силён голос совести!

– Дело не в совести, – отчетливо произнес кто-то в темноте, – зажечь свет в квартире девушка еще не успела. – Ну... или не только в ней...

Барбара от неожиданности выронила сумку и торопливо щелкнула выключателем. Кухню тотчас залил бело-желтый электрический свет, и девушка мимоходом отметила, что в Мире Теней он был бы красноватым. Так уж повелось в последнее время: всё, что происходило, она невольно примеряла на трехцветную реальность...

– Это вы! – зло прошипела Барбара, воззрившись на незнамого гостя, которым оказался Людовик, преспокойно устроившийся за ее кухонным столом.

– Да, я, – подтвердил визитер с самым невозмутимым видом, как будто в его поступке не было ничего предосудительного... ну, подумаешь, пришел без спроса и каким-то чудом проник в запертую квартиру! – Простите за вторжение, но мне нужно было вас видеть.

– И как вы сюда попали? – не слишком любезно осведомилась девушка, с ожесточением собирая свой женский арсенал, высыпавшийся из неосторожно оброненной сумки. – Не помню, чтобы давала вам ключи.

– А вы вполне могли забыть, – издал смешок Клондайкс. – Хотя на самом деле для человека, способного пройти в Мир Теней, проблема запертой двери исчезает.

– Не надо себе льстить, – фыркнула девушка, плюхнувшись на стул напротив гостя. – Вы изначально обитатель того странного мира... так что подвига никакого!

Людовик помрачнел.

– Мой старинный друг слишком болтлив, – сухо процедил он. – Хотя всё это неважно. Я умею путешествовать между двумя мирами, остальное не играет роли. Только это имеет значение.

– Как сказать, – насмешливо пропела Барбара. – Но не будем спорить... пока оставим. Итак, вы считаете, что в моем подавленном настроении виновата не совесть? А что же тогда?

– Сама техника, которую вы используете, – пожал печами Людовик, по-прежнему хмурый.

– Техника? Это вы о чем?

– Методика проникновения в Мир Теней, которой обучает вас господин Артур, предполагает чувство превосходства и презрения ко всему и вся. И любая радость жизни в этом случае возможна лишь в формате эдакого, знаете ли, высокомерного самодовольства.

Барбара почувствовала себя задетой. Казалось, Людовик намекает на ее глупость, дает понять, как неосторожно было идти на поводу у Артура, опрометчиво соглашаясь следовать его опасным советам.

– Да что вы об этом знаете! – зло проговорила она вслух, сузив глаза.

– Знаю, и многое, – заметил мужчина. Его взгляд смягчился. – Мы с Артуром давно знакомы... и многое друг о друге знаем.

И снова в воображении девушки мелькнула мысль: а как Людовик выглядит в Мире Теней? Артур, например, не слишком привлекателен, но он ведь и в полноцветной реальности отнюдь не красавец... тогда как ее нынешний гость был вполне хорош собой.

А гость, не подозревая, в какую степь мысленно забрела его очаровательная собеседница, продолжал, и в голосе его звучала жалость:

– И я даже знаю, какую цель на самом деле преследует ваш... хм... наставник.

Барбара нахмурилась, сказала неохотно:

– Я тоже знаю. Его план не сработал.

– Ты уверена, что мы говорим об одном и том же? – удивленно осведомился Людовик. – Кстати, предлагаю перейти на более неформальное обращение. Не против?

– Если ты о том, чтобы перейти на «ты», то не против. В общем, я знаю, что Артур своего рода энергетический вампир и использует простачков вроде меня, чтобы пугать окружающих псевдомагией. Вот только я не так проста, как ему думалось!

Людовик был как будто позабавлен.

– Такой формулировки я еще не слышал, – заметил он с широкой улыбкой, столь заразительной, что Барбара не смогла не ответить на нее. – Ну что ж, ты, как говорится, раскусила его, Артура... но уверена ли в своих силах? Уверена, что сможешь ему противостоять?

Барбаре показалось (или просто хотелось в это верить?), что в голосе Клондайкса звучит искреннее сочувствие и даже беспокойство. Что ж, вполне вероятно, то было просто игрой ее воображения, – всегда приятно думать, будто другим на тебя не совсем плевать.

– Я уверена в себе, – сказала она после паузы. – И он тоже уже понял, что не на ту напал...

И девушка самодовольно взглянула на Людовика в надежде увидеть облегчение в его глазах, возможно – гордость за нее... Увы, ничего подобного во взгляде мужчины не обнаружилось. Наоборот, гость смотрел на нее разочарованно и устало.

– Значит, ты станешь такой, как он, – пояснил Клондайкс, подавляя вздох. – Иного пути нет.

Барбара разозлилась. Что это такое, почему никто не хочет ее поддержать, помочь, подбодрить?! Что за мужчины пошли: Майкл, опускающий руки при первой трудности, Артур, делающий вид, будто помогает, а на деле надеющийся поживиться за ее счет... и вот, наконец, Людовик, мнимо благородный рыцарь со своими ханжескими представлениями о добре и зле, которым, как он лицемерно полагал, все должны соответствовать.

– Я не Артур и такой не стану, – сердито заявила она вслух, не в силах скрыть свою обиду.

Он удивленно поднял брови, он ей не верил.

– Ты решила отказаться от идеи найти Майкла?

Барбара стушевалась и не ответила, однако Людовик всё понял и без лишних слов.

– Тогда иного выхода нет. Ты станешь такой. Или же сломаешься и будешь зависима от Артура...

– Зависима? – она наморщила лоб, пытаясь понять, о чем он.

– Да. Тебя будет тянуть в Мир Теней, но сама ты туда проникнуть не сможешь... и ты будешь просить Артура, мол, прогуляйся со мной по этим улицам... подари мне пять минут в трехцветном мире...

Барбара содрогнулась. Звучало это очень жутко...

– Ты так говоришь, словно я подсяду на путешествия в Мир Теней, как на наркотик, – она попыталась свести всё в шутку, но Людовик даже не улыбнулся.

– Так и есть, к сожалению. Не знаю почему, но Мир Теней обладает способностью очаровывать, заманивать в ловушку. И тебе, его жертве, будет постоянно нужна новая доза... Артур согласится ее предоставлять, но лишь в обмен на твою энергию, твои жизненные силы... подтачивая твоё здоровье, отнимая годы жизни.

Девушка снова поежилась, ей стало зябко, даже мелькнула мысль включить камин. Глупая идея, ведь уже весна!

– Я не поддамся! – упрямо сказала она.

– Ты уже поддалась, – печально возразил мужчина. – Ты не сможешь просто жить, как жила раньше. Тебя тянет туда... угадал?

Он был прав, Барбара не могла ничего возразить. Но и сдаваться так легко не собиралась:

– Я научусь без его помощи проникать в этот мир. Мне не будет нужен помощник.

– Что и следовало доказать, – картинно вздохнул Людовик. – Проникнуть в ту реальность самостоятельно способен лишь

подобный ему, Артуру. А значит, ты либо превратишься в зависимое существо, либо станешь такой же, как он... а жаль.

– А может, я буду, как ты! – раздраженно парировала девушка. – Или себя ты тоже причисляешь к примерам, недостойным подражания?

Людовик равнодушно пожал плечами, то ли не услышав издевки в ее вопросе, то ли проигнорировав нарочитую насмешливость тона:

– Трудно сказать, какой из меня пример. Ты в любом случае не сможешь ему последовать... Ты, увы, права... я родился в Мире Теней. У меня иная история. Мне не пришлось превращаться в чудовище...

Барбара свирепо воззрилась на него:

– Ты что, пришел сказать, что для меня нет никакого выхода? Поиздеваться?

– Ты путаешь меня с Артуром, – поморщился мужчина. – Я пришел сказать, что выход есть.

– Ну и какой же? – недоверчиво прищурилась она.

– Любовь. Всё всегда решает любовь.

Барбара с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза. Вместо этого она пренебрежительно повела плечом и презрительно заметила:

– Любовь? Звучит весьма мелодраматично! Как в сериалах... или сентиментальных книжках для женщин среднего возраста.

– Даже в таких книжках есть зерно истины, его лишь стоит найти.

– И это зерно – любовь? – фыркнула девушка.

– Она самая, – Людовик по-прежнему оставался серьезным. – И если тебе и правда интересно, я расскажу подробнее... например, за чашечкой кофе. Ты мне так и не предложила ничего.

– А я тебя и не приглашала, – пожала плечами Барбара, тем не менее послушно поднимаясь и направляясь к плите. Спросила,

начав возиться с молоком и чайником: – Кстати, а как ты нашел, где я живу? В прошлый раз мы пересеклись в квартире Майкла, я не называла свой адрес... вроде как, – последнюю фразу она произнесла с долей сомнения, поскольку та ночь растворилась в океане выпитого алкоголя.

– Это было легко, – раздался спокойный голос Людовика за ее спиной. – Тем более что я провел вечер с твоим Майклом...

Барбара так резко обернулась, что опрокинула на себя молоко из молочника, на что не обратила никакого внимания.

– Майкл?! Ты... видел его, он там?! – посыпались лихорадочные вопросы. Позабыв о кофе, девушка снова уселась за стол и нагнулась к собеседнику, впилая в него горячечным взглядом. Она сильно побледнела, брови буквально срослись на переносице. – И... какой он? Как себя чувствует?

– Кофе, похоже, не дожидаться... – громогласно посетовал Людовик.

– Говори уже! – сердито настаивала Барбара, не сводя с него глаз. – Какой он сейчас, Майкл? С ним всё в порядке?

Людовик склонил голову набок, казалось, всерьез размышляя над ее вопросами. Потом неторопливо заговорил, взвешивая каждое слово:

– Майкл относительно в порядке, насколько это возможно с учетом всех обстоятельств. Как он выглядит? Пожалуй, немного потерянным... и одиноким.

Внутри нее всё сжалось, и она продолжила импровизированный допрос, не вполне уверенная, хочет ли знать всю правду:

– А он... спрашивал? Обо мне?

Людовик с грустью посмотрел на нее:

– Как он может спрашивать о том, кого забыл?

Девушка судорожно вздохнула и откинулась на спинку стула. К щекам ее прилила кровь, и лицо из бледного сделалось пятнистым.

– Забыл? Не мог он забыть меня... тем более так сразу.

– Он забыл всех, – пояснил Людовик резким тоном, как будто решил поступить, как с пластырем: сорвать его одним рывком, без ненужных нежностей. – Все ниточки с прошлым оборваны... теперь Майкл – пустой лист, и воспоминания о былом если и приходят, то во снах.

– Как поэтично, – пробормотала Барбара, хмуря брови. Мысль о том, что человек, ради которого она готова пожертвовать столь многим, ее забыл, неприятно уязвляла. – Ах да, я обещала кофе... – вдруг вспомнила девушка и поспешила к плите, причем Людовику показалось, что она вовсе не стремится проявить запоздалое гостеприимство, а просто пытается скрыть собственное разочарование и досаду.

Он дал ей возможность успокоиться и «вернуть лицо» и заговорил вновь, лишь когда Барбара подала ему кофе:

– Ты приходишь к нему во снах. И это уже немало, правда?

– Немало? – пробормотала девушка с горечью и сделала глоток кофе. – Мы собирались пожениться... создать семью... а теперь я к нему разве что во снах прихожу. А ты говоришь – немало!

Людовик осторожно коснулся ее ладони, словно утешая. Девушка вздрогнула и подняла испуганный взгляд, но руки не отняла.

– Но он жив, он не умер. И есть реальный шанс его вернуть... Ты и только ты можешь ему помочь.

Но эти слова ее не успокоили, а обозлили. Она выдернула руку из бережной хватки его пальцев и желчно сказала:

– Вот как! Значит, речь о том, чтобы помочь ему? Мне думалось, мы обсуждали помощь МНЕ. Как быстро всё поменялось!

И опять ей не удалось ни смутить его, ни сбить с него спесь.

– Эти вопросы взаимосвязаны, – ответил он на ее упреки. – Помочь ему – значит помочь себе. Понимаешь?

– Вовсе нет! Не понимаю.

– Воспоминания о том, кого ты любила, помогут тебе держаться в минуты слабости. Воспоминания и вера, что любимого можно вернуть.

Какое-то время Барбара молчала, размышляя.

– Минуты слабости – это те, когда мне захочется посетить Мир Теней? Или когда я буду особенно тосковать по Майклу? – наконец пасмурно уточнила она.

– Любая форма слабости. Любая... даже просто плохое настроение.

– Понимаю... – шепнула Барбара, не поднимая глаз от собственной чашки.

Людовик присмотрелся к девушке, то ли пытаюсь угадать ход ее мыслей, то ли отыскивая следы облегчения (как-никак он попытался успокоить ее на свой лад!). Увы, ничего подобного не обнаружилось, и мужчина с досадой спросил:

– Ты любишь его? Любишь?

– Кого? – всё еще не поднимая головы, пробормотала девушка.

– А есть варианты? – язвительно осведомился Людовик. – Неужто у Майкла появился соперник... дай угадаю... некий Артур, не так ли?

Барбара выпрямилась и с ненавистью уставилась на него, ее щеки заалели. Тем не менее девушка старалась держаться с достоинством:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь! В моей жизни есть только Майкл. И я сделаю всё, чтобы его вернуть... всё!

Людовик прищурился, вглядываясь в ее покрасневшее лицо:

– Ловлю тебя на слове! Докажи. Докажи, что готова на всё.

– И как я это докажу? – настороженно спросила девушка. – Я и так лезу из кожи вон, чтобы оказаться рядом с ним...

– Есть разные способы оказаться рядом. Ты стремишься по-пасть к нему, а лучше – помоги вернуть его.

Лицо Барбары осветилось невольной надеждой.

– Это... возможно? – в голосе звучало недоверие. – Но как?

– Мне нужен какой-нибудь символ вашей любви...

– Символ? – ее брови поползли к линии роста волос. – Не было никакого символа!

– Ну... не символ... – Людовик нервно защелкал пальцами, подыскивая верную формулировку. – Что-нибудь памятное для вас обоих... подарок или еще что.

Барбара, и без того не слишком довольная, нахмурилась еще сильнее.

– Я так сразу не припомню... – она помолчала, честно воскрешая в памяти всё, мало-мальски связанное с их романом, потом с подозрением спросила: – А что ты с ним сделаешь, с этим символом, если я найду его?

– Мир Теней, он не копирует наш, – с нудноватыми менторскими интонациями произнес Клондайк. – И нельзя вот так просто взять, например, эту чашку с кофе и пронести ее в трехцветную реальность. Дай бог себя самого пронести...

Барбара подавила вздох. Мало ей лекций Артура, этот тоже взялся жизни учить!

– Знаю, мне объясняли, – недовольно перебила она.

– Но объясняли тебе или нет, что если некий предмет особенно значим для определенного человека, то его можно материализовать в Мире Теней?

– Нет, не объясняли, – раздраженно признала девушка. – Не было повода, знаешь ли, обсуждать значимые предметы.

– Еще бы, – тонко усмехнулся мужчина. – Артуру не выгодно открывать все секреты Мира Теней... в отличие от меня. Так вот, если существует некий предмет, – что угодно, – обладающий ценностью и для тебя, и для Майкла, – дай его мне. Я попробую пронести его

в ту реальность и покажу Майклу. И есть шанс, что этот символ любви, извини за сентиментальность, пробудит его память.

– Мне нужно подумать, – после паузы пробормотала Барбара. Она вся как-то съежилась на своем стуле, напомнив Людовику маленькую девочку, потерявшуюся в большом городе. – Я не могу сразу ответить...

Гость отставил чашку с недопитым кофе, со вздохом поднялся.

– Хорошо, я всё понимаю, – с грустью сказал он, сверху вниз глядя на Барбару. – Тогда давай встретимся завтра в кафе «Рандеву», знаешь такое? В семь вечера.

– О! – воскликнула Барбара с некоторым смущением. – Я бы за, но... у меня дела...

Да, дела... Вероятно, именно в этот час она будет в постели Артура...

– Вот как? – его взгляд пронзал ее насквозь, и у девушки создалось впечатление, что его обладатель прекрасно понимает, какими таинственными делами будет она увлечена в семь вечера завтрашнего дня. И следующая фраза подтвердила ее опасения. – Тем лучше. Тебе придется сделать выбор... придется решить, кого предпочесть.

Барбара ухмыльнулась, сбрасывая маски:

– Кого предпочесть – тебя или Артура, так?

– Вовсе нет, – хладнокровно возразил Людовик. – Ставки повыше: Майкл или Артур. Кто важнее – решать тебе... Если судьба Майкла тебя и правда тревожит, приходи в семь вечера в кафе и приноси то, что сочтешь вашим особым символом... что-то, что ассоциируется с вашим романом, вашим чувством и счастьем. Договорились?

– Давай встретимся пораньше, в пять, – предложила Барбара и спешно добавила, чтобы не возникло недопонимания: – Я не обещаю, что приду... но если приду, то пять вечера будет удобнее.

Она не стала пояснять, что к семи вечера Артур наверняка нагрянет к ней домой собственной персоной, выясняя, куда подевалась его способная ученица. Так что чем раньше приступить к делу, тем меньше шансов, что ей помешают реализовать задуманное... Девушка отнюдь не была уверена, что сумеет противостоять Артуровой отрицательной харизме.

– Хорошо, – кивнул Людовик. – Пусть будет пять вечера.

* * *

Пора было ложиться спать, полночь давно осталась в прошлом, близился рассвет... но Барбара, хотя глаза ее и слипались, не могла позволить себе такую роскошь, как сон... слишком многое нужно было решить, понять... А сон, он подождет.

Кроме того, девушка боялась, что, стоит ее голове коснуться подушки, как воспоминания, и без того усилиями Людовика слишком яркие, живые, превратятся в мучительные грезы... мучительные в силу своей несбыточности, ведь, что бы ни говорили ее новые друзья, прошлого не вернуть. Даже если Майкл снова станет частью ее жизни, всё пережитое наложит отпечаток.

Потому-то Барбара не спешила покидать кухню и сидела уже над третьей чашкой крепчайшего кофе, на сей раз даже несладкого.

Проблему символа их с Майклом любви, как романтично выразился Людовик (хотя Барбару эта слащавость раздражала), девушка решила быстро. Таким символом могло быть только ее обручальное кольцо, что же еще? Кольцо, которое обещало стать началом счастливого семейного быта... Девушка честно носила его, не снимая, носила и в те тоскливые дни, когда Майкл стал нелюдимым, нервным... сняла, лишь когда ее терпение окончательно истощилось и она

бросила бывшего жениха в полном раздрае... как выяснилось потом, больного диссоляцией. И ничто ее не оправдывало, даже собственное неведение.

Однако кольцо никуда не делось, пускай оно и не сверкало на ее пальце вот уже многие недели. Перстенок бережно хранился в любимой старинной шкатулке Барбары вместе с другими значимыми вещами. Девушка вынула его из «сокровищницы» сразу после ухода Людовика и вот уже который час мрачно любовалась им, снова занявшим свое законное место на безымянном пальце. По сути, девушка могла бы сразу вручить Клондайксу этот пресловутый «символ любви», но почему-то решила потянуть до вечера следующего дня. И причиной было вовсе не сомнение в чувствах к Майклу, как укорил ее Людовик. Просто следовало взвесить все за и против и понять, какое решение действительно окажется правильным. Конечно, ее сегодняшний гость был красноречив, но сколько искренности в его словах? Артур тоже красиво говорил и приводил совсем другие доводы... И кто знает, кто из них прав?

Над этим девушка и размышляла, хмуря лоб и усердно наполняя организм кофеином.

Увы, трезвым рассуждениям мешали воспоминания... они блуждали среди ее мыслей, отвлекая и маня обратно в прошлое... призывая забыть обо всем и отдаться во власть памяти.

...Например, их знакомство... Был пасмурный день, лил неприятный мелкий дождь... сырость пробирала до костей.

Барбара ужинала с клиентом, и встреча прошла из рук вон плохо: ее проект, в который она вложила столько сил и души, раскритиковали в пух и прах, наговорили кучу нелицеприятных вещей... Она, правда, в долгу не осталась и ответила не в самой вежливой форме, так что завершилось деловое свидание полным разрывом отношений.

«И учтите, платить я за вашу дилетантскую работу не стану!» – заявил напоследок обозленный клиент.

В общем, Барбара покидала кафе в жутком настроении, скорее сердитая, чем расстроенная. От избытка чувств она даже не стала раскрывать зонт и шагала прямо по лужам, мысленно продолжая сочинять, что еще следовало сказать этому типу.

Погруженная в собственные разгневанные мысли, девушка прятала подбородок в ворот куртки и толком не смотрела по сторонам... и, конечно, столкнулась с каким-то парнем, не успевшим увернуться.

«Простите», – проворчала Барбара, поднимая глаза на высокого симпатичного шатена.

Тот широко улыбнулся, нисколько не огорченный ее невнимательностью.

«Ничего страшного, – сказал он веселым тоном, ярко контрастирующим с окружающей серой мглой. Присмотревшись к девушке, парень со смешком добавил: – Мне кажется, вам не помешает зонт... Предлагаю мой!»

Барбара тоже усмехнулась, прекрасно представляя, как плачевно выглядит в этот момент: волосы завились мелким бесом и прилипли к щекам, по лбу стекали дождевые струи, ботинки все в пятнах грязи... красotka!

Впрочем, позднее Майкл (а это был он) признался, что она очаровала его именно своим пренебрежением к собственной внешности... тем более что оное совершенно на ее привлекательности не отразилось, скорее – придало облику дерзости..

«Я тогда подумал: черт возьми, если девчонка сейчас так неплохо выглядит, что же будет, если она наведет марш-фет? – смеялся Майкл, когда они официально стали парой. – Да и вообще, ты так сердито и упрямо шла навстречу какой-то своей цели... сразу видно: личность! И я ведь не ошибся. Ты та еще штучка...»

Комплимент был сомнительным, но «штучка» по имени Барбара его выслушала вполне милостиво. Майкл ее хорошо понимал и принимал такой, какая она есть, с достоинствами и «завихрениями», чисто женскими капризами... а это было главным, по сути.

...Барбара неохотно вернулась мыслями в настоящее, в неприглядную реальность привычного мира. Заправляя за ухо прядь волос, девушка ненароком коснулась собственной влажной щеки и с удивлением поняла, что это слезы.

Она редко плакала, почти никогда... и сейчас не собиралась давать слабину. Какой смысл реветь? Что это докажет, что поможет решить? Ничего! Лучше действовать, а не оплакивать свою печальную судьбу.

И Барбара решила действовать. Она пришла в кафе в назначенный час и сразу отыскала Людовика за дальним столиком у окна. Упрямо вскинув подбородок, девушка пересекла помещение уверенным шагом и остановилась рядом со стулом Клондайкса.

– Я верил, что ты придешь, – сказал он улыбаясь. – Присядешь?

Барбара молча покачала головой и вручила ему перстенок.

– Даже на пару минут не удержишься? – с сожалением спросил мужчина, принимая «символ любви». – Я готов угостить тебя кофе...

Барбара с трудом заставила себя разлепить губы и хмуро пробормотала:

– Извини, в другой раз... сейчас нет настроения.

Она сразу ушла, не позволив задержать себя вопросами и комментариями. Девушка не столько боялась этих вопросов, сколько не хотела увидеть торжество в глазах мужчины, его радость победителя. Ну уж нет, такого удовольствия она ему не доставит!

Артуру она послала лаконичную эсэмэску, сообщая, что состояние здоровья пока не позволяет ей продолжить увлекательное обучение... пару дней спустя, быть может...

Конечно, он мог прийти к ней с визитом в любую минуту, но Барбара от души надеялась, что Артур этого не сделает. Ей как воздух нужны были несколько дней отсрочки... время на «подумать» и «всё взвесить».

• 9 •

Двойная атака

Майкл широко зевнул и даже не сделал попытки прикрыть рот ладонью – зачем, если никто его не видит? По крайней мере, он так считал... как выяснилось, ошибался.

– Тяжелый денек? – раздался в темноте сочувствующий голос... впрочем, это сочувствие не оказало никакого успокаивающего воздействия, слишком уж неожиданно прозвучал вопрос.

Майкл вздрогнул и подскочил на месте – в самом буквальном смысле, хотя раньше полагал, что эта фраза – просто фигура речи. Оказалось – нет: сильный испуг действительно мог спровоцировать нетипичную реакцию тела.

Парень громко, не стесняясь в выражениях, выругался и щелкнул выключателем. Кухню тотчас залил бледно-красный свет.

– Вы! – вспыхнул Майкл, вперив сердитый взгляд в Людовика, который преспокойно восседал за столом... Увы, молодой человек не мог оценить весь юмор ситуации: только Клондайкс знал, что совсем недавно Барбара точно так же наткнулась на него на своей кухне... и отреагировала аналогичным образом.

«Великие умы сходятся!» – иронично подумал Людовик, кривя губы.

Майкл заметил это отдаленное подобие улыбки, но отвечать тем же не стал. Более того, насмешливость гостя обозлила его еще сильнее.

– Как вы сюда попали?! – опять-таки вторя своей несостоявшейся невесте, возмущенно осведомился он, позабыв, что они успели перейти на «ты». – И зачем?! Кажется, мы всё обсудили в прошлый раз...

– Не всё, – проигнорировав первый вопрос, сразу перешел ко второму Людовик и, видимо, решил тоже придерживаться этикета... словно не хотел злить хозяина апартаментов нарочитой фамильярностью. – В прошлый раз вы покинули меня в самый интересный момент, когда мы заговорили о девушке по имени Барбара.

Парень поежился при упоминании имени... Рыжеволосая красотка снилась ему каждую ночь с момента встречи с Людовиком, как будто Клондайкс со своими разговорами послужил катализатором его безумия... ведь эти грезы наверняка были частью безумия, чем же еще?

– Может, присядете? – любезно спросил Людовик, кивнув на соседний стул, поскольку Майкл по-прежнему переминался с ноги на ногу в дверном проеме.

– Это мой дом, мне и приглашать садиться, – буркнул молодой человек, но тем не менее устроился за столом. Бросив на беспардонного гостя настороженный взгляд исподлобья, Майкл с подозрением поинтересовался: – А что тут еще обсуждать? Ну, подумаешь, сны...

– Сны в данном случае – ваши воспоминания, – с раздражающе самоуверенным видом пояснил Людовик. – Вы помните, пока еще помните... но постепенно будете забывать.

Майкл хмуро пожал плечами:

– Я буду только рад! Может, тогда вы от меня наконец отцепитесь?! Что я вам дался-то...

Людовик не ответил. Он и сам иногда задавал себе этот вопрос. И правда, какое ему дело до судьбы безвестного парня? Не он первый стал пленником Мира Теней, конечно, он и не последний... Всех не спасешь, да и нужно ли спасать, если жертва решительно отвергает любую помощь?

«Признайся, ты соревнуешься с Артуром... – ехидно шепнул правдивый внутренний голосок, принадлежавший, вероятно, его совести. – Это ваше личное соревнование... спасение утопающих тут ни при чем».

Однако мужчина хмуро отогнал эту мысль. Нет, Артур не играет никакой роли... так, просто досадная помеха.

– Если вы настолько устали от моего общества, я буду краток, – уже совсем другим тоном, утомленным, сказал Людовик. Сомнение в собственных мотивах как будто расстроило его, уничтожило весь запал. – Я не буду попусту говорить... я просто передам вам одну вещицу...

– Вещицу? – непонимающе повторил парень.

Вместо ответа Людовик вынул из кармана темно-алую бархатную коробочку, в которой на черном шелке покоилось обручальное колечко: розоватое золото и крохотный, лукаво подмигивающий белоглазый бриллиантик. Клондайксу жаль было отдавать Майклу это «выстраданное» украшение. Слишком много энергии мужчина потратил, уговаривая Барбару доверить ему свое сокровище... и не меньше приложил сил, отыскивая в Мире Теней ювелирный аналог памятного перстенька. Конечно, не у всех вещей имелся двойник, только у самых значимых, – пожалуй, подобная значимость наделяла предметы своего рода душой.

Майкл воззрился на кольцо со смесью удивления и досады. Впечатленным он не выглядел.

– Это вы мне что, предложение делаете? – грубовато осведомился он, немного позабавленный. – Не по адресу...

– Это ваше кольцо, – спокойно возразил Людовик, не улыбувшись вымученной шутке собеседника. – Вы его подарили своей невесте.

Майкл наморщил лоб, тщетно вспоминая всех своих женщин (список был не слишком внушительным, увы)... ни она из них не занимала ни в его жизни, ни в его мыслях столько места, чтобы сделать ей предложение «руки и сердца».

– Не помню, чтобы дарил кому-то кольцо... ну такое, по крайней мере! Обручальное, – после продолжительной паузы сказал он вслух, пожимая плечами.

– Дарил... просто забыл.

– Ну я бы такое не забыл! – бурно запротестовал парень. – Такое не забудешь!

– Вы забыли всю свою прежнюю жизнь, не мудрено упустить и этот фрагмент, пускай и важный.

Майкл даже вспотел от волнения. Он был не в силах вообразить, что когда-либо, в любом мире, любой реальности, проявлял желание связать судьбу с некоей женщиной, пускай и самой очаровательной... Парень не считал себя хроническим холостяком, но в одиночку бороться с превратностями судьбы выходило как-то проще... Он был твердо убежден, что не принадлежит к породе «женатиков», в «мамочке» не нуждается, инфантилизмом, слава богу, не страдает... Зачем лишать себя прелестей свободного образа жизни?

– Ну и которую я хотел осчастливить? – недоверчиво спросил Майкл, сводя брови к переносице. – Как ее звали?

Людовик печально посмотрел на него, и парня задел этот жалостливый взгляд, показавшийся ему высокомерным.

– Вы не помните? – голос тоже звучал обидно-сочувствующе. – Барбара... конечно, Барбара.

Рывок крючком под дых... падение в бездну... головокружение... зияющая чернота провала...

Это был миг, сверкающее мгновение страха перед неведомым... мгновение ВЕРЫ. Нет, он не помнил, но он верил... как будто перед ним слегка приоткрылась дверь в прошлое, продемонстрировав на долю секунды свое нутро, и тотчас захлопнулась, оставив после себя лишь сомнения, заставляя гадать: а было ли? Может, причудилось?

Майкл перевел дыхание и отвел со лба взмокшую челку (давно пора подстричься!). Сказал с нервным смешком:

– Вы на меня дурно влияете... в вашем присутствии у меня возникают видения...

– И что вы увидели? – с намеком на смешок поинтересовался мужчина.

– Ничего... – буркнул парень и содрогнулся, вспомнив краткую потерю ориентации во времени и пространстве. Он не мог объяснить, что видел и видел ли, что чувствовал... не мог, да и не хотел. Самое лучше – обо всем забыть, выбросить мысли о безумии из головы.

Людовик какое-то время вежливо ждал более пространного ответа. Не дождавшись никакого продолжения, Клондайк вздохнул и с заметным сомнением положил бархатную коробочку на стол перед молодым человеком.

– Я могу еще долго тут распинаться, всё будет впустую, – сказал мужчина, поднимаясь на ноги. Теперь он смотрел на Майкла сверху вниз. – Вы всё отвергнете... ничему не поверите.

– И что мне делать с этим кольцом? – изумленно осведомился парень, искоса глянув на неприятного ему гостя. – Хранить как символ своего мнимого склероза?

Людовик усмехнулся:

– Можно и хранить... А вообще, если это кольцо не воскресит ваши воспоминания, ничто другое не поможет.

И он ушел, на сей раз – даже не прощаясь, не обещая будущих встреч, как было в прошлый раз. И Майкл, провожая его

хмурым взглядом, почувствовал досаду и облегчение одновременно. Отраднo было сознавать, что этот тип оставит его в покое, но, с другой стороны, парню не хотелось думать, что на нем поставили крест как на «не имеющем шансов».

Хлопнула входная дверь, Людовик наконец-то покинул его квартиру. Оставшись наедине с собой, Майкл с опаской протянул руку к коробочке и вынул из ее шелковых недр изящное колечко. Рассмотреть ювелирное изделие получше он не успел – как только золото коснулось пальцев, в голове словно взорвался фейерверк. Перед мысленным взором всплыла яркая картина прошлого – *разноцветного* прошлого! Это было не сном, нет. Это было самым настоящим воспоминанием.

...Я заранее узнал, какой у моей девочки размер пальца (так, кажется, говорят?). Я сделал это очень просто: стащил у нее из шкатулки любимое колечко и сделал нужные замеры. Помню, Барбара потом жаловалась на забывчивость: мол, куда-то задевала перстенок, не видел ли? Я старательно изображал неведение, а внутренне смеивался. Эх, не знаешь ты, моя милая, какой сюрприз я тебе подготовил.

Я был уверен в своем решении. Кое-кто из моих приятелей удивлялся, чего это мне приспичило жениться, но я твердо знал, что поступаю правильно. И правильно не в каком-то высшем смысле (никогда не страдал подобной чепухой), а чисто для самого себя. Барбара сделала меня намного счастливее... не знаю, как и почему. Просто с ней, как частью моей жизни, я чаще улыбался, чаще был в хорошем настроении... и мне хотелось это счастье узаконить.

Будь Барбара типичной домашней клушей, я бы никогда не стал затевать всё это. С чего бы? И без того никуда не денется! А моя рыжая ведьма – совсем другое дело. С ней я никогда ни в чем не был уверен. Пусть уж будет моей «легально».

Нет, меня не понимали... ну и черт с ними! Они не встретили свою Барбару, им же хуже.

В своем воображении я представлял, как подарю ей это кольцо... почти видел, как засияют ее чудесные глаза... как она улыбнется... и, конечно, скажет «Да». В ее ответе я нисколько не сомневался.

Надо устроить какой-нибудь романтический вечер... свечи, музыка, ужин с вином... та атрибутика, которую обожают все женщины без исключения, даже столь трезвомыслящие, как моя Барбара...

...Воспоминание вспыхнуло в его сознании яркой картинкой... за ним робко последовали прочие, больше напоминающие отдельные впечатления, не вполне согласованные друг с другом. Но эта сцена из прошлого была отчетливой и живой, настоящей, Майкл помнил каждую ее деталь, более того – помнил свои мысли и чувства. Это было, было, было!

– Черт, черт, черт... – прошипел парень, со злостью сжимая кольцо в ладони.

Он не хотел ничего помнить. Он хотел обратно свою жизнь, понятную и простую. Ладно бы память вернулась в полном объеме, а так... зачем ему одно одинокое воспоминание?! Оно лишь породило в душе сомнения и больше ничего не дало.

И где Людовик, когда он в порядке исключения нужен? Мог бы не торопиться уходить... теперь его совет был бы кстати!

Ничего для себя так и не решив, парень снова поместил кольцо в бархатную коробочку, а ту спрятал в тумбочку, подальше от глаз... жалея, что воспоминания удалить гораздо сложнее.

* * *

Артур примерно представлял, где можно отыскать Людовика в этот час... он давно изучил привычки давнишнего недруга и знал его любимые местечки.

Конечно, он не ошибся. Клондайкс пил свой утренний эспрессо в очаровательной кофейне и одновременно просматривал какую-то газету. Причем вид у него был до того самодовольный, что Артур едва удержался от смеха.

– Весьма старомодно, как и всегда, – громко произнес он, остановившись возле его столика на открытой террасе.

Людовик недовольно вскинул голову и безо всякого удовольствия воззрился на того, кто решил испортить ему утренний ритуал... в очередной раз.

– Это становится плохой традицией, – буркнул Клондайкс, снова опуская глаза и демонстративно возвращаясь к чтению газеты.

– Что именно становится традицией, твоя старомодность? – фыркнул мужчина, без спросу усаживаясь за тот же столик. – Не спорю... это вообще дурной тон.

Людовик бросил на него неприязненный взгляд поверх края газеты:

– Я говорю о твоей новообретенной привычке портить мой завтрак.

– Ты давно не заглядывал в словарь, – желчно заметил Артур. – Традиция – это то, что имеет историю... новообретенной быть не может.

– Всё сначала является новообретенным, – огрызнулся Клондайкс, складывая газету. – И вообще, ты что, пришел читать мне лекции о происхождении слов? Или есть конкретное дело?

Артур забросил ногу на ногу и с удобством откинулся на спинку стула.

– Есть, есть... мы к нему перейдем... Сначала скажи: кто сегодня читает газеты? Это устаревший способ получения информации!

– Я, как видишь, читаю... когда мне не мешают.

– Ну по поводу того, кто кому мешает, мы еще поговорим. Это, видишь ли, большой вопрос... но газеты – черт, до чего же старомодно! Этот мир, конечно, лишен многих красок, но даже тут есть свой аналог Интернета... так читать куда удобнее.

Щеки Людовика залил багровый румянец – правда, черная, как смоль, кожа скрыла подобное проявление чувств. Что ж, и у трехцветной реальности имелись свои преимущества...

– Ты сегодня настроен учить меня жизни, как вижу, – зло обронил он. – С чего бы такая заботливость?

Артур издал презрительный смешок:

– Вот еще! Я менее всего настроен учить тебя... тем более после того, что ты сделал.

– И что же я сделал? – искренне удивился Клондайкс. – Не припомню...

– Я поясню, не волнуйся, – холодно уверил мужчину, поджимая тонкие губы. Его белое вымороженное лицо слегка порозовело – мертвенная бледность плохо маскировала эмоции. – Я не пытался вмешиваться в твою игру с Майклом... но ты решил спутать мои карты с его бывшей подружкой. Спрашивается: зачем?

Людовик сразу повеселел, а в его черных глаза мелькнул живой огонек.

– Вот как! – удовлетворенно причмокнул мужчина. – Неужели она послушалась моего доброго совета? Я боялся, она решила... хм... нас с тобой совместить.

– Совместить? – брови Артура поползли вверх.

– Ну, решила помочь мне и при этом остаться твоей... как бы назвать? протеже? любовницей? Но Барбара оказалась умнее. Молодец, девочка!

На скулах собеседника заиграли желваки, ноздри крупного, но красиво очерченного носа слегка задрожали.

– Вот уж не знаю, почему она молодец. Ты внушил ей ложные надежды и разрушил ее жизнь... а я пытался помочь.

– Мне-то не ври! – скривился Людовик, залпом допивая свой кофе. – Ты не собирался ей помогать... тебе просто нужно побольше жертв Мира Теней. Таких, знаешь, доноров энергии, которые и в своей реальности жить спокойно уже не могут, и сюда без твоей помощи проникнуть не в состоянии...

Эти обвинения не произвели на Артура особенного впечатления, он равнодушно пожал плечами:

– Да, план был таков... изначально. Но она проявила себя сильной личностью. У нее был реальный шанс стать вровень с нами.

– Не совсем так, – поправил его уязвленный Людовик. – Мной ей не стать. Я ведь родился тут, не забыл? Так что мой путь ей не повторить.

– Это уже детали, друг мой. Она была бы свободной, сильной... и она бы нашла своего Майкла.

– Как ты нашел свою... как ее звали?

Когда-то, годы и десятилетия назад, это замечание, возможно, стало бы ударом под дых, однако те далекие времена канули в Лету. И сейчас Артура несколько не потревожило неделикатное напоминание о потерянной любви.

– Я не помню, как ее звали... Какая разница? Я всё равно ее нашел. Она меня разочаровала, признаю. Но разочарование – чувство менее неприятное, чем боль потери. А ты обрек Барбару именно на это! Сразу видно, ты никогда никого не терял.

Людовик почувствовал себя задетым:

– Я не обрекал ее ни на что! Майкл к ней вернется. И у них всё будет по-прежнему, – но он и сам не до конца верил собственным словам.

Артур рассмеялся, и смех его прозвучал дьявольски зловеще:

– Да ты сказочник! Фантазер... Наивно, я бы сказал.

– Вовсе не наивно, – не согласился Клондайкс. – Я уверен, что Майкл сумеет восстановить свою память. Уверен!

– Этого мало, чтобы вернуться, – спокойно заметил Артур, поднимаясь на ноги. Отряхнув брюки, он сверху вниз посмотрел на Людовика и негромко добавил: – И ты еще в этом убедишься... и очень скоро.

Он ушел, а Людовик, провожая его взглядом, задумчиво хмурился. На душе у него было очень беспокойно...

* * *

Майкл редко посещал рестораны, разве что в кафе забегал рядом с домом. Причина была вовсе не в денежных затруднениях, просто заведения «высокой кухни» отдавали сибаритством и избыточной роскошью. К тому же Риверсу не хотелось ловить на себе неодобрительные взгляды, он не любил, когда на него косились с насмешливым удивлением: мол, некого пригласить на свидание, никто не жаждет составить компанию за ужином...

А ведь и правда – некого и никто! С девушками парень сходился плохо, в рестораны их не звал, в лучшем случае предлагать выпить кофе в простеньких кофейнях... а друзья, с которыми можно было бы весело провести вечерок, остались в родном городе... том, который он покинул пару месяцев назад.

«Том, которого никогда не существовало, если верить Людовику, – шепнул внутренний голос, напоминая теорию злощастного Клондайкса. – Твои друзья остались там же, где сейчас находится Барбара. В мире, где существуют цвета».

Память не вернулась к нему, на что он немного надеялся (и чего страшился). Так, прорывались время от времени

отдельные яркие воспоминания, да и сны стали более настойчивыми, убедительными... живыми. Майкл уже не мог отрицать, что в рассказе Людовика есть крупица истины... он не мог высмеивать его гипотезу. И это состояние (ни там, ни здесь) раздражало его.

Вот потому-то Риверс и решился нарушить собственные правила и поужинать в общественном месте, просто чтобы побыть среди людей... компания в виде собственных тягостных мыслей его изрядно утомила, и он надеялся, что чужие, пускай и незнакомые, лица помогут ему отвлечься.

Он заказал стейк и порцию картофеля, в ожидании которых пил кофе и несколько нервозно листал меню, размышляя о десерте. Чья-то тень упала на страницу, и Майкл поднял голову, уже приготовившись поблагодарить официанта за оперативность... но незнакомый господин явно не был сотрудником сего заведения. Остановившийся у его столика высокий стройный мужчина с белыми волосами и очень бледной кожей, облаченный в дорогой черный с красноватым отливом костюм, был похож на успешного преуспевающего бизнесмена.

– Сегодня тутлюдно, – холодноато улыбнулся незнакомец, взирая на него сверху вниз пугающими темно-белыми глазами. – Можно составить вам компанию?

Майкл скользнул взглядом по помещению. И правда, людей было много, однако парочка столиков по-прежнему пустовала... Парень нервно сглотнул, но указать беловолосому господину на его явную невнимательность почему-то не решился. Было в выражении его мертвенно-белого лица что-то настораживающее и убивающее всякое желание спорить.

– Садитесь, – лаконично буркнул Риверс, хмуря брови. – Чего уж там.

– Благодарю вас, – кивнул в ответ мужчина и, уже устроившись напротив него, заметил бодрим голосом: – Я те столы тоже заметил... но они неудобно расположены.

Майкл пожал плечами. Почему-то он не поверил ему, объяснение прозвучало не слишком правдоподобно, но спорить парень не стал. Может, этот тип не любит ужинать в одиночестве, вот и придумал себе компанию? Подобная версия стала казаться еще более вероятной четверть часа спустя, когда сотрапезникам принесли заказанные напитки и блюда.

– Я всегда считал, что вкусный ужин будет еще вкуснее, если сопроводить его увлекательной застольной беседой, – весело сказал мужчина, подтверждая догадку Майкла. – И я был бы рад предложить парочку тем для разговора, вот только ваше лицо намекает на нерасположенность к откровенности... я угадал?

Майкл испытал досаду. Этого еще не хватало! Нужно было умудриться нарваться на эдакого доморощенного психолога, любителя пофилософствовать!

– Слишком красиво говорите, много непонятных слов, – с сарказмом сказал он вслух, кривя губы. – И вообще, есть лучше в тишине...

– Лучше для пищеварения, но не для настроения, – в рифму ответил незнакомец и снова улыбнулся; очень недружелюбной была его улыбка. – Что ж, не хотите говорить, ладно... может, посмотрите?

– Что посмотрю? – с подозрением осведомился парень, справедливо не ожидая ничего хорошего.

Мужчина вынул смартфон и заскользил пальцами по экрану. Потом отодвинул тарелку Майкла чуть в сторону (тот от подобного нахальства просто онемел) и положил на освободившееся на столе пространство свой девайс.

– Это любопытный видеосюжет... качество такое себе, я не ахти какой видео оператор... но вам понравится... ручаюсь.

Майкл был уверен, что странный собеседник лжет либо ошибается и видеосюжет ему нисколько не понравится... но

почему-то противиться воле этого господина не смог и покорно нажал на кнопку воспроизведения.

На экране смартфона задвигались красно-черные тени... парень подался вперед, вглядываясь в происходящее... о чем тотчас горько пожалел. Лучше бы он ничего не видел!

Сценка была пикантной, и весьма. Пара, мужчина и женщина, предавалась страстной любви. При других обстоятельствах Майкл, пожалуй, наслаждался бы столь эротичным зрелищем, вот только любовники были ему знакомы. Она – его Барбара, несколько видоизмененная реальностью трехцветного мира, но по-прежнему красивая. Он – не кто иной, как бледный, как смерть, тип напротив...

«Не может быть!» – вскрикнуло сердце.

А рассудок сразу понял, что не только может, но и есть... всё это правда. Барбара не пыталась его искать, хранить верность... она легко нашла замену неудачливому жениху (а ведь Майкл успел поверить, что они собирались пожениться).

– Кто вы? – хрипло прошептал парень, поднимая полный ужаса и боли взгляд на мужчину; тот улыбался ледяной улыбкой.

– Так ли важно, кто я? – вкрадчиво спросил он. – Важно, что я сплю с женщиной, которую вы считали своей.

Майкл судорожно вздохнул, чувствуя, как покрывается холодным (в буквальном смысле!) потом.

– Значит... значит, он говорил правду. Она... она была моей, – тихо и непонятно пробормотал Риверс, устремив взгляд на злополучный девайс и с горечью думая, что стоило бы разбить его. Но что это даст, что изменит?

Как ни странно, мужчина напротив прекрасно понял туманную фразу молодого человека.

– Он – это, я так полагаю, Людовик? Да, он не врал вам. И она... Барбара... была когда-то... ну, не вашей, а с вами. Временное явление.

Парень вспыхнул и поднял на собеседника ненавидящий взгляд. Вот сейчас он был готов не только разбить девайс, но и запустить им в обидчика... но почему-то этого не сделал. Более того, он и сказать ничего не успел, любовник Барбары (как невыносимо произносить это даже мысленно!) опередил его.

– Не волнуйтесь вы так, юноша, – с неприятной усмешечкой проговорил он. – Сердце ещё не выдержит... в конце концов, вам стоит признать: всё в наших мирах, любом из них, лишь временное явление.

– Спорный вопрос! – почему-то запротестовал парень, просто из чувства противоречия.

Мужчина удивленно поднял брови:

– Вы можете назвать что-нибудь вечное? Ну же, давайте!

Майкл растерялся, но лишь на секунду.

– Вселенная, – буркнул он.

– Помилуйте, что за ерунда! Вселенная кажется вечной тем, чья жизнь столь коротка, как ваша... но и Вселенные умирают.

– Какого черта мы говорим о Вселенной?! – нелогично рассердился Майкл. – Кто вы такой?! И какого *** вы мне показали это... это... – он разгневанно умолк, не в силах подобрать достаточно емкое и крепкое выражение.

– У меня есть свои мотивы, – улыбка так и не сошла с его тонких бледных губ, хотя глаза не улыбались и их взгляд скользил по потному лицу собеседника настойчиво и зло.

– И вы... вы занимались... этим вот... тут, недавно?! – его голос напоминал сиплый шепот, а в душе царил разброд. Тут было место всему: боли, обиде, возмущению, неверию...

– Если вы имеете в виду тут, в ресторане, то нет... я не поклонник столь экстремальных утех. И вообще, мы были в другом мире. В цветном... слышали о таком?

– Слышал, – с ненавистью процедил парень, его глаза налились кровью. – Но это видео... оно явно не цветное.

Мужчина даже просиял и с гордостью пояснил:

– О да, я превзошел себя! Знаете ли, не так просто было пронести это устройство сюда, да еще и так, чтобы видео сохранилось, пускай и видеоизменилось немного...

– Изменилось? – с надеждой встрепенулся парень.

Увы, его ожидало очередное разочарование.

– Цвет, цвет померк... но главное-то не это, верно? – и он лукаво подмигнул (впрочем, по мнению Майкла, не лукаво, а скорее, нахально).

– Вы явный извращенец! – с отвращением сказал парень. – Кто снимает такое вот!

– Многие. Некоторые находят подобные сюжетики занятыми... бодрящими... возбуждающими... но у меня была особая цель. Я знал, что это может послужить оружием, и послужило. Хотя записать было нелегко, я ведь не хотел, чтобы малютка Барбара что-нибудь заметила.

Каждое слово ранило парня, хотя он и старался не показывать, что удары достигают цели. Зачем доставлять этому садисту лишнее удовольствие?

– Скинуть вам файл? – с сочувствующим видом поинтересовался мужчина, лицо его приняло притворно-добродушное выражение. – Посмотрите на досуге... научитесь чему-нибудь.

Нервы Майкла наконец-то не выдержали. Он рванулся с места, опрокидывая стол вместе с тарелками и чашками, целясь в горло неприятному сотрапезнику... но цели не достиг. Тот успел ускользнуть и теперь возвышался над ним совершенно невредимый, без единой царапинки, тогда как парень очутился на полу в окружении осколков разбитой посуды.

– Прощай, мальчик, – негромко сказал Артур (конечно, это был он), и впервые за вечер в его глазах появилось что-то, напоминающее светлую грусть или, быть может, сострадание. – Поверь, я не мог поступить иначе.

И он ушел, и никто не попытался его остановить... Майкл, тяжело дыша и силясь подняться, отметил это довольно безучастно. К нему с возмущенными криками устремились официанты и охрана, но он и не думал сопротивляться. Собственно, в ту минуту ему было всё равно, что с ним произойдет.

* * *

Грусть, мимолетная гостья, давно покинула его взгляд, а на тонких губах запорхала едва заметная смутная улыбка. Он был очень доволен собой, пускай и жалел, совсем немного, этого мальчика... кто-то поспорил бы, что тридцатилетний увалень едва ли сойдет за «мальчика», но по меркам Артура тот был именно им, – почти ребенком... Когда живешь долгие годы, любой человек моложе 35 кажется юнцом.

Да, Артур слегка сочувствовал «бедному мальчику», однако на его поступки жалость давно не влияла. Когда есть цель, глупо поддаваться состраданию и прочим бесполезным эмоциям.

Правда, цель теперь несколько изменилась, и предназначенная на заклятие овца обернулась волком, а значит – потенциальной подругой. Да, именно так: вначале Артур хотел использовать Барбару как еще один «источник сил», как очередного донора, но девчонка оказалась с норовом, такую своей воле не подчинишь... зато ее можно сделать равной себе. А почему нет? Артур был не против разнообразить собственное скучное окружение интересным персонажем и заодно прищипорить амурную жизнь... довольную унылую последние годы. А Барбара к тому же напоминала его давнишнюю любовь... ту, с которой всё и началось когда-то, много лет назад.

Впрочем, сейчас Артур думал не о прошлом, а о самом непосредственном «здесь и сейчас». Он был невероятно горд собой, и ведь было чем гордиться!

Да, операцию он провел мастерски... можно не сомневаться, что Майкл не преодолеет барьер между мирами... Конечно, то слабое воспоминание, которое возникло у него благодаря обручальному кольцу (разумеется, Артур выяснил все детали этой истории), постепенно растает. Майкл, слабая душа, снова впадет в депрессию, апатию и застрянет тут на веки-вечные... ну или на срок, отпущенный ему судьбой. Подобные ему обречены проигрывать и терять. Это не сильная духом Барбара, которой просто невозможно не восхищаться.

«Да, восхищаться, уважать – и не более!» – твердо сказал себе Артур, стараясь заглушить внутренний голосок, ехидно намекавший на более теплые чувства.

Ну а раз он ее УВАЖАЕТ (именно так, просто уважает!), нужно придумать, как всё поставить на прежние рельсы... правду говорить ни в коем случае нельзя...

– Я что-нибудь придумаю, – прошептал Артур и мысленно выругался. Определенно, ему нужен какой-нибудь адекватный друг (или подруга), не дело, что он разговаривает с самим собой! А с кем еще беседовать, собственно? И ведь у него была отличная кандидатка на роль собеседницы! Людовик всё испортил...

– Ну ничего, – шагая по черным тротуарам и окруженный бордовыми зданиями, пробормотал, опять-таки вслух, мужчина. – Я побил тебя, дружок, тем оружием, какое тебе, старомодный читатель газет, непонятно... самым что ни на есть СОВРЕМЕННЫМ...

• 10 •

Первое Преображение

Как и опасалась Барбара, Артур посетил ее, однако эта встреча при всей своей напряженности прошла куда лучше, чем ожидала девушка.

Ее несостоявшийся учитель не упрекал бывшую ученицу, не пытался высмеять или оскорбить... не подавлял авторитетом. Просто молча и хмуро выслушал сбивчивый рассказ рыжеволосой красотки и грустно спросил:

– Ты уверена, что сделала правильный выбор?

Было бы честнее ответить отрицательно, но Барбара боялась выказывать свои сомнения, по опыту зная, что Артур с легкостью (и умело!) воспользуется любым проявлением слабости.

– Я считаю, что поступаю разумно, – натянуто проговорила она, старательно подбирая слова. Всё-таки откровенно кривить душой ей не хотелось, да и Артур наверняка почувствовал бы ее неискренность.

– Что ты понимаешь под «разумно»? – всё тем же печальным тоном осведомился он. – Разумно с чьей точки зрения? Людовика? – имя недруга он сказал с непередаваемым презрением, словно брезгуя произносить его вслух.

– Не только с точки зрения Людовика, – помрачнела девушка, покоробленная сделанным намеком. – У меня есть своя голова на плечах.

– Вот именно... – протянул Артур, картинно вдыхая. – Голова, как мне думалось, есть... и даже с мозгами.

«Вот оно! – напряглась Барбара, приготовившись к словесному поединку. – Началось!»

Однако она ошиблась, и хватки интеллектов не последовало. Артур просто пожал плечами и задал еще один вопрос:

– Ты полагаешь, Майкл скоро к тебе вернется?

– Скоро или нет, но он вернется. Людовик мне обещал...

– Думаю, он обещал просто *попытаться*, – заметил Артур, подчеркнув последнее слово. – Я хоть и не терплю этого типа, но явно лгать он не любит... мелковато для него!

Барбара вынуждена была признать, что да, он обещал попытаться, только попытаться... но разве попытки мало?

– Решать тебе, – мягко заметил мужчина и на этом разговор, к удивлению своей собеседницы, завершился. Она даже почувствовала легкое разочарование с тенью обиды: мог бы и поуготоваривать ее, в конце концов! Их ведь связывали не только «уроки»... занятия не ограничивались просто лекциями... или таков стандартный формат обучения в понимании Артура?

Обо всё этом Барбара и размышляла, и весьма сумрачно, возвращаясь домой в один из вечеров. И еще с горечью думала, что Артур, пожалуй, в чем-то прав... ну отказалась она от идеи проникнуть в Мир Теней, а зачем, спрашивается? Вероятно, кольцо, воплотившее в себе воспоминание о былом счастье, пропало зазря... Черт возьми, она поступила, как наивная дурочка! Вроде бы не тот возраст, чтобы по-прежнему верить в чудеса и сказки...

– Просто идиотка, – шепотом сказала себе Барбара, сворачивая в родной двор. По обыкновению темный, единственный

сиротливый фонарь тщетно силился озарить окружающее пространство. Свет, им испускаемый, лишь создавал пугающие тени и усугублял обстановку. – Мозгов нет совсем...

– Как верно подмечено! – прозвучало очень отчетливо и саркастично. – Приятно, когда человек признает свою глупость.

Барбара остановилась, не столько испуганная, сколько удивленная. Она нередко слышала и читала о разгуле преступности, о том, что ее район признан одним из самых небезопасных в городе... но слухи оставались слухами, ничем не подкрепленными. Неужели пришел ее черед? Нет, девушке в это слабо верилось... ей не могло настолько не повезти! После всего пережитого за последние месяцы подобный исход был бы несправедливо жестоким.

«Словно такая штука, как справедливость, вообще существует!» – мысленно одернула себя Барбара. По ее телу прошел озноб, но это по-прежнему не было страхом... ей и правда сделалось зябко.

– Кто здесь? – громко спросила она; голос ее остался спокойным.

– Мы, – последовал вкрадчивый ответ.

Следующий вопрос, уточняющий, кто, собственно, «мы», застыл на ее губах, ибо ответ материализовался вокруг нее в буквальном смысле слова: девушку окружили плотным кольцом крепкого вида парни... причем полумрак придал этим господам особенно устрашающий вид.

– Что вам нужно? – вот теперь она напряглась и почувствовала, как по спине тонкой струйкой стекает ледяной пот.

– Ты можешь догадаться... – вкрадчиво произнес всё тот же сладко-угрожающий голос, и его обладатель скользнул к ней, приблизился почти вплотную... на девушку дохнуло острой смесью пота и луково-чесночного дурмана, и она не отступила лишь огромным усилием воли... да и куда отступать? Ее окружили!

«Черт, ну я и попала!» – с ненавистью к себе подумала Барбара.

– Я отдам вам деньги, – торопливо сказала она вслух, лихо-радочно размышляя, есть ли смысл кричать... придет ли кто на помощь? Сомнительно... плотнее закроют окна-двери, делая вид, будто оглохли, вот и всё.

– Денег мало, крошка, – причмокнул губами незнакомец и протянул руку к щеке девушки, погладил ее нежную кожу своим шероховатым пальцем. – Такая милашка... правда, парни?

Раздались смешки и одобрительные выкрики. Барбару за-тошнило от отвращения.

– Откуда ты знаешь, что я милашка? – прошипела она, сузив глаза. – Тут темно... может, мне все сорок?

– А я люблю тетечек тоже... в них есть огонь... и они в теле.

«Это кто еще в теле?!» – мысленно возмутилась девушка, хотя беспокоиться стоило явно о другом... Однако испугаться «до потери пульса» мешало удивление... она не в силах была поверить, что происходящее – реальность. Скорее, всё это напоминало сюрреалистичный сон.

– Найдите себе мишень поинтереснее, – сделав глубокий вдох, сипло сказала Барбара. Сердце ее яростно колотилось, лоб покрылся испариной. Не страх, нет, – адреналин.

– О, ты себя недооцениваешь... – пробормотал хулиган, властно обнимая ее. – Ты очень, очень даже ничего...

– Отпусти меня! – вспыхнула девушка, безуспешно стараясь вывернуться. – Отпусти!

Ее сопротивление лишь распалило парня, казалось, он ждал именно этого. Его движения стали увереннее, настырнее...

– Сначала я, потом вы, пацаны... – шептал он, жадно шаря рукой по ее телу. – Сладкая, ты сладкая...

– Прекрати меня лапать! – прорычала Барбара. Ей удалось вцепиться ногтями в его лицо, и она сделала это с садистским наслаждением.

– Ах ты бешеная кошка! – взвизгнул парень. – А ну-ка, ребята, помогите мне...

«Ну уж нет! – мысленно взвилась она. – Ничего не выйдет!»

Барбара не поняла, что произошло и почему... быть может, так подействовала злость, но всё вокруг вдруг обрело багровые тона, сделалось грязно-красным... а улица опустела.

Девушка с трудом перевела дыхание, успокаиваясь. Сердце ее по-прежнему отбивало дробь, а руки чуть дрожали. Прошло не менее минуты, прежде чем Барбара сумела собраться с мыслями и осознать произошедшее.

Кажется, она каким-то чудом переместилась в Мир Теней... видимо, сработал инстинкт самозащиты... и (вот уж поразительно!) такое перемещение испугало ее едва ли не больше, чем само нападение. Всего необъяснимого, отдающего мистицизмом, Барбара боялась куда сильнее, чем ночных приставал.

– Я хороша! – пробормотала она с сарказмом, просто желая услышать собственный голос и убедиться, что по-прежнему контролирует свое тело, если уж реальность отказывалась подчиняться привычным законам бытия.

Девушка оттерла влажный лоб – она и не поняла, что успела покрыться липким потом.

– Ты и правда хороша, – раздалось за ее спиной.

На сей раз она нисколько не испугалась и даже не очень удивилась. Казалось, она ждала, когда прозвучит именно его голос.

– Добрый вечер, Артур, – вслух произнесла девушка, оборачиваясь.

В нескольких шагах от нее стоял ее учитель и любовник, чья высокая сухощавая фигура лишь угадывалась в красноватом полумраке неумолимо приближающейся ночи.

– Я тоже думаю, что вечер добрый, – сказал мужчина, и девушка скорее почувствовала, чем увидела, как он улыбнулся.

– А чем он плох? – пожалала она плечами с деланно безразличным видом. – Всё закончилось хорошо... верно?

Артур шагнул к ней. Его белое лицо, расчерченное багровыми тенями, напоминало маску демона в плохой пьесе – маску, призванную вызывать оторопь и страх. Однако Барбара прекрасно помнила, каким пылким бывает этот человек, когда на время отбрасывает свою чопорность... и с какой нежностью способны целовать его тонкие губы.

– Ты справилась на отлично. Поздравляю, девочка!

В душу Барбары закралось смутное подозрение.

– Ты... – выдохнула девушка, ее вдруг осенило: – Ты...

– Что – я? – невинно уточнил Артур, поднимая брови. – Я пришел поздравить свою ученицу с успешным... как бы это назвать?... прохождением экзамена.

Барбара сузила глаза. Теперь она всё понимала, всё – от начала и до конца...

– Экзамен устроил ты, верно? – хрипло выговорила она. – Эти хулиганы... твоя работа, я угадала?

Артур не смутился. Наоборот, он производил впечатление польщенного и гордого собой.

– Да, признаюсь, я... хм... натравил их на тебя... пускай они о том и не подозревали. С такими легко иметь дело, безмозглые бараны...

– Легко иметь дело?! – возмущенно повторила Барбара. – Они, конечно, бараны, не спорю, но в данном случае больше напоминали волков, причем голодных!

– Какие слова! – поморщился Артур. – Пафоса, слишком много пафоса...

– Очень правильные слова! – повысила голос девушка. – Я не прочь рискнуть, когда сознательно иду на авантюру, но вот так... Черт, а если бы я не смогла переместиться в Мир Теней?! Что со мной было бы?!

И опять ей не удалось потревожить царственное самообладание собеседника. Уголки его губ едва заметно дрогнули, это было намеком на самодовольную улыбку.

– Но ты смогла, и я знал, что сможешь.

– Ты не мог знать наверняка. И готов был рискнуть, не спросив меня?!

Пожалуй, ее особенно приводила в ярость легкость, с которой Артур пожертвовал своей собственной ученицей! И ради чего?!

– Я был неподалеку, дорогая, – снисходительно пояснил мужчина, словно сжалившись над ней и снизойдя до ответа. – Я бы вмешался...

– Был неподалеку, ну-ну! – недоверчиво фыркнул она, постепенно успокаиваясь. – Не заметила я тебя в толпе этих недоумков.

– Потому что я не недоумок... но я был рядом. И когда ты ускользнула сюда, последовал за тобой, понаслаждавшись их испуганным шоком, конечно! Не каждый день девушка растворяется в воздухе.

– Они спишут это на алкоголь, – буркнула Барбара, понемногу оттаивая.

– Пожалуй... Ну что, уже не сердись?

– Еще как сержусь! – не очень убедительно возразила она. Артур не всегда использовал свой шарм, но если уж использовал, то устоять перед его обаянием было трудно, особенно женщинам... или *только* женщинам? – Будь добр в будущем спрашивать меня... прежде чем действовать.

Артур удивленно воззрился на нее:

– Ты понимаешь, милая моя, что мой фокус сработал лишь потому, что ты не была предупреждена? Тебе помог твой страх!

– И вовсе я не боялась! – возмутилась девушка.

– Ты достаточно умна, чтобы бояться таких вещей... Излишний героизм – свидетельство глупости.

– Ну, значит, я и есть дура, – огрызнулась Барбара, в который раз за вечер признавая собственную «неумность». – Потому что, вот поверь, не так уж сильно я испугалась! Мне просто не верилось, что это происходит со мной.

– Думаю, ты подсознательно понимала, что решение под боком... вот и не боялась. И воспользовалась лазейкой, когда, грубо говоря, сильно припекло.

Девушка устала с ним спорить. Пожав плечами и тем самым подчеркивая, что вопрос закрыт, она задумчиво осмотрелась. Они находились в одном из старых запущенных дворов, несколько не напоминающем только что ими покинутый. Впрочем, Барбара уже убедилась, что Мир Цвета и Мир Теней отнюдь не идентичны и лишь кое в чем пересекаются.

– Тут так... тихо, – наконец пробормотала она, ни к кому особенно не обращаясь, и подавила вздох.

Артур не обратил внимания на ее слова, понимая, что это просто мысли вслух. Он продолжал молча взирать на нее, ожидая, когда она окончательно успокоится и придет в себя.

Ей потребовалось около минуты, чтобы сформулировать следующий и самый главный вопрос:

– Зачем? – спросила она, в упор глядя на Артура и сожалея, что сейчас ночь и тени скрыли его лицо, и не прочтешь по нему, о чем он думает, что скрывает. – Зачем ты всё это сделал? Просто чтобы досадить Людовику? А я – просто ваша кукла, марионетка?

Ей показалось, что он покраснел. «Ага!» – мысленно восторжествовала она, хотя и не без досады... Обидно сознавать, что ты делила постель с человеком, к тебе равнодушным.

– Не буду отрицать, эта причина тоже имела место, – неохотно признался Артур. – Но на самом деле я хотел помочь тебе и Майклу.

– Мне и Майклу... – повторила она с усилием. – Старая песня...

– Я навестил его в этом мире. Он безнадежен. Ему не вырваться отсюда, твое кольцо ему не помогло. А вот ты... ты можешь ему помочь. Теперь – можешь.

– Теперь? Почему теперь? Что изменилось?

– Ты изменилась. Ты одна из нас... таких, как мы с Людовиком. Неужели не чувствуешь? Ты свободна!

Она нахмурилась прислушиваясь к себе... ей и правда показалось, будто она ощущает новую силу и бурлящую где-то внутри (в душе?) энергию, веру в собственную способность совершить что угодно... или очень многое. Игра воображения?

– Не понимаю... – произнесла Барбара, всё еще морща лоб. – Почему? Что... произошло?

– Ты научилась, милая. Ты научилась.

Барбара не была в этом уверена.

– Разве? Да, я сюда проникла... на страхе, на злости...

– Вот он, твой ответ.

– Всё время злиться?! – искренне изумилась девушка. – Это... хм... непродуктивно как-то.

Артур издал короткий смешок.

– Не согласен... в тебе много злости, согласишься.

Барбара обиженно поджала губы:

– Вот уж спасибо! Сомнительный комплимент.

– Это не комплимент, а правда жизни, – пожал плечами Артур. – К чему припудривать действительность?

– Да уж, ты не из тех, кто что-либо припудривает, – язвительно процедила девушка, мысленно примеряя роль вечной злючки... результат обескураживал. – Но я не думаю, что ты прав... я вполне адекватная и не страдаю из-за недостатка самоконтроля.

– Я и не утверждал обратного, – спокойно заметил мужчина. – Но тут не место обсуждать проблемы... Заглянем куда-нибудь на кофе?

– У меня были иные планы, – буркнула Барбара, но тем не менее послушно последовала за своим спутником.

* * *

Кафе было совсем маленьким и несколько запущенным, эдакая забегаловка, куда стыдно пригласить подругу – не оценит!

И Барбара, оглядывая унылый сероликий интерьер, не без горечи констатировала, что Артур совершенно не воспринимает ее как любовный объект. Хотя чему удивляться? Учитель, он же любовник, столь отчаянно толкает ее в объятия Майкла, что о ревности речь не идет! А если нет ревности хоть в каком-то виде, нет и истинного влечения. Нужно принять сей факт и вести себя соответственно.

– Итак, что ты планировал обсудить? – холодно улыбнулась девушка, когда учитель и ученица устроились за угловым столиком. Причем Барбара, прежде чем сесть на выдавший виды табурет, брезгливо протерла его салфеткой.

– Я хочу, чтобы ты смирилась с тем, кто ты есть, и прекратила нелепую борьбу с собственной сутью.

Барбара наморщила лоб, силясь вникнуть в смысл столь выпещренной фразы.

– Ты хочешь сказать, что я должна смириться с тем, что я неадекватно агрессивная личность? – нелюбезно уточнила она, присматриваясь к своему визави.

Он был некрасив, в этом мире – почти уродлив... выцветшие краски унесли с собою частицу его привлекательности, выставили напоказ некоторую угловатость... но обаяние, оно осталось при нем.

– Я не говорил ничего о твоей агрессивности, тем более – неадекватности, – не согласился с ее тезисом харизматичный

собеседник. – Я говорил о силе духа, которую не запихнуть в рамки придуманной кем-то морали. Черт возьми, ты что же, полагаешь, будто твой хваленый Людовик эдакий святоша с нимбом? Не смей меня!

Барбара покраснела, причем в этом мире ее румянец приобрел близкий к черному оттенок.

– Людовик не мой, и он не святоша, – ледяным тоном сказала она. – Но мне кажется, он бы не одобрил... ну... твои советы.

Артур равнодушно пожал плечами:

– И что? Он твой кто? Муж, родитель? Даже не друг! Зачем тебе его одобрение?

Барбара вздохнула, не зная, что ответить. В целом ей было плевать на одобрение кого бы то ни было, хватало собственного, но в том-то и дело! Ей не хотелось чувствовать себя ведьмой из детских сказок.

Артур внимательно всмотрелся в ее лицо и как будто угадал, какое направление приняли ее мысли.

– Я понимаю, о чем ты думаешь... но я ведь не прошу тебя убивать людей или грабить прохожих? Просто будь собой... и позволь себе злиться, когда есть повод. Бояться, когда страшно... просто используй эмоции, направляя в нужное русло... и открой для себя весь мир... нет, не мир! Миры.

– Их не только два? – удивилась девушка.

Мужчина взглянул на нее с жалостью:

– Разумеется, нет, бедная моя... но не спеши объять необъятное. Первая твоя цель – Мир Теней и Майкл.

– Да, Майкл, – задумчиво повторила она и, не удержавшись, добавила: – Скажи, а тебе не жаль отдавать меня ему? Не ревнуешь?

Она сразу раскаялась, что задала этот вопрос, мысленно обругала себя. Что за жалкое бабское желание нравиться, быть любимой!

– Я не ревную... – спокойно отозвался Артур. – К кому ревновать? Ты скоро им пресытишься... поверь. Пройденный этап.

Его слова и покоробили ее, и успокоили.

– Я не думаю, что всё так просто, – наконец с усилием проговорила она, пытаясь изобразить улыбку. – Майкл... он много значил для меня. Значит и сейчас.

– Какая милая оговорка, – поворковал Артур, щурясь, подобно коту на солнцепеке. – Но... оговорка ли?

Барбара промолчала, делая вид, будто заинтересовалась поданным официанткой меню... хотя едва ли могла соблазниться даже самым заманчивым блюдом – окружающая обстановка не способствовала аппетиту. В столь сомнительном заведении обед вполне мог обернуться пищевым отравлением.

И всё-таки девушка упрямо листала меню. Отвечать Артуру ей не хотелось.

* * *

На сей раз всё было наоборот. Теперь *ОНА* стала незваной гостьей в его доме... Оказалось, фокус предельно прост! Артур был прав, новые возможности открывали пугающие горизонты. Стоило принять правила игры и перестать бороться с собой, и мир становился управляемым.

Барбара навестила Людовика в Мире Теней – его исконной реальности, той, где он чувствовал себя в безопасности... где не ожидал подвоха и в то же время (именно поэтому!) был особенно уязвим.

«Долг платежом красен!» – злорадно размышляла девушка, поджидая его в гостиной.

Она могла бы зажечь свет, но не стала этого делать – боялась испортить эффект... И эффект получился неплохим, хотя и не настолько впечатляющим, как рисовало воображение.

Людовик щелкнул выключателем, и комнату озарил розоватый свет. Мужчина сразу напрягся, подметив незваную гостью... не вздрогнул и, уж конечно, не вскрикнул, и всё-таки Барбара с удовлетворением подметила, что он растерян.

– Вот уж кого не ожидал увидеть, – сказал Людовик после короткой паузы, взяв себя в руки.

– Ты рад? – язвительно спросила она, обращаясь к нему с фамильярной непосредственностью и тем самым стараясь скрыть удивление. Девушка еще не видела Людовика в Мире Теней и никак не ожидала, что он черный, как смоль: кожа, волосы, глаза... Лицо цвета эбонита вызывало двойственные ощущения.

– Ну... не знаю, что ответить. Не слишком рад, пожалуй.

Она довольно улыбнулась и огляделась по сторонам. Его гостиная была вполне просторной, оформленной в спокойных темно-красных тонах с редким вкраплением белого и черного. Комфортно и очень по-мужски, без женского изящества.

– Я не знал, что ты в курсе, где я живу, – он тоже решил отбросить ложную учтивость.

Барбара пожала плечами и плавно поднялась на ноги, застыла в картинной позе, позволяя ему любоваться собой, давая шанс оценить ее новую горделивую статью.

– Я могла бы соврать, что мне подсказал Артур... но нет. Его помощь мне больше не требуется.

Мужчина прищурился, всматриваясь в нее с любопытством и сомнением... и, кажется, понял. На лицо его набежала тень, брови сошлись над переносицей.

– Ты предала его... – хрипло сказал он, и это прозвучало как обвинение... пускай и несколько мелодраматичное.

Девушка нахмурилась и недовольно повела плечом.

– Я не понимаю, о чем ты, – буркнула она, снова усаживаясь в кресло. – Что значит – предала? И кого?

– Майкла, – легко пояснил мужчина и тоже сел в кресло напротив. Он уже успокоился и теперь полностью владел собой. – У тебя был шанс на жизнь с ним... настоящую. Простую жизнь.

Она вспыхнула, кровь прилила к ее щекам жаркой волной.

– Кто тебе сказал, что я хочу простую жизнь?

– А чего ты хочешь? – осведомился он не без насмешливости. – Щеголять этими своими черными губами? Смотреть на мир глазами вампирши? Краснея, превращаться в негритянку?

Она прищурилась, ноздри ее носа затрепетали:

– Про негритянку уж молчал бы... и я не виновата, что выгляжу именно так. Ты тоже не красавец.

– О, ты как раз красива! – усмехнулся он. – Эта красота приводит в трепет, но в ней есть свой шик... только зачем? Зачем тебе всё это? Зачем рвать душу и жить на два мира, на две реальности? Еще можно всё изменить!

Она печально покачала головой, с жалостью глядя на него:

– Можно ли? Я не думаю... Артур сказал, что Майкл сдался. Мое кольцо не сыграло особенной роли, так что... к чему тянуть? Чего ждать?

– Кольцо сыграло роль, – сухо возразил Людовик. – Твой дружок намеренно всё испортил.

– Мой дружок? – подняла брови девушка.

– Артур... вы ведь близки с ним, угадал? Значит, он твой друг.

Она фыркнула и с вызовом сказала, выпятив подбородок:

– Не знаю, что ты имеешь в виду под «близки»! И Артур к Майклу не имеет отношения.

Собеседник окинул ее тяжелым взглядом.

– Имеет. Я... был у него. У Майкла. Артур постарался всё испортить... к сожалению, ему это удалось.

Если он надеялся настроить ее против Артура, то цели не достиг. Барбару больше не трогало, кто, в чем и в какой степени

виноват. Ей хотелось добиться результата любым способом, любой ценой.

– Мне всё равно, что Артур сделал, по твоему мнению, или чего НЕ сделал – по моему. Я хочу вернуть Майкла, и вернуть сейчас! И теперь... теперь у меня появился такой шанс.

– Какой шанс?! – процедил Людовик сквозь зубы, впервые на памяти Барбары столь яростно выражая эмоции... Ей даже польстило, что она наконец-то сумела задеть его за живое, потревожить скорлупку идеальности и убедиться, что ничто человеческое ему не чуждо. – Что ты станешь делать, водить его за собой на поводке?! Чтобы быть вместе, вы должны быть равными... а сейчас неравенство налицо.

В его словах было зерно истины, однако Барбара сохранила деланную безразличность:

– Об этом позволить судить мне...

– Вот оно! – торжествующе воскликнул мужчина, и его черные глаза сверкнули красным. – Ты УЖЕ говоришь с видом превосходства! Не мы, а ТЫ будешь судить!

И опять он был прав...

– Мы сами разберемся, – сурово сказала Барбара, хмуря брови. Она уже пожалела, что уступила тщеславию и пришла покрасоваться перед этим статуе подобным человеком. – Без посторонней помощи... ее и так хватило! – последнюю фразу она сопровождала вымученным смешком.

Людовик тоже не сдержал улыбки. Что ж, трудно отрицать, и он сам, и его недруг Артур приложили массу усилий, чтобы помочь этой паре воссоединиться... вот только сложно убедить себя, будто они действовали из бескорыстных побуждений, «во имя общего блага».

– Хорошо... – после паузы сказал Людовик. – Дай мне собраться с мыслями...

– Собраться для чего? – насторожилась девушка. – Всё сказано.

– Не всё...

Он вздохнул и, не без труда поднявшись на ноги, сверху вниз посмотрел на нее. Барбара вскинула подбородок и ответила ему вызывающим взглядом... учитывая, что глаза у нее отливали красным, впечатление было тягостным.

– Дай мне минутку... пожалуйста.

Она молча пожала плечами, и Людовик отошел к окну, всмотрелся в подступающую черно-багровую ночь. Всмотрелся столь пристально, словно надеялся увидеть среди сгущающихся теней какую-то подсказку... однако на самом деле вместо темной улицы он видел картины недавнего прошлого.

...Он был абсолютно уверен, что найдет Майкла в добром здравии и чудесном настроении... готового принять нового себя... он даже предвкушал их встречу, надеялся, что парень будет рад вновь увидеть своего «спасителя»...

Увы, он жестоко ошибся. Майкл, которого он застал в кафе близ дома, радости не выказал.

– Когда вы оставите меня в покое?! – именно таким вопросом встретил Людовика молодой человек. Он покраснел от злости и почти плевался огнем. – Чего вы ко мне прицепились?! Что вам всем надо?!

Людовик, несколько озадаченный столь темпераментным приемом, насторожился, последний вопрос намекал на развитие сюжета, которого он, увы, не предвидел...

– Вам всем? – уточнил Клондайкс. – Кого – всех – ты имеешь в виду? Был кто-то еще помимо меня?

Майкл раздраженно повел плечом:

– Был...

– Дайте-ка угадаю, – хмуро предположил Людовик, уверенно устраиваясь за тот же стол, что занимал молодой Риверс. – Это был некий белолицый беловолосый человек, стройный и высокий... так?

Майкл удивленно свел брови:

– Так... как вы узнали?

– Было нетрудно, – процедил сквозь зубы Людовик, подавляя вздох. – Этот человек... он мой злой гений.

– Вот как? – Майкл как будто успокоился. – Сочувствую вам... мерзкий тип.

– О как это верно! – с несвойственной ему пылкостью подтвердил Людовик. – Но что он сделал... этот человек? Когда мы с вами виделись в прошлый раз, всё было неплохо... и я надеялся... – он осекся под тяжелым взглядом Майкла.

– Вы надеялись, не знаю на что... но теперь всё в прошлом. Я не хочу знать ни вас, ни Барбару, ни этого вашего друга!

– Он едва ли мой друг, – холодно перебил Людовик. – Итак? Что произошло?

Ему пришлось потратить еще четверть часа, чтобы добиться от Майкла всей правды... и услышанное его не слишком порадовало.

Итак, Артур его обыграл... опять. Это начинало приедаться, невезучесть входила в дурную привычку... Может, хватит бояться «испачкать руки»? Артур вот не боится и добивается своего!

– И прошу вас, проваливайте, – грубовато присовокупил Майкл в завершение своего рассказа. – Узнали, что хотели, и идите себе...

– Не слишком вежливо, – заметил Людовик, не торопясь выполнять указание парня.

– Да мне плевать! – взорвался Риверс, выпрямляясь. – Вы меня все достали до чертиков! Я из-за вас ни тут, ни там...

Людовик кивнул. Он понимал, что имеет в виду Майкл. Да, теперь бедняге кажется, будто у него раздвоение личности... Артур умудрился в каком-то смысле сломать Риверсу жизнь. Ну, может, не жизнь, но пару лет так точно пойдут насмарку... смотря сколько времени потребуется его разуму, чтобы вытеснить воспоминания о Цветном Мире. Рано или поздно это произойдет.

– Я понимаю, – произнес он вслух очень печально. – И ухожу...

– Ты уснул? – громко спросила Барбара, и ее недовольный требовательный голос вывел Людовика из состояния транса.

Клондайкс встряхнулся, не сразу понимая, где находится, – мыслями он был еще там, в кафе, с Майклом...

– Нет, я просто задумался... – произнес мужчина вслух, глядя в окно. – Пожалуй, слишком глубоко...

– Да уж, – буркнула Барбара. – Может, обернешься наконец-то... устала любоваться твоей спиной.

Однако он не спешил оборачиваться, хотя и понимал, что становится откровенно невежлив... Ему требовалось еще несколько минут, чтобы не потерять мелькнувшую в мыслях новую идею... и дать ей созреть.

– Да, прости... – пробормотал Клондайкс, осторожно нащупывая в кармане джинсов айфон... Стив Джобс перевернулся бы в гробу, увидев эту трехцветную вариацию своего прославленного творения, и порою Людовик рассеянно гадал, как эти девайсы проникли в Мир Теней... официального создателя у них как будто не было, они просто существовали, – как стул, стол и прочие предметы обихода, без которых не обойтись. Местные обитатели сами придумывали происхождение многих вещей, как придумывали и собственное прошлое... Таков он был, Мир Теней.

Впрочем, сейчас было явно не время философствовать на тему «тонких материй».

Людовик вынул айфон, стараясь сделать это как можно незаметнее, однако не преуспел.

– Вижу, я тут лишняя, – холодно заявила Барбара, и мужчина, даже не глядя на нее, понял, что она резко поднялась. – Ты собираешься звонить кому-то, видимо...

– Это может подождать, – с притворной любезностью заверил Людовик, но айфон не спрятал. – Итак, ты твердо решила бросить своего Майкла в беде?

Он наконец-то обернулся к ней. Его айфон остался лежать на подоконнике.

– Почему бросить? – капризно возразила Барбара. – Я ему помогу.

– И будешь верховодить, надо полагать, – нарочито язвительно заметил Людовик. – О равенстве ведь речь не идет...

Он хотел разозлить ее, заставить допустить оплошность... проявить, намеренно или нет, высокомерие... и ему это удалось намного легче и быстрее, чем он ожидал.

– Равенства вообще не существует, – снисходительно обронила девушка, сказала с таким видом, словно объясняла элементарный урок недалекому ребенку. – И, если уж на то пошло... Майкл, он...

Она замолчала, будто смутившись от того, что собиралась сказать. Людовик весь подался вперед, напрягся, подобно учувшей близкую добычу гончей.

– Что он? – спросил он небрежно. – Любил, когда ты верховодишь?

Барбара отвела взгляд и пожала плечами. Кивнула, глядя в пол: – Ну, в определенном смысле... И, согласишься, тот факт, что он вообще попал сюда, говорит о многом!

– О его слабости, – подсказал Людовик, внутренне ликуя.

– Пускай так, – неохотно признала Барбара. Подняв взгляд, с вызовом посмотрела на него. – Но это не значит, что мы не можем быть вместе... Отношения, они подразумевают наличие лидера... Почему бы таким лидером не стать мне?

– И правда, почему... – пробормотал Людовик, пряча улыбку. Важно – не выказать свое торжество, не позволить заподозрить подвох.

– Времена меняются, и женщине позволено многое...

– Например, завести гарем? – подхватил он, забавляясь.

В лице девушки что-то дрогнуло.

– Гарем? – голос прозвучал незнакомо. – О чем ты?

– Ну ты вряд ли готова отказаться от... Артура...

– Отказаться? Мы друзья! С какой стати мне отказываться от друга?

Она снова покраснела, и этот темный, почти черный румянец придал ее лицу что-то пугающее, почти демоническое.

«Друзья, ага...» – мысленно хохотнул Клондайкс. Он знал Артура слишком хорошо и был уверен, что уроки не ограничивались занудными лекциями.

– Пускай друг, – тем не менее уступил он. – Даже если и так...

– Если так, то что? – агрессивно спросила Барбара, выпрямляясь. – Договаривай!

– Такой друг разве может понравиться Майклу? – с невинным видом договорил Людовик.

– Майклу знать не обязательно обо всех моих друзьях!

– То есть ты держишь его за дурачка? – уточнил Людовик. – Полагаешь, он ничего не заметит?

Девушка прищурилась, всматриваясь в него:

– Я не понимаю, о чем ты... и не хочу понимать. Я вообще как-то засиделась у тебя...

Она сразу засуетилась и ушла... и Людовик не стал ее задерживать. Записанного на диктофон было вполне достаточно.

• 11 •

Второе Преображение

Отличная штука – айфон.

Эта не самая оригинальная мысль вертелась у него в голове, пока Людовик, внутренне торжествуя, прослушивал тайно сделанную запись.

«Такой друг разве может понравиться Майклу?» – услышал он собственный вопрос.

«Майклу знать не обязательно обо всех моих друзьях!» – ответил ему айфон голосом Барбары.

Людовик широко улыбнулся. Вот так-то, Артур... посмотрим теперь, что скажет Майкл.

* * *

Майклу не спалось, и уже не первую ночь. Он ложился в постель, выключал свет, укрывался с головой... даже затыкал уши берушами, чтобы заглушить малейшие звуки, чтобы не дать бессоннице ни единого шанса... но она находила способы помешать ему ускользнуть в мир грез. Мысли, они мучили его... сводили с ума. Мысли и воспоминания.

Порою он не знал, кого ненавидит больше: Людовика или Артура... впрочем, как звали второго, он не успел выяснить и не слишком о том сожалел. Ему не очень хотелось заводить знакомство со столь малопривлекательной личностью.

И всё-таки... пускай этот второй пришелец и проявил себя, мягко говоря, некрасиво, в определенном смысле извращенно, не он начал странную «игру» с пугающе высокими ставками. Инициатором был Людовик. До его появления Майкл считал себя счастливым... ну, пускай не счастливым, но удовлетворенным своей жизнью – простой, понятной, местами приятной... Конечно, Людовик уверял его, будто жизнь эта ненастоящая, а прошлое и вовсе иллюзорно, придумано его мозгом... однако поверить в столь безумную теорию было трудно... и зачем?

А теперь всё перепуталось в его мыслях, связалось в клубок, перемешалось. Он ни там, ни здесь... нигде, по сути. И порою ему казалось, он сходит с ума... и страх, что безумие совсем близко, был не последней причиной его бессонницы – бессонницы, грозившей стать хроническим состоянием.

Вот и сегодня он ворочался в кровати, понимая, что выспаться не удастся. Поэтому раздавшийся около трех утра звонок в дверь его не разбудил и даже не особенно испугал. Отчасти Майкл был рад благовидной причине выбраться из постели.

В прихожей, прежде чем открыть дверь, он щелкнул выключателем и покосился на свое отражение. Из зеркала на него глянул мрачноватый насупленный тип с изрядно взлохмаченной бурой шевелюрой и красно-черными глазами... чем-то похожий на голодного медведя, выбравшегося из берлоги после зимней спячки.

Собственный вид немного приободрил его, и он спросил нарочито грубым тоном, так, чтобы отпугнуть загадочного ночного гостя:

– Кто там... так не вовремя?

– Я не враг, – раздался негромкий и сдержанный ответ... человек по ту сторону двери как будто старался умиротворяющими интонациями голоса успокоить подозрения хозяина дома.

Впрочем, подозрения тотчас испарились, когда Майкл понял, кто этот таинственный визитер... и даже совсем не удивился.

– Не враг, но и не друг, – хмуро заметил он, приоткрывая дверь. В образовавшейся щели прорисовался высокий стройный силуэт, в котором угадывались очертания фигуры Людовика.

– Как знать? – усмехнулся мужчина. – Я готов им стать... Может, позвольте пройти?

Майкл, однако, не спешил выполнять его просьбу.

– Не уверен, что это разумная идея... Неужели нельзя было подождать до утра?

– Не хотел тратить ни одной минуты, – любезно и охотно пояснил Людовик.

– Ладно уж, проходите, – лениво обронил Майкл и наконец-то посторонился. – Всё равно вы разбудили меня...

– А я полагал, у вас бессонница! – весело сказал Клондаикс, протискиваясь мимо парня в прихожую.

Тот в ответ буркнул что-то неразборчивое.

* * *

– Еще немного, и это войдет в привычку, – буркнул Майкл минут пять спустя, когда они сидели на кухне, хозяин апартаментов – сонный и мрачный, гость – раздражающе бодрый.

– Нечто подобное сказал и я... одному своему пренеприятному знакомцу, – не сдержал смешка Людовик. – Правда, назвал это не привычкой, а традицией... но имел в виду то же самое.

– Это случайно не тот знакомец, который... хм... ну... – он наморщил лоб, подыскивая нужные слова... назвать вещи своими именами ему было нелегко.

Зато у Людовика такой проблемы не было:

– Да, тот тип, который соблазнил твою невесту и имел нахальство записать всё это на видео... и показать тебе.

Майкл покраснел – вернее, покраснел бы, будь это обычный мир. Здесь же его щеки покрыл черно-багровый румянец.

– Мою невесту... – пробормотал он, хмуря брови. – Хм... если бы я это помнил... но в целом я согласен – этот ваш знакомец весьма пренеприятный... и это еще мягко сказано. И, кстати, почему вы со мной на «ты»? Мы перешли на более свободный стиль общения?

Людовик плечами:

– Ты против?

– Сейчас мне плевать, – нехотя признал Майкл. – Но я лично предпочитаю держать некоторую дистанцию... тыкать вам не стану.

– Как угодно, – холодно отозвался Людовик. – Может, предложишь чайку? Кофе?

– Мне лень возиться с чайником. Может, к делу? Чего вы сюда пожаловали... опять! И в такое время? Честно, я мог бы еще заснуть...

– Мог бы? – усомнился Людовик с грустной понимающей улыбкой. – Нет. И поверь, если ты... вернее, КОГДА ты... научишься нормально засыпать... ты не обрадуешься.

– Это еще почему? – напрягся Майкл.

– Тебя будут мучить кошмары.

– С чего бы? Я никогда не страдал от кошмаров.

– Но когда я появился в твоей жизни... кое-что поменялось, верно?

Майкл отвел взгляд и сделал неопределенный жест рукой:

– Не особенно... мне и до вашего появления снилась эта девушка... которую вы упрямо называете моей невестой.

– Называю, поскольку это так и есть. Или было, по крайней мере.

– Пускай, – пожал плечами парень. – Она мне снилась.

– Но всё усилилось? – настаивал гость. – Я уверен, что да.

– После того, как я увидел кольцо... да. Сны стали ярче... отчетливее... даже не сны... а... – он растерянно умолк, и Людовик подсказал ему:

– Не сны, а воспоминания, так?

– Ну... типа того. Но это меня не пугало. Нисколько.

– А теперь будет пугать, – вздохнул Людовик. – Артур всё испортил.

– Артур? – непонимающе нахмурился Риверс.

– Тот человек... мой недруг, а теперь, полагаю, и твой... его зовут Артур.

– Как неприятно познакомиться... сказал бы я, будь он тут.

– И это было бы верное замечание, – усмехнулся Людовик.

– Не стройте иллюзий, – неприязненно сказал Майкл, тяжело поднимаясь на ноги. – С вами мне тоже не особо приятно водить знакомство.

– Ты куда собрался? – требовательно осведомился Людовик. – Мне еще есть что сказать.

– Не сомневаюсь, – бросив на визитера хмурый взгляд поверх плеча, фыркнул молодой человек. – Вам всегда есть что сказать. И не волнуйтесь, у меня пересохло в горле... и нам предстоит нудный разговор, как я вижу. Кофе не помешает.

– Тут не поспоришь... и всё же вернусь к прежней теме. Так вот, Артур – он не только мне враг, но и тебе. Он внес в твою жизнь сумятицу... он заставил тебя усомниться в себе как в мужчине!

– Вовсе нет! – возмутился Майкл, порывисто оборачиваясь. – Вот еще!

Людовик с усмешкой взглянул на него:

– Милый мальчик, ты многое пережил, и Артур знал, что и когда делать... увы. Он атаковал тебя в самый уязвимый момент... правильно выбрал точку удара... оружие... и теперь... теперь ты не можешь так сразу забыть всё, что я тебе рассказал, что ты уже вспомнил... но теперь ты не хочешь возвращаться, осознаешь это или нет. И твой разум, твое сознание и подсознание... они конфликтуют.

– Вот как? – пробормотал Майкл, возясь у плиты, причем делая это нарочито медленно... ему не хотелось, чтобы Людовик видел сейчас его лицо. – И кто победит... в этом конфликте?

– Кто знает? – печально протянул гость. – Но у моей партии мало шансов.

– Вашей партии! – желчно ухмыльнулся парень, стараясь говорить с пренебрежением. – Как звучит-то...

Он вернулся к гостю с двумя чашками кофе и с силой водрузил их на стол, слегка расплескав содержимое.

– Ладненько, и что вы предлагаете? – осведомился Майкл, устроившись напротив Людовика. – Или вы пришли сообщить, что дело проиграно, мол, извини... Если так, не стоило себя утруждать.

– Нет, я слишком ценю свое время, чтобы тратить его на злорадство или тем более мнимое сочувствие, – любезно сообщил Людовик, без спросу насыпая в свою чашку щедрую порцию сахара из сомнительной чистоты сахарницы на столе. Причем сахар был не белым, а бледно-розовым. – У меня есть план... да.

– Какой же? – прищурился Майкл, не ожидая ничего хорошего... по крайней мере, для себя.

– Увидишь, – уклончиво отозвался незванный гость, сделал небольшой глоток кофе. Напиток оказался обжигающе-горячим, и мужчина поневоле поморщился. – Понимаешь ли... мне нужна спонтанная реакция.

Майкл поежился. С каждой минутой ночь становилась всё более неловкой и... опасной.

– Это как-то не обнадеживает, – вслух заявил он, тоже приступая к своему кофе. – Что еще за спонтанная реакция?

– Если я скажу, она едва ли будет спонтанной, верно? – по его губам скользнула тонкая улыбка. – Но не переживай, я ведь не Артур.

– Почему-то меня это мало утешает, – проворчал Майкл.

Пару минут они молча пили кофе. Людовик, щурясь, присматривался к парню, гадая, как лучше подступить к проблеме... важно не ошибиться, действовать наверняка.

– Ты ведь еще не забыл ее? – наконец приступил он к «атаке», отставляя опустевшую чашку. – Пока... не забыл?

Майкл поджал губы. Ему не нужно было спрашивать, о ком идет речь.

– Я ее не вспомнил по-настоящему, чтобы забыть.

– Но кое-что ты вспомнил? – настойчиво повторил Людовик. – Что же?

Парень пожал плечами, задумчиво глядя в свою чашку.

– Так... отдельные моменты...

– Приятные?

Майкл с подозрением покосился на него:

– Не знаю, о насколько приятных моментах вы говорите... но да, мои воспоминания неплохие.

– Какой она была, Барбара? – продолжал Людовик тоном светской беседы.

Почему-то Майкла обозлил его вопрос. В конце концов, ему-то откуда знать?! Пускай они и были знакомы с этой красоткой в некоем абстрактном прошлом, воспоминания изрядно поблекли, их смыло волной времени!

– Мне кажется, вы знаете это не хуже, чем я... – ядовито заметил он. – Вы же общались с ней?

Людовик равнодушно пожал плечами:

– Совсем немного. Она мне показалась умной девушкой... хотя и несколько самоуверенной.

Майкл нахмурился, силясь вспомнить. Бледный образ, нарисованный то ли воображением, то ли отголосками памяти, был слишком размытым, чересчур зыбким, чтобы судить.

– Я бы сказал, она была уверена в себе, – произнес он вслух. – В пределах разумного.

– Но она считала себя лучше тебя, ты знал об этом?

Майклу стало труднее дышать. Он криво улыбнулся и постарался издать правдоподобный смешок.

– Не думаю... не помню всего, но не думаю, что она так считала.

– Тогда слушай... – вкрадчиво предложил Людовик и положил на стол свой айфон.

Парень покосился на девайс не без опаски. После встречи с Артуром он как-то разлюбил мобильные телефоны...

Людовик что-то нажал, и кухню заполнили голоса – один женский и смутно знакомый, другой – несомненно, принадлежавший самому Клондайксу.

– Почему бросить? Я ему помогу.

– И будешь верховодить, надо полагать. О равенстве ведь речь не идет...

– Равенства вообще не существует. И, если уж на то пошло... Майкл, он...

– Что он? Любил, когда ты верховодишь?

– Ну, в определенном смысле... и, согласишься, тот факт, что он вообще попал сюда, говорит о многом!

– О его слабости.

– Пускай так. Но это не значит, что мы не можем быть вместе... Отношения, они подразумевают наличие лидера... Почему бы таким лидером не стать мне?

– И правда, почему...

– Времена меняются, и женщине позволено многое...

– Например, завести гарем?

– Гарем? О чем ты?

– Ну, ты вряд ли готова отказаться от... Артура...

– Отказаться? Мы друзья! С какой стати мне отказываться от друга?

– Пускай друг. Даже если и так...

– Если так, то что? Договаривай!

– Такой друг разве может понравиться Майклу?

– Майклу знать не обязательно обо всех моих друзьях!

– То есть ты держишь его за дурачка? Полагаешь, он ничего не заметит?..

Запись закончилась, но Майкл не шевельнулся, продолжая молча и неприязненно взирать на айфон. В голове у него звучал голос Барбары (это ведь была она?)... голос знакомый и чуть презрительный... и презирала она, как полагал Риверс, вовсе не Людовика, а его... своего незадачливого (и неудачливого!) жениха.

Эта запись вновь оживила его память, пробудила отдельные воспоминания... но если кольцо воскресило яркие и светлые мгновения прошлого, то на сей раз вернулись куда менее радужные моменты... которые он предпочел бы забыть.

– Она бросила меня, – сказал Майкл вслух, угрюмо и удивленно. – Теперь... я вспомнил... кое-что.

– Я всего не знаю, – с тревогой признался Людовик, всматриваясь в напряженное лицо собеседника. Может, он погорячился и сделал только хуже?

Майкл наконец-то выпрямился и посмотрел прямо на Клондайкса. Лоб его покрывали капельки пота, хотя на кухне было довольно прохладно, губы плотно сомкнулись...

– А знать и не надо... но теперь... теперь...

– Что теперь? – подавшись к нему, жадно спросил Людовик.

Он хотел и пытался вызвать в нем благородную злость, пробудить гордость... задеть за живое. Если правильно направить подобную волну ярости, можно добиться потрясающего эффекта... Кажется, именно так Артур научил Барбару управлять своим перемещением между мирами.

– Теперь мне всё ясно, – с трудом выдавил из себя Майкл, тяжело сглотнув и облизав пересохшие губы. Ему сделалось душно и жарко, возникло дикое желание распахнуть окно и высунуться наружу, вдохнуть промозглый ночной воздух... Увы, обстановка его кухни не давала такой возможности, пришлось бы двигать всю мебель.

– И ты готов сдаться? – с нажимом спросил Людовик, несколько обеспокоенный лихорадочным взглядом Майкла... как-то иначе рисовал мужчина эту сцену.

Майкл улыбнулся одними губами, глаза расширились:

– Я? Я не слабак... что бы ни говорила она.

– Разве? – с показной издевкой уточнил Людовик и демонстративно оглянулся по сторонам. – А что же ты тут забыл? Ты позволил себе быть слабым, не обманывайся.

Уголок губ парня нервно дернулся.

– Не подначивайте меня... я не настолько глуп.

– Я не подначиваю. Я пытаюсь помочь тебе.

– Да ну? – насмешливо протянул Майкл. – Сколько вокруг помощников, прямо удивительно! Сплошные альтруисты... спасибо, господин хороший, с остальным я разберусь сам.

– Но... – начал было Людовик, однако парень не позволил ему договорить.

– Никаких «но». Просто уходите, – тихо и отчетливо попросил (даже приказал) он, и в его голосе слышалась затаенная угроза. – Прямо сейчас... ясно?

Людовик вздохнул и послушно, хотя и неторопливо, поднялся. Свое дело он сделал, остальное зависело от Майкла... от его характера. Сломается Риверс в очередной раз или наконец-то выплывет... кто знает?

* * *

Он сидел всё на том же месте, а перед ним на столе, среди грязных чашек и тарелок, лежало Кольцо. Да, именно так, с заглавной буквы.

Парень не помнил, когда вынул его, и не знал, зачем это сделал. Если бы не этот перстенок, могло показаться, что он так и не пошевелился с тех пор, как Людовик ушел... а было это пару часов назад, если судить по светлеющему небу за окном.

Но кольцо... вот оно, лежит перед ним... значит, он всё-таки поднимался... Зачем? Зачем ему это кольцо? Что оно доказывает?

«Оно доказывает, что я был идиотом и сделал предложение девице, которая меня ни в грош не ставит», – конкретизировал Майкл мысленно.

Что-то изменилось в нем после прослушанной записи. Всё стало казаться таким простым... простым, понятным и неприятным.

Этот Мир, другой Мир... они похожи. И перемещаться между ними легко... И даже сейчас, сидя на темной кухне, Майкл знал, что может без малейшего труда вернуться в свою реальность – ту, откуда он родом.

Только вот... нужно ли?

• 12 •

Партнерство

Не сговариваясь, они встретились в своем любимом парке и на «своей» скамейке – как, бывало, они злились, находя ее занятой! По их убеждению, это местечко принадлежало им и только им, и любой, посягнувший на их законную территорию, автоматически приравнивался к врагам и захватчикам.

И вот сейчас Барбара, погруженная в собственные мысли, бродила по знакомым парковым аллеям – не из сентиментальности, а просто чтобы дать занятие ногам и мыслям... и позволить внутреннему рассудку размышлять над тем, что и правда важно.

Она сама не заметила, как оказалась у заветной скамейки... хотела сесть, но обнаружила, что ее опередили. Минутное раздражение сменилось удивлением, когда девушка узнала в «наглеце» Майкла.

Здесь, в разноцветном мире. Настоящем! Не в Мире Теней...

– Ты! – выдохнула Барбара с отчаянием и злостью, остановившись напротив парня и глядя на него сверху вниз. – Ты... и тут?!

Майкл вскинул голову и спокойно встретил ее взгляд. Молодой человек не выглядел удивленным... в отличие от бывшей невесты.

– Да, тут, – холодно признал он. – Вижу, ты шокирована.

Она растерянно пожала плечами и, помедлив, села рядом с ним.

– Да, да... я в недоумении, – протянула девушка после паузы, покосившись на того, кто когда-то был ее женихом. – Мне казалось... – она не договорила, оборвав фразу на полуслове, и стиснула руки на коленях.

Майкл прекрасно понял, что осталось недосказанным.

– Казалось, я застрял в том чертовом мире? – с желчью закончил он. – Казалось, я никогда не справлюсь? Не выберусь?

Барбара нервно сглотнула и подавила вдох. Ей сделалось не по себе, и она зябко поежилась, но вовсе не от холода.

– Меня... убедили в этом, – тихо призналась девушка, изучая собственные переплетенные пальцы. Смотреть на Майкла ей больше не хотелось.

– О да! – он издал презрительный смешок. – Я даже догадываюсь, кто именно убеждал... и как!

Рыжеволосая красотка повернула голову и сердито сузила глаза; растерянность ушла, теперь Барбара испытывала злость.

– Что ты хочешь сказать? В смысле – как?!

Он тоже посмотрел на нее, и улыбка его стала очень понимающей... и неприятной.

– Этот блондинчик... он что, лучше меня?

– В чем-то – несомненно, – ледяным тоном произнесла Барбара, по-прежнему щурясь. – Но какой смысл это обсуждать? Ты тут, и я тут... это главное. Мы свободны... так? – однако в голосе ее прозвучало сомнение.

Майкл ответил не сразу. Какое-то время он задумчиво созерцал парковый пейзаж, как будто любовался им... но видел ли на самом деле? Пожалуй, мыслями он был далеко отсюда.

– Мы оба тут, да, – сказал он, не глядя на собеседницу. – Но разве это что-то меняет? Между нами?

Барбара судорожно вздохнула. Девушка понимала, к чему клонит Майкл, но не хотела признавать это вслух.

– А разве нет? – спросила она с болью. – Я так... так боролась за тебя...

– Еще бы! – не без издевки подтвердил он. – Пожалуй, ты даже перестаралась.

– Перестань! – рассердилась она и сделала глубокий вдох, успокаиваясь. В конце концов, стоило ли злиться на него? Разве он виноват? И она... она тоже не виновата!

Эта неожиданная мысль взбудоражила ее. Девушка выпрямилась и порывисто обернулась к Майклу:

– Слушай... мы не виноваты.

– Не виноваты? – непонимающе повторил он, его брови сошлись над переносицей. – А кто виноват?

– Они! – повысила голос Барбара, глаза ее вспыхнули огнем. Сердце Майкла поневоле сжалось при виде этого пламени – именно так загорался ее взгляд в особенно сокровенные минуты... минуты далекого прошлого. А девушка, не замечая, как исказилось лицо молодого человека, продолжала: – Виноваты они, Людовик и Артур.

– И в чем же? – не без усилия запретив себе вспоминать, сухо спросил Майкл. – В чем виноваты?

– Ну как же! – оживленно продолжала Барбара, щеки ее лихорадочно заалели. – Если бы они не вмешались в наши жизни, мы были бы счастливы... ну или удовлетворены. Ты бы приспособился к жизни там... в Мире Теней! Забыл бы меня.

– А ты? – осторожно спросил он, несколько растерявшись от ее напора.

– Я... я бы смирилась. Научилась жить без тебя. И мы оба, мы оба жили бы как нормальные люди!

Майкл склонил голову набок, размышляя над ее словами. Потом задумчиво протянул:

– Что ж... возможно, ты и права...

– Я знаю, что права! – всё с тем же жаром воскликнула она. – Они играли в свои игры и чего добились? Мы с тобой теперь мечемся между двумя мирами, как в плохой фантастической пьесе!

– Да, – эхом откликнулся он, мрачней. – Мы ни там, ни тут...

Ее ладонь легла на его колено. Парень вздрогнул и поднял глаза... и девушка с болью отметила, до чего он сейчас похож на прежнего себя. Но она не позволила себе ностальгировать по прошлому... Потом, в неопределенном будущем, – сколько угодно... однако здесь и сейчас приходилось оставаться сильной.

– Слушай, разве стоит спускать им это? – с ожесточением осведомилась Барбара, отбрасывая все прочие мысли.

Майкл опустил взгляд на ее пальцы с аккуратными ноготками, впившимися в его колено. Вспомнилось, как эти пальчики ласкали его ночи напролет... причем ласки порою были столь темпераментными, что причиняли такую же боль, как сейчас.

– Что ты предлагаешь? – натужно спросил парень, снова встречая ее взгляд. – Мечь?

Он постарался, чтобы его голос прозвучал насмешливо, но попытка оказалась неудачной. Да и Барбара явно не была настроена острить.

– Почему бы и нет? – с вызовом спросила она. – Они испортили нам жизнь, мы оба согласились с этим!

Майкл действительно согласился, хотя и не был столь категоричен.

– Зато мы стали сильнее, – попытался спорить он, не столько надеясь переубедить экс-невесту, сколько желая выслушать ее аргументы.

Барбара хохотнула и скривила губы:

– Ты повторяешь слова этих двоих... еще про власть над миром скажи...

Майкл покраснел:

– Власть над миром – звучит глупо, признаю. И мне-то она точно не нужна...

– Вот-вот! – подхватила Барбара. – Да, я хотела найти способ вернуть тебя, проникнуть в Мир Теней, но без Артура и Людовика желание постепенно сошло бы на нет. Разве я первая, кто страдал из-за потери близких? Нет. Так что я справилась бы... не вмешайся они. Что нам теперь делать с этим нашим раздвоением личности? Мы должны жить на два мира, нас принудили к этому!

– И как ты планируешь отомстить им? – с сомнением поинтересовался парень, поневоле очарованный: охваченная страстью Барбара выглядела невероятно обворожительно.

Красотка пожала плечами и откинулась на спинку скамейки:

– Ну... не знаю... надо подумать. Обсудить...

– Что ж, идея неплоха, – улыбнулся Майкл и, поднявшись на ноги, весело взглянул на подругу, протянул ей руку. – Тогда пошли!

– Куда? – с подозрением осведомилась та, поднимаясь.

– В Мир Теней! Там есть одно уютное кафе... предлагаю по мечтать о реванше за кофе.

В глазах Барбары забегали лукавые искорки:

– А ты готов увидеть меня в красно-черном облике? Зрелище может испугать...

– Я не из пугливых, крошка, – рассмеялся Майкл. – И спорю, ты всё равно останешься сногшибательной.

– Тут ты абсолютно прав, – не стала изображать ложную скромность Барбара. – Идем!

К счастью, парк был пуст в эти утренние часы, и никто не увидел, как молодая женщина и высокий стройный парень пересекли площадку, по периметру прочерченную яркими клумбами, и просто растворились в воздухе.

* * *

Утро в Мире Теней было отчасти похоже на утро обычного мира... да, здесь недоставало красок и оттенков, но овеванный розовой дымкой пейзаж чем-то напоминал улицы полноцветной реальности в рассветные часы. Другое дело день с его интенсивно-красным, почти алым сиянием или зыбкие коралловые сумерки!

Но сейчас было именно утро, и Людовик завтракал на террасе открытого кафе. Будучи холостым уже несколько месяцев, он предпочитал есть пускай и один, но среди людей, это как-то сглаживало чувство одиночества. Оставаясь дома, Клондайкс невольно вспоминал, что раньше ему подавали завтрак в постель на подносе... причем каждая пассия старалась чем-то удивить, будь то особенное блюдо или роскошное неглиже «официантки».

Поэтому он старался по возможности выбраться «на люди». Обслуга ближайших кофеен давно выучила предпочтения своего постоянного клиента и спешила предупредить его пожелания – в конце концов, он оставался безукоризненно вежлив и был весьма щедр на чаевые!

Увы, излюбленные часы утренней трапезы последнее время нередко нарушал один неприятный Людовику человек... и именно он пересекал в эту минуту пространство кафе, где Клондайкс мирно поглощал розоватый омлет с кроваво-красной ветчиной.

– Это и правда стало традицией, – заметил Людовик вместо приветствия, откладывая книгу, которую читал, и без малейшего удовольствия воззрился на приблизившегося Артура.

Тот пожал плечами и без приглашения расположился за тем же столом.

– Книга – это лучше, чем газета, – сказал он, холодно улыбаясь. – Но почему бумажная? Электронная намного лучше... и тебе не жаль деревьев?

Людовик поморщился. За последние пару недель он видел Артура чаще, чем за минувшие несколько лет... и эти регулярные встречи отнюдь не сделали их друзьями.

– Я не знал, что ты поклонник партии зеленых, – ледяным тоном произнес Клондайкс, выпрямляясь и отодвигая тарелку с остатками омлета. Появление Артура не способствовало хорошему аппетиту. – Ты пришел меня агитировать в свои ряды? Защита деревьев и прочее в том же духе?

Он говорил отрывисто и зло, однако его раздражение никак не подействовало на собеседника. Артур казался безмятежным и умиротворенным, полностью довольным собой.

– Я мог бы поагитировать за зеленых, почему нет? Ты вечно рисуешь меня злодеем, а я вполне нормальный человек. Просто мы с тобой по-разному смотрим на некоторые вещи.

– Вот уж точно! – фыркнул Людовик уже менее агрессивно, внутренне смирившись с прерванным завтраком... в конце концов, ко всему привыкаешь!

– Но знаешь, на сей раз наши интересы могут пересечься, – продолжал Артур легким тоном, так, словно его не прерывали.

Людовик насторожился.

– Это ты к чему?

– Ну ты ведь тоже приглядываешь за нашими голубками? Не спорь, уверен, что да!

Клондайкс слегка покраснел и отвел взгляд.

– Спорить не собирался... да, я присматривал за ними... это ведь вполне естественно, разве нет?

Артур издал смешок и покачал головой, явно позабавленный. Белокожий и беловолосый, он в жидком утреннем свете напоминал обтянутый кожей скелет – такому впечатлению в немалой степени способствовала природная худоба.

– По-моему, мы с тобой оба вышли за рамки естественного! Впрочем, я хотел бы похвалить тебя... сделать комплимент, пускай мне это поперек горла...

– Вот как? – сухо отозвался мужчина. – Заинтригован.

– Ты сумел преодолеть собственные зажимы и вытащил-таки Майкла из его скорлупы... не ожидал!

Людовик, отнюдь не чувствуя себя польщенным, раздраженно насупил брови. Он вовсе не был горд тем, как обошелся с Майклом, и едкая похвала Артура только подчеркнула, как низко он пал... если судить по его личной нравственной шкале.

– Ты говорил, наши интересы пересекутся, – сердито напомнил Клондайкс, жестом попросив официантку принести счет. – Пока я не вижу, где и как.

– Мы их разозлили, Людовик. Мы разозлили эту парочку.

Людовик не ощутил ни малейшего беспокойства.

– Ну и что? Мне, конечно, жаль... я не так уж часто даю повод злиться... но тебе-то не привыкать, верно? – последняя фраза прозвучала с неприкрытым сарказмом.

Артур фыркнул, но ответить сразу ему помешала эффектная официантка с темно-красной кожей, гладкими черными волосами ниже лопаток и бойкими глазами, радужка которых была едва розоватой, почти белой. Оба собеседника воззрились на девушку с любопытством, она и правда заслуживала внимания.

– Яркий экземплярчик, – пробормотал Артур, глядя ей вслед. Судя по энергичной работе бедер, девчонка прекрасно сознавала, какое впечатление производит на мужчин. – Таких милашек в моем мире не встретишь... только тут. Интересно, какая она в полноцветном, так сказать, варианте? Вероятно, не столь экзотична.

– Не столь, – подтвердил Людовик, несколько задетый словами соперника. Он давно уже не считал мир Теней «своим» и не собирался признавать права Артура на полноцветную реальность

только потому, что ему посчастливилось там родиться. – Но ты так и не объяснил, почему так уж страшно, что Барбара и Майкл нами... хм... недовольны.

– А сам не понимаешь? Любое недовольство чревато последствиями... и, вопреки твоему твердолобому убеждению, я редко сталкиваюсь с прямым недовольством.

– Да, твои жертвы зависят от тебя, раболепствуют и боготворят... ты – их проводник в Мир Теней!

И снова удар не достиг цели:

– Так и есть. Они питают меня силами, я помогаю им реализовать их желание. Ничего дурного тут нет... однако с Барбарой вышло неаккуратно... она оказалась сильным игроком. Слишком сильным.

– Майкл тоже неплох, – оскорбленно возразил Людовик.

Артур милостиво согласился:

– Да, они составили недурственную парочку... но всё же у Барбары стерженек потверже. И она умеет руководить, направлять... при таком лидере и Майкл станет смертельно опасен.

– Смертельно опасен? – Людовик нервно рассмеялся. – Как-то ты драматизируешь... не похоже на тебя!

– Вот именно, потому что я вовсе не склонен к драматизации... сейчас я тоже серьезен. Просто, вероятно, ты не в курсе последних событий.

– Каких это? – хмыкнул Людовик.

– Они планируют нам с тобой отомстить.

Клондайкс обдумал эти слова и всё равно остался равнодушен.

– Ну и что они могут сделать? – скептически осведомился он. – Убить нас?

– Как вариант, – кивнул Артур. – Но, по сути, наши миры предлагают куда больше изошренных возможностей досадить, чем какое-то там убийство. И я не думаю, что Барбара пойдет

на столь фатальный шаг... она слишком умна и изобретательна. Она придумает что-нибудь похлеще.

Людовик забарабанил пальцами по столешнице, размышляя над всем сказанным... Что ж, возможно, Артур был в чем-то прав. Оставалось понять, что делать со всей этой информацией.

– Спасибо, что предупредил меня, – наконец, скрепя сердце, сказал он вслух, поднимая взгляд на Артура.

Тот ответил ему ледяной улыбкой:

– Это не просто предупреждение. Это предложение союзничества.

– Что-о? – изумился Людовик. – Мы с тобой... союзники?!

– Будет полезно объединить наши усилия, чтобы защититься.

– А лучшая защита – нападение, – насмешливо подначил Клондайкс. – Угадал?

– Это ты сказал, не я. Перестань делать из меня злодея.

– В любом случае я пока не готов... к такого рода партнерству.

Артур не стал настаивать. Неспешно поднявшись, он тщательно расправил складки на своем бледно-сером костюме и с затаенной иронией сказал, сверху вниз глядя на несостоявшегося союзника:

– Обдумай мои слова хорошенько... и не медли. Приходи, когда поймешь, что я прав.

– Не думаю, что это произойдет.

– Увы, произойдет, и скоро, – заверил его мужчина.

Он больше ничего не добавил и просто ушел, а Людовик еще долго сидел за столиком.

Эпилог

Неделю спустя вечерний отдых Артура в его уютной берлоге прервал звонок в дверь. Мужчина выключил телевизор и лениво направился в прихожую, точно зная, кто окажется столь поздним гостем.

И он не ошибся.

– Добрый вечер, Людовик, – нарочито любезно поздоровался мужчина, даже не стараясь скрыть самодовольную улыбку. Он заслужил минутку торжества...

Людовик по ту сторону двери выглядел бледным и утомленным; казалось, он не спал несколько ночей подряд. А может, так оно и было?

– Я не буду спрашивать, как ты узнал, где я живу, – всё еще улыбаясь, сказал Артур.

– Это было не слишком трудно, – пробормотал Людовик как будто через силу. Придя сюда, он явно переступил через собственную гордость и сейчас прилагал все усилия, чтобы не повернуть назад.

– Да. Это было легко... – согласился Артур. – И я не буду спрашивать, почему ты пришел. Я знаю ответ. Видимо, ты тоже получил... метку, назовем ее так.

– Тоже? – спросил Людовик с видимым облегчением. – Значит, и ты...

Артур кивнул и протянул руку. На тыльной стороне его правой ладони был обозначен смутный контур угольно-черного черепа.

– У меня не на ладони... вот... на запястье.

Артур кивнул:

– Да. Она скоро исчезнет... растает... а потом проявится в другом месте. Проступит сквозь кожу. Ах да, иногда она будет жечь, чесаться.

– Знаю, – буркнул Людовик, опуская глаза. – И знаю, что в Мире Теней эта метка становится красной.

– Алой, – поправил Артур с необъяснимым удовлетворением. – Цвета крови.

Они погрузились в молчание: Людовик мялся за порогом, избегая взгляда Артура, а тот наслаждался моментом.

– Итак, зачем ты пришел? – прервал паузу Артур, теряя терпение.

– Ты знаешь зачем, – хрипло сказал Людовик.

– Скажи это вслух. Я хочу это услышать!

Людовик вздохнул и нехотя сказал:

– Ты был прав... Барбара может быть опасна. Особенно если заручится помощью Майкла. Эти метки... это явно их работа.

– Да, я полагаю, это их предупреждение, – поддержал идею Артур.

– И я не знаю, как они это... наколдовали? Не могу подобрать другое слово!

– Я тоже не знаю... хотя пара идей есть.

Они снова замолчали, и на сей раз терпение потерял Людовик.

– Может,пустишь меня уже?! Сколько мне торчать за твоим порогом... партнеры так не поступают.

– Партнеры, значит? – прищурился хозяин квартиры. – Ты идешь на попятный?

– Да, черт возьми! – взорвался Людовик. – Тебе нужно, чтобы я сказал это вслух?! Хорошо, я говорю как есть: мы с тобой сваяли дурака и создали двух монстров... и справиться с ними поодиночке нам едва ли удастся.

Этого было достаточно. Артур удовлетворенно кивнул и посторонился, пропуская гостя:

– Что ж... проходи, партнер! Посоюзничаем.

* * *

В просторной спальне властвовал красноватый сумрак. В окно, зашторенное тонким прозрачным тюлем, с трудом проникал зыбкий свет уходящего дня, и последние лучи умирающего солнца едва справлялись со своей работой. А потому комната была полна багровых теней, придававших интерьеру пугающую таинственность.

Однако обитатели спальни нисколько не возражали против таинственности, да и полумрак их явно не тяготил. Сонные, расслабленные, обнаженные, они лежали в постели среди ало-черного шелка и уже какое-то время молчали. Впрочем, молчание было лишено напряженности или неловкости. Напротив, в нем было нечто умиротворяющее... Казалось, этим двоим не нужны слова, чтобы понять друг друга.

– Это было грандиозно... – наконец нарушил мирную тишину ленивый мужской голос. Его обладатель, поджарый парень с буйной бурой шевелюрой и темно-розовой кожей, слегка приподнял голову над подушкой и улыбнулся краснокудрой красоте, растянувшейся рядом с ним в вальяжной, бесстыдно откровенной позе. – И я говорю не только о нашей... хм... ночи.

– Да, я так и поняла, – улыбнулась девушка в ответ. – Жаль, мы не видели их лиц. Хотя можно догадаться... два гения в замешательстве.

Майкл (а кто же еще?) какое-то время молчал, прежде чем задать следующий вопрос, причем создавалось впечатление, будто парень намеренно пытается сохранять эдакую деланную небрежность:

– На этом закончим?

– Закончим? – презрительно отозвалась Барбара и искося глянула на любовника.

– Ну... мы их напугали, позабавились... что еще?

Барбара издала смешок и села в постели. Ее роскошное тело с кожей столь белой, что слепило глаза, буквально мерцало в полутьме и тем самым завораживало. Майкл несколько раз мигнул, сиюсь избавиться от наваждения... тщетно.

– Что еще, мой друг? – шепнула она, бросив на него взгляд свысока (в прямом и переносном смысле). – О, это было лишь начало... впереди нас всех ждет очень много интересного. И потом... нам тоже нужны жертвы, разве нет? Кандидаты на роль эдаких доноров сил! Иначе мы рано или поздно станем пленниками двух миров. Лучше возьмем пример с Артура и Людовика.

– Ну Артур, положим, да, коллекционирует людей, ты рассказывала. Но Людовик, насколько я знаю, нет!

Барбара сморщила хорошенький носик:

– Ты так думаешь? А откуда тогда его долголетие? Я навела справки, он ровесник Артура! Они вообще давнишние приятели... пускай и не терпят друг друга.

– Ты считаешь, что Людовик солгал и мне, и тебе? – прищурился Майкл. – И у него тоже есть свои... ммм... доноры? Люди, которые как бы источники сил?

– Не совсем. Я полагаю, он сам не осознает, что так называемая Группа Видящих, которую он курирует, подпитывает его. Просто Артур честен с самим собой, а Людовику нужно высокоморальное прикрытие, только и всего. И я не уверена, что одобряю такое лицемерие.

– Ну... я тоже не уверен... а еще знаешь, в чем я не уверен?

– И в чем же?

– А в том, что мы сможем превратить Людовика и Артура в своих доноров! Может, выберем объекты попроще?

– Ха! – в ее голосе прозвучало неприкрытое презрение. – Мы их уничтожим, мой милый друг... О, мы заставим их себя бояться! А страх... это и есть та энергия, которая нам нужна.

И Майкл, с внутренним содроганием глядя в ее ирреальные глаза, с трепетом подумал, что Артур с Людовиком действительно виноваты... и виноваты не в том, что принудили их жить на два мира сразу... а в том, что превратили его страстную и темпераментную (но совершенно нормальную!) невесту в это одержимое местью (или властью?) существо.

– Ты со мной или нет? – как будто угадав его сомнения, требовательно спросила девушка, и ее красные глаза сверкнули дьявольским пламенем.

– Я всегда с тобой, – ответил Майкл без колебаний. – Ведь я люблю тебя...

«Люблю даже такую», – прибавил он мысленно. И почти не покривил душой.

...Продолжение следует...

• *Р а с с к а з ы* •

ЗОЛОТОЙ МИР, или ЗОВ ВЕТРА

Это был маленький уютный мирок медово-желтого цвета. Всё и вся пронизывало густое солнечное дыхание: небо, землю под ногами, траву и даже людей. Червонное золото проникло в каждый переулок, осело на каждом лепестке и травинке...

Пожилой дворник в оранжевом кафтане и с бурой неухоженной бородой лениво мёл охрово-желтую улицу и ворчливо жаловался самому себе на мир, на судьбу-неудачницу, на несправедливую жизнь... жаловался, скорее, по привычке и, в общем-то, беззлобно. Заслышав чьи-то торопливые веселые шаги, довольно неожиданные в столь ранний час, удивленно вскинул голову и недоверчиво воззрился на молоденькую девушку – лет, пожалуй, 15–16. Худенькая, рыжая, с копной пышных искристых кудрей, она была хороша какой-то солнечной прелестью.

– Доброе утро! – приветливо поздоровалась очаровательная незнакомка – так радостно, словно сейчас был минимум полдень. Только в юности умеют столь безоглядно любить жизнь...

– Доброе, – с большим сомнением подтвердил дворник, с подозрением оглядывая незваную собеседницу. – Ты откуда такая взялась?

Тепло-оранжевые глаза залучились смехом.

– Какая – такая? – лукаво уточнила она.

Дворник тоже заулыбался – трудно было противиться энергии этой беспроблемной юности.

– Ну... – он в раздумье пожевал тонкими сморщенными губами и оперся о метлу. – Ранняя пташка! Тебе еще спать надо...

И вновь она разразилась смехом – казалось, ее радует всё вокруг.

– А жить когда? Нет-нет, я не люблю спать, я люблю жить! А утренние улицы так прекрасны!

Дворник хмыкнул, окинув сонную улочку хмурым взглядом. Лично он ничего прекрасного тут не находил. Всё желто-оранжевое, выцветшее...

– Нет, всё медовое! – не согласилась девушка, которой он озвучил свою мысль. – Золотое!

– Золото – оно повесомей будет, – мрачно заметил дворник, качая лохматой головой. – И звенит звонче! – и он усмехнулся, чрезвычайно довольный собственной фразой, которая показалась ему очень остроумной.

– А мир тоже звенит! Просто прислушайтесь...

Станный выходил разговор. Дворник даже чуть ущипнул себя за кисть: не спит ли? И вроде ж не пил с вечера...

– Ты каждое утро гуляешь по улицам? – осторожно спросил он.

– Не каждое, – пожалла девушка плечами. – Но часто... проснусь – и так и хочется весь мир обнять!

– Чегой-то я тебя не видал раньше, – не поверил дворник.

– Да, правда, тут я не бывала, – легко признала юная незнакомка. – Но разве мир ограничивается этим переулком?

Но для дворника мир ограничивался только этим переулком – ну и еще несколькими прилегающими кварталами. Это был скучный унылый блекло-желтый мирок, в котором всё лучшее доставалось другим. Видимо, реальность его хорошенькой собеседницы была иной: волнующей, ярко-золотой, всегда новой. Чудно!

– А чем вы занимаетесь? – всё так же весело спросила девочка. – Подметааете?

– Ну да, – насупил кустистые брови он.

– У вас такая полезная работа! – воскликнула «ранняя пташка» почти завистливо. – Благодаря вам улицы снова начинают сиять чистотой...

Дворник только закричал, не найдясь с ответом. Определенно это была невероятно странная девочка! Ему вдруг захотелось сбить ее с неоправданно хорошего настроения.

– Знаешь, малютка, теперь мир уже не тот, что в былые века, – глубокомысленно изрек он. – Говорят, раньше всё было зеленым и ярким.

Но девочка ничуть не расстроилась:

– А разве золотой мир хуже? Он просто другой!

– Ну, не знаю... – недовольно протянул дворник. – Даже когда я был молод, небо не было таким... скучным!

– А я влюблена в это кукурузное небо и лимонные облака... охровые здания и тротуары цвета старого золота...

– Ты просто никогда не видела зеленый мир, – упрямо сказал дворник, хотя и сам не знал, зачем спорит с этим наивным ребенком. – Ты только слышала о нем.

– И вы тоже! – усмехнулась наглая девчонка. – Это ведь было давно... много-много десятилетий или даже столетий назад. Правда?

Дворник сердито засопел. Ну что тут скажешь?! Права, чертовка...

– Всё равно я тебя старше, а значит, умнее, – с демонстративной суровостью заметил старик, насупив кустистые брови. – И нечего спорить с тем, кто долго жил на свете и много всего видел.

– Но я не спорю! Я просто говорю... – принялась бурно возражать она, упрямо тряхнув своей золотой головкой. Солнце заискрилось в ее густых волосах цвета спелой пшеницы, и дворник, давно уже утративший веру в добро и никогда не обладавший особенным чувством прекрасного, вдруг искренне залюбовался прелестной собеседницей.

– Ну ладно, ладно, – уже куда добродушнее проворчал он, и его губы треснули в изломанной улыбке. – Ты молода, а в молодости мир всегда кажется более красивым, чем он есть...

– А может, наоборот? – она смеялась и весело щурилась, защищаясь от настойчивых лучей пробуждающегося утра. – Может, в старости мир кажется хуже, чем он есть? Тускнеет?

Дворник задохнулся от возмущения, сраженный дерзостью златокудрой девчонки. В старости, значит?! Ну-ну!

– Не так уж я и стар, – сухо возразил он и снова взялся за метлу. – А вообще, хватит болтать. У меня дел по горло... Скоро люди попросыпаются...

– Не обижайтесь! – защебетала девушка и схватила его за запястье. Ладонка ее была теплой и нежной. – Просто посмотрите на мир, как я смотрю на него!

Они говорили еще довольно долго. Вернее, говорила, в основном, девочка, а дворник неохотно слушал, изредка вставляя скудные комментарии. И постепенно он начал заряжаться ее страстностью, ее энергией и жаждой жизни... почти увидел реальность ЕЕ глазами.

Мир золотоволосой девочки был теплым, дружелюбным... пронизанным солнцем... такой же была когда-то и его реальность – много, много лет и десятилетий назад... в далекой юности.

Помнится, в те безвозвратно утраченные годы озорной ветер азартно гнал оранжевую пыль по темно-золотому асфальту, а в янтарном небе лениво плыли охровые облака... но ветер успел перемениться, облака выцвели, пыль побурела. Или, может, девчонка права, и дело не в поблекшем мире, а в близорукой старости?

Говорили, столетия назад их мир переливался всеми оттенками зеленого: в фисташковом небе клубились оливковые облака, а солнце напоминало огромный изумруд. Однако мир состарился, пожелтел... стал хуже? Впервые дворник усомнился в этом. Странно, что именно молоденькая девчурка заставила его признать, что и старость бывает благородной и по-своему красивой.

Дворник прищурился, пытаясь по-новому взглянуть на привычную опостылевшую улицу, на сверкающие лужами рыжие тротуары... и ему показалось, он почти ощущает тот юный ветер, который в бесшабашные подростковые годы частенько звал его за собой. Ветер, зову которого он, глупец, не внял.

Старик закрыл глаза, прислушиваясь к Ветру... надеясь отгадать, что тот старается ему сказать. А когда не без труда выпрямился и снова открыл глаза, его юной собеседницы как ни бывало.

Дворник удивленно завертел головой, но так никого и не заметил. Раздраженно пожав плечами, он принялся сердито мести бурую улицу, смахивая грязно-рыжую пыль и недовольно ворча себе под нос.

* * *

Он любил это неповторимое чувство свободы и безраздельной власти над миром.

Нет ничего прекраснее, ничего слаще ощущения легкости, осознания, что ты всемогущ... ни о ком не зависишь. Никому

ничего не должен. И тебе – никто не должен. Ты просто сам по себе. Свободен... и этим всё сказано.

Так думал Ветер, подхватывая с земли охапки осенней листвы, поднимая тучи пыли, весело резвясь... он искренне забавлялся, срывая шляпы с голов, особенно важных господ или нарушая идеальную гармонию безупречных причесок холеных дамочек. А порою вообще начинал откровенно шалить, задирая пышные юбки девчонок и наслаждаясь неизбежным испуганно-возмущенным истошным визгом.

Играя, Ветер поднял с земли очередной золотистый листок, но на сей раз не спешил тотчас отпустить странника на волю. Что-то привлекло его в нем – какая-то магия благородной и выдержанной временем красоты... что-то неуловимо хрупкое – и непостижимо прекрасное, осеннее, воспетое еще Пушкиным.

Завороженный и вдохновленный, Ветер всмотрелся в спрятанный на поверхности листка мирок. Ведь мало кто знает, что на каждом лепестке, на каждой веточке и травинке – везде идет своя сокровенная жизнь, везде таятся свои вселенные. И в этих крохотных вселенных обретаются «люди»: рождаются, умирают, радуются и страдают... и ведать не ведают, что мирок их ограничен поверхностью листка, существование которого так мимолетно и скоротечно!

Вот и с этим листком точно так же. Сонный золотой мир, который когда-то был сочно-зеленым и молодым, доживает свои последние дни... и они растянутся для его обитателей на долгие столетия.

Ветер всмотрелся еще пристальнее, пытаясь разглядеть хотя бы одного из этих обитателей, и наконец заметил странную парочку – старика и юную девочку, которые страстно беседовали и даже спорили. Старик сердился, девчонка смеялась. О чем могут говорить юность и старость? Старость близорука, юность самонадеянна...

«Может, позвать их? – вдруг подумал шальной Ветер. – Позвать за собой?»

Иногда, в особо благодущные минуты, Ветер любил кидать незримую путеводную нить таким вот маленьким людям – кидать в надежде, что те окажутся достаточно чуткими, чтобы ее поймать. Но подобных «зрячих» встречалось столь печально мало!

Однако на сей раз ему повезло больше: девочка услышала его зов и откликнулась. Мгновение – и вот она уже несется, подхваченная стремительным воздушным потоком: пораженная величием и огромностью Настоящего Мира, покоренная его неповторимой красотой... Ветер успел пожелать ей удачи, – а потом путница скрылась вдали.

Ну что ж... пусть ей повезет! Теперь она свободна.

P. S. С тех пор у дворника появилась новая привычка: прежде чем приступить к работе, он оглядывал переулок, надеясь, что «золотистая головка» появится вновь: засмеется заливистым смехом, дерзко пошутит, преображая всё вокруг одним своим присутствием.

«Золотистой головкой» он прозвал юную собеседницу, знакомство с которой было столь кратким, но в то же время ярким и запоминающимся.

Увы, девочка больше не появлялась на его сонной унылой улице, которая после исчезновения звонкоголосой прелестницы снова утратила свое хрупкое очарование. Но кое-что всё-таки изменилось: теперь дворник гораздо чаще испытывал легкую печаль, природу которой сам не мог понять... и эта светлая грусть озаряла окружающий мирок, делая его почти красивым.

А еще дворник ждал возвращения своего Ветра – ждал и клялся, что в следующий раз обязательно прислушается к нему. Ветер не спешил, и всё-таки старик не терял надежды, что однажды тот вновь позовет его за собой.

РОЖДЕСТВО 94, или ТРИУМФ ЖИСМОНДЫ

34 года – много это, мало? Пожалуй, смотря о чем идет речь...

Если рассуждать о жизни в целом – безусловно, мало. Можно еще жить да жить!

А вот если говорить о карьере художника... что ж... наверное, лучшие годы, самые продуктивные и творческие, остались позади. И ему, увы, нечем похвастать. Он не создал ничего выдающегося, ничего значительного... хотя мог бы! Он чувствовал (нет, знал!), что способен на большее. Ему просто не повезло.

Примерно об этом размышлял Альфонс М. холодным зимним вечером 1894 года. Близились Рождество, Париж был волшебным прекрасен, а парижане – полны предвкушений... все, кроме него. Он ничего не ждал и ощущал тревожную усталость.

«Хотя я и не парижанин вовсе, – рассеянно подумал Альфонс, грея в ладонях бокал с вином. – И даже не француз».

Да, он был родом из Южной Моравии, маленького городка Иванчице, а в столицу Франции перебрался только в 1887 году. Какое-то время его жизнь была не так уж плоха, он успешно обучался в художественной Академии Жюлиана, а затем и Коларосси... но любая сказка рано или поздно завершается, и ей на смену приходит суровая реальность. В его случае такая

реальность обернулась потерей средств к существованию, а значит, – невозможностью и дальше осваивать таинство живописи и оттачивать свои способности. Однако Париж М. не покинул и последние несколько лет перебивался незначительными заказами: изготавливал визитные карточки, календари и прочее в том же роде. Но всё это было мелко, неинтересно... скучно! Альфонс знал, что обладает куда большим творческим потенциалом, вот только где он, шанс, чтобы доказать свой талант?

Минувший год выдался особенно трудным в финансовом отношении. Денег было в обрез, и мечты съездить на родину, навестить близких, остались мечтами, вернее – их пришлось отложить на неопределенное будущее. Такое путешествие требовало средств, и средств немалых. А потому Альфонс, глубоко разочарованный, остался во французской столице. И настроение молодого человека вовсе не улучшалось при мысли, что многие его коллеги-живописцы преспокойно отправились на рождественские каникулы. Париж для него словно вымер и опустел, утратив половину своей прелести... и окружающая рождественская мишура нисколько не радовала – наоборот, напоминала о собственной невезучести.

«Дорогой друг, – припомнились ему слова более удачливого друга-художника, – раз уж ты остаешься в Париже, может, можешь мне? Нужно проследить за печатью моих иллюстраций, я сам не успеваю...»

Что ему оставалось делать? Конечно, Альфонс согласился, пускай и без чрезмерного энтузиазма. И теперь немало времени проводил в издательском доме Лемерсье, где и печатались иллюстрации его знакомого художника.

– Надоело, – пробормотал Альфонс вслух – просто, чтобы услышать звук собственного голоса. – Надоело.

Утомленный дневной суетой (не нашлось ни одной спокойной минутки), месье М. сидел в кресле у камина с бокалом вина

в руке и газетой на коленях. Он наблюдал за игрой пламени и прислушивался к свисту ветра за окном. Его томило странное предчувствие... что-то надвигалось... но вот что именно? Точного ответа его интуиция не давала.

Раздался визг телефонного аппарата, и М. невольно содрогнулся, неохотно возвращаясь в реальность. Покосившись на истерически разрывающийся аппарат, Альфонс тяжело вздохнул и заставил себя подняться, даже не догадываясь, что звонит ему сама Судьба.

* * *

Месье де Бруноф был в ярости и отчаянии одновременно. Он мерил торопливыми шагами кабинет и, нервно заламывая руки, извергал громогласные проклятия, ни на кого конкретно не обращенные. Его помощник Клайд хорошо знал своего начальника и не воспринимал всерьез его плохое настроение.

– Вы уверены, Клайд? – в который раз спросил владелец типографии. – Никого толкового не осталось?

– Только этот малый, Альфонс Муха, – спокойно повторил помощник. Пряча ироничную улыбку и втайне забавляясь, он следил за стенаниями своего босса с деланно сочувствующим видом. – Вполне толковый!

– Тот, что таскается сюда, верно? – хмуро пробормотал де Бруноф, замедляя шаг. Казалось, он почти смирился со своей участью. – Что ж... он график, верно? А график нам и нужен.

– Мне кажется, он справится, – осторожно сказал Клайд, не рискуя проявлять избыточный оптимизм... иначе можно стать идеальной кандидатурой на роль козла отпущения.

Де Бруноф тяжело вздохнул, закрывая глаза. Вечерок выдался не из легких! Всё шло как по маслу, никаких проблем не

предвиделось... и вдруг – звонок. И позвонил не кто-нибудь, а представитель самой Сары Бернар... и, увы, с плохими новостями. Выяснилось, что знаменитость крайне недовольна рекламным плакатом для последнего спектакля «Жисмонда», даже считает его грандиозной неудачей. И, конечно, требует передать заказ другому художнику. Вот только где его взять, если все мастера разъехались на рождественские каникулы?

– Ладно, попробуем этот вариант, – проворчал де Бруноф. – Пускай будет месье Муха. У него хоть есть его телефон? Он вроде как беден.

– Зато не откажется помочь, раз у него туго с деньгами, – постарался подбодрить начальство Клайд. – Под Рождество многие предпочитают отдохнуть, сами знаете.

– Тоже верно, – исторг очередной вздох де Бруноф. – Ладно, соедини меня с ним... надеюсь, он сейчас дома.

И, к счастью, Альфонс Муха был дома.

* * *

34-летний художник поднял трубку и устало произнес:

– Альфонс Муха у аппарата. Я вас слушаю.

Раздался треск, потом последовали неразборчивые слова. Оказалось, звонят из типографии.

– Да, месье де Бруноф, – встревожился Альфонс. Что там опять произошло, да еще на ночь глядя? – Чем могу помочь?

– Мой дорогой Муха, только что мне позвонила Сара Бернар, – отозвался де Бруноф. – Ей нужен рекламный плакат для постановки. Он должен быть готов к утру новогоднего дня. Вы когда-нибудь делали что-либо подобное?

Муха показалось, что у него на миг остановилось сердце, а потом забилося вновь, да с такой силой, что молодому человеку сделалось жарко от бешеного тока крови. И разволноваться было от чего: плакат для самой Сары Бернар! Это ли не мечта? Правда, оставалась одна маленькая проблема...

– Нет, я не делал ничего подобного... пока, – Муха решил не врать, хотя его так и подмывало слегка слухавить. – Но я могу попробовать.

Де Бруноф ответил не сразу. Буйное воображение Муха рисовало ему образ директора типографии, нервно теребящего свой галстук и морщившего лоб... сомневающегося... решающего его, Альфонса, судьбу.

– Вы уверены в своих силах? – наконец недоверчиво уточнил де Бруноф. – Вы справитесь?

Альфонс, конечно, не мог ничего гарантировать, но уверенности в себе ему было не занимать.

– Я совершенно уверен, – твердо произнес он.

– Что ж... пожалуй, у меня нет выбора... вы – лучший из художников, которые остались под Рождество в Париже...

Комплимент был довольно сомнительным, однако Муха понимал, что сейчас не самый подходящий момент для обид.

– Хорошо, тогда приходите ко мне завтра с самого утра. Я введу вас в курс дела. Всего вам доброго! – и де Бруноф повесил трубку.

Последовав его примеру, Альфонс коснулся лба и обнаружил не без удивления, что умудрился вспотеть во время разговора. Это зимой-то!

– Что ж, Альфонс, – пробормотал художник, покусывая губу. – Это он. Твой шанс. Смотри не упусти!

* * *

Альфонс не считал себя театральным завсегдатаем, тем более что средства принуждали к предельной экономии, однако вечер следующего дня провел именно в театре. Этот спектакль он пропустить никак не мог, ему важно было увидеть Сару Бернар на сцене и понять, как запечатлеть ее на новой афише.

– Сара Бернар несколько капризна, – вспомнились ему осторожные наставления де Брунофа. – Поэтому нужно создать нечто особенное... не просто афиша, а произведение искусства. Надеюсь, вы понимаете, дорогой мой Муха?

Еще бы ему не понимать! Сара Бернар, сама Сара Бернар! Богиня Сцены. Несравненная и Единственная. О ней слышали все, ее обожали, ей поклонялись.

Альфонс уже видел госпожу Бернар в других постановках (как и большинство парижан), но тогда он смотрел как зритель, теперь же – как художник. И это всё меняло.

Да, взгляд художника менял восприятие, но не менял сути, а суть была проста: Сара блистала, вдохновляла, поражала воображение. Она была не талантлива, нет, – гениальна! Прирожденная актриса. И так дивно хороша собой, не поверишь, что ей уже далеко за 40... или все 50? Альфонс не был уверен, сколько лет великой актрисе, да и какая разница? Выглядела она превосходно в свои немолодые годы.

Любуясь Госпожой Сцены, Альфонс не переставал восхищаться. Вот ведь играет! Лучше всего ей удалась сцена смерти, и это Муха совершенно не удивило. Говаривали, Сара Бернар заказала специальный гроб, в котором спала каждую ночь – ход экстравагантный и смелый! То ли она хотела таким образом привыкнуть к мысли о собственной бренности, то ли желала прослыть оригиналкой (что ей всегда удавалось)... а может, оттачивала актерские навыки столь странным манером. Результат

был налицо: Сара невероятно правдиво изображала процесс умирания, принуждая зрителей верить ей, сопереживать, оплакать судьбу ее героини. И Альфонс, внутренне подмечая каждую деталь, сопереживал вместе с прочими. Он не мог не подпасть под властное очарование обворожительной Бернар.

«Да, старик-типограф прав, – рассеянно размышлял Альфонс, наблюдая за истовой игрой актрисы. – Саре Бернар нужна не просто афиша... ей нужно что-то необыкновенное...»

Справится ли он? Муха готов был приложить все свои способности, чтобы поразить воображение актрисы не менее сильно, чем она поразила его собственное.

Самонадеянное желание, но именно такие устремления помогают нам совершать чудеса.

* * *

И вот настало время для раздумий... вернее, времени-то как раз было в обрез, до Нового года оставались считанные дни, и в распоряжении Муха была, пожалуй, только одна ночь – та, что следовала за спектаклем. Хватит ли ему нескольких часов, чтобы сформулировать Главную Идею? Впрочем, выхода нет – должно хватить, иначе его афиша повторит несчастливую судьбу своей предшественницы и Альфонс окончательно пополнит ряды художников-неудачников.

А значит, нужен особенный замысел... что-то оригинальное... некий новый подход к проблеме... И Муха казалось, он почти нашел его. Смутный образ будущей афиши вспыхнул в воображении живописца еще в момент просмотра спектакля, когда госпожа Бернар горделиво выпрямилась и молодой человек невольно поймал себя на мысли, что актриса производит впечатление высокой, несмотря на очевидно скромный рост. Стройная

вытянутая фигурка, довлеющая над зрителями... глядящая на них с высоты своего безмерного таланта... В этом что-то есть, верно? Муха нужно было лишь окончательно понять, как превратить зыбкое «что-то» в конкретную идею.

– Не тот размер... – пробормотал Альфонс себе под нос, рассеянно взлохмачивая собственную шевелюру и морща лоб. Перед ним на столе лежал набросок с зарисовками возможных афиш... ни один вариант не удовлетворял требовательного Муха. – Этот не подходит...

В те времена формат афиш и плакатов всецело зависел от размера типографского камня, используемого для печати. И обычно художники смирялись с подобной зависимостью, однако Альфонс смиряться не хотел. При других обстоятельствах – возможно, но не в том случае, когда ставки столь высоки.

Ему виделась афиша, подчеркивающая стройность знаменитой актрисы, зрительно вытягивающая ее хрупкую фигуру... Увы, размер типографского камня этого не позволял.

– А что если... – вдруг осенило мастера, и его лицо даже помолодело, озаренное радостью прозрения. – Это может сработать!

Он решил уложить рядом два узких сегмента, которые образовали бы длинный каркас – идеальную основу для изображения вертикально вытянутой фигуры. Такая афиша смогла бы продемонстрировать героев в полный человеческий рост. Именно то, что надо!

Чрезвычайно довольный собой, Альфонс Муха принялся фантазировать дальше, развивая сырую пока идею и даже не подозревая, что тем самым кардинально меняет подход к созданию плакатов и афиш.

* * *

27 декабря афиша к спектаклю «Жисмонда» была готова, и в первый день Нового года она уже украсила улицы французской столицы. И Альфонс Муха, прогуливаясь по Парижу, с затаенным удовольствием наблюдал за реакцией прохожих. И реакция превысила самые смелые и радостные его ожидания.

Плакаты развесили на уровне глаз, и потому возникало четкое ощущение, что Жисмонда не картинка, а живой человек... думалось, госпожа Бернар вот-вот соскользнет с афиши и ступит на парижские мостовые.

Сама же Сара в образе Жисмонды казалась истинным божеством (коим и являлась, по глубокому убеждению Муха). Точеная и стройная, словно тростинка, она была облачена в шитый золотом наряд сложной структуры, а ее рыжеватую гриву волос венчал роскошный венок. Белокожая нимфа взирала куда-то вверх, обращая свой взор к Небесам и, видимо, размышляя о чем-то высоком, недоступном простой публике. На губах ее блуждала легкая улыбка... впрочем, не улыбка, нет – лишь призрачный намек на нее. Довершала же красочный образ византийская мозаика за спиной героини.

Прохожие останавливались возле афиши, обменивались восхищенными репликами, недоверчиво качали головами. До покрасневшего от удовольствия художника доносились обрывки их фраз: «Невероятно!», «Какая красивая работа...», «Никогда не видела ничего подобного!»...

Он смог. Он сделал. Он воспользовался шансом, который подарила ему Судьба.

* * *

– Их сорвали! Срезали! – у месье де Брунофа был достаточно забавный вид, и Клод не мог решить, какие чувства переполняют его босса, удивление или возмущение. – Афиши!

– Все? – поднял брови Клод.

– Нет, но порядочно...

Помощник директора типографии помедлил, прежде чем задать следующий вопрос:

– Это... хм... означает неудачу? Людям не понравилась афиша Муха?

Типограф озадаченно посмотрел на молодого человека, словно не вполне понимая сути его вопроса, потом раздраженно махнул рукой, будто отгоняя муху:

– Нет, наоборот! Судя по всему, людям как раз ПОНРАВИЛИСЬ афиши... до такой степени, что они посрывали и посрезали их со стен и забрали себе домой. Как картины! Каково, а?

– Что ж, это ведь хорошая новость? – осторожно уточнил Клод, не понимая, чем вызван гнев его хозяина. – Афиши всё равно недолговечны.

– Да... я просто не уверен, как к этому отнесется госпожа Бернар, – со вздохом пояснил свою досаду де Бруноф.

* * *

Начальник типографии переживал зря: Сара Бернар отнеслась к новости вполне спокойно. Скорее, она ее позабавила и приятно удивила. Разумеется, риска, что не все зрители узнают о дате спектакля, не было никакого, и актриса прекрасно это сознавала. Порою она даже думала не без снисходительной

иронии, что стоило бы провести эксперимент и обойтись без афиши совсем – звезда могла поспорить, что зал всё равно будет полон.

Спектакль в «Ренессансе», как всегда, прошел на ура: аншлаг, неистовство, рукоплескания... а по завершении действия Сара обнаружила с привычным самодовольством, что ее гримерка превратилась в цветник. Букетов было невероятно много, и все они источали сладко-душный аромат, от которого кружилась голова. Госпожа Бернар, впрочем, была привычна к столь пьянящим запахам, ее постоянно задаривали цветами и сувенирами подороже. И женщина не сомневалась, что и теперь среди корзинок с розами и прочей флористикой отыщутся более ценные подношения восторженных зрителей – возможно, даже ювелирные изделия. Так бывало не раз!

Улыбаясь своим мыслям и не торопясь разоблачаться, великая актриса сидела перед зеркалом и любовалась собственным отражением. Хотя видела не себя, а обворожительный образ, созданный художником для ее последней афиши.

«Как его зовут-то? – рассеянно подумала Сара. – Альфонс Муха, кажется...»

Это имя стоило запомнить, ибо Сара Бернар собиралась сделать сего господина своим «штатным» художником. Он был явно талантлив... афиша в его исполнении оказалась превосходной. Сара не смогла сдержать восхищенный вздох, когда впервые увидела ее. Чудесно, просто чудесно!

«Мне нужно с ним познакомиться, – продолжала размышлять Сара, поправляя игривый рыжеватый локон. – Он должен стать главным декоратором нашего театра...»

И она знала, что добьется своего. Кто посмел бы ей отказать, в конце концов?

* * *

Муха тоже был в этот вечер в театре, на сцене которого блистала несравненная Сара. Он любовался ею, не зная и даже не догадываясь, что жизнь его скоро кардинально изменится, и изменится к лучшему. Он не знал, что станет законодателем женственного стиля модерн, который будет отныне ассоциироваться исключительно с его работами. Он не знал, что несколько лет спустя завоюет звание Мастера с большой буквы, за которого дерутся клиенты, упрашивая нарисовать рекламу их продукта, будь то вино, шоколад или бюро путешествий. И, конечно, он не знал, что Сара Бернар добьется своего и сделает его главным художником «Ренессанса».

Всё это было впереди, а сейчас Альфонс просто наслаждался моментом. Моментом своего первого триумфа. Триумфа Жисмонды...

Атака черных кошек

Принято считать, что черная кошка – плохая примета. Как знать, как знать... не всегда черная кошка, перебегающая вам дорогу, является предвестницей неприятностей...

Я опаздывала.

Черт возьми, я очень сильно опаздывала! И куда — на экзамен по философии! Как, как я умудрилась проспять?! Знаю ведь, преотлично знаю, что наш преподаватель придирается к любой мелочи! А уж опоздание и вовсе возводит в ранг преступлений (тем более — в такой день). Наверняка специально проверит, кто из студентов явился вовремя... Я однозначно влипла!

Я выскочила из подъезда, застегивая на ходу ветровку и придерживая на плече ремешок сползающей сумки. Лицо было бледным, не накрашенным, растрепанные волосы напоминали гнездо — я даже толком не успела причесаться и наскоро сколола локоны на затылке в неровный пучок. Хотя планировала принарядиться, — наш лектор, Максим Витальевич, мужчина видный, импозантный, женскую красоту должен ценить... Но теперь пускать в ход свои чары явно бессмысленно — я выгляжу как чучело огородное!

Я сворачивала за угол, когда под ноги мне метнулась черная кошка. Я мысленно застонала. Ну конечно! Только дурных примет и не хватало...

Пару минут спустя мою дорогу снова перебежала кошка, причем такого же цвета, как и первая «дурная примета». Эта была покрупнее, с ярко-зелеными глазами и хвостом-метелкой.

Я ошеломленно посмотрела вслед стремительной тени и недоуменно пожала плечами. Ну и как это назвать? Атакой черных кошек?

Вскоре я убедилась, что действительно подверглась своеобразной атаке. По пути в университет я насчитала семь (!) представительниц семейства кошачьих, и все отличались редким по своей глубине угольным окрасом и чересчур осмысленным, немного насмешливым взглядом с адским огоньком.

Я вообще-то не суеверна, однако семь черных кошек по пути на экзамен — это слишком для любого человека! Может, стоит повернуть домой?

Конечно, я этого не сделала...и даже почти не опоздала.

* * *

Как ни странно, экзамен я не провалила. Более того, получила «отлично», хотя едва ли заслуживала подобную оценку. Просто произошло чудо — иначе не объяснишь.

Когда мне выдали билет и отправили готовиться, я сильно приуныла. Мне попались трудные вопросы; особенно расстроил второй, на тему неподвластной моему пониманию диалектики.

Полчаса спустя я села за парту возле преподавательского стола, сжимая в потных от волнения пальцах листок с заготовками ответов. Сердце судорожно колотилось, руки тряслись...

– Итак? – мягко сказал Максим Витальевич. – Какой у вас билет?

Я кое-как выпрямилась, сделала глубокий вдох... и вдруг успокоилась.

– Можете начинать, – утомленно поторопил меня профессор. Наши взгляды встретились, и Максим Витальевич словно споткнулся. Удивленно заморгал, он неуверенно добавил: – Да... да... я слушаю...

Я заговорила — пространно, подробно, вдаваясь в детали, которых отродясь не знала. Просто не могла знать — их даже в учебниках не приводили.

Я вещала почти полчаса, а когда наконец иссякла, ощутила странную апатию и пустоту.

– Хорошо, Афанасьева. Ответ на «отлично».

Максим Витальевич старался говорить четко, но всё равно казался немного одурманенным. А когда расписывался в зачетке, рука его слегка дрожала.

Да, еще один нюанс... домой меня снова провожали кошки. По-моему, те же самые... и на сей раз они были мне очень симпатичны!..

* * *

– Она уже стала одной из нас, – уверенно сказала черная кошка, первой встретившаяся мне на пути этим утром. – Разве ты не заметила, Ирен, ее фокус на экзамене?

Ирен, упитанная черная кошка, лениво отозвалась, приоткрыв один ядовито-желтый глаз:

– Заметила, Стелла, конечно... я всё заметила.

Еще одна черная хвостатая бестия — самая маленькая, юркая — весело подхватила:

– О, да, да, она весьма одаренная ведьмочка!

– НАЧИНАЮЩАЯ ведьма, Натали, – сурово поправила ее Стелла. – Она еще ни разу не обратилась.

– Обратится этой ночью, – убежденно заявила Натали.

– Вот тогда и посмотрим, что и как. Не раньше.

– Но вы должны признать, что она явно талантлива! — не унималась маленькая кошка. — Как ловко она ввела в транс профессора! А потом прочла в его сознании правильные ответы на вопросы! А он и не заметил!

– Что ж, это правда, – тяжело вздохнула Ирен, неохотно приподняв крупную голову. Помолчав, кисло добавила: – С тобой невозможно спорить, Натали!

Та лишь беспечно хмыкнула.

* * *

Близилась ночь... воздух наполнялся сонной тишиной и колкой свежестью. Всё вокруг предвещало Чудо.

Меня весь день мучила смутная неосознанная тревога. Я ни на чем не могла сосредоточиться, ничего не могла делать...

Именно поэтому я рано легла спать, хотя и не уснула. Просто лежала в постели, смотрела в темный потолок и ждала, ждала... чего? Не знаю!

Когда наступила полночь, я внезапно поднялась (меня буквально подорвало с кровати!), быстро подошла к окну и настезь распахнула его.

Ночь дохнула прохладой, обрушила шквал приглушенного дремотного шепота... Я улыбнулась, раскинула руки — и прыгнула.

В прыжке я перемахнула через подоконник и приземлилась уже на улице. Приземлилась кошкой — черной кошкой. И лишь в этот момент осознала, что стала ведьмой.

Ведь мы, ведьмы, лунными ночами обращаемся именно в черных кошек — с тем, чтобы с первыми лучами солнца вернуться к миру людей.

Мяукнув, я неторопливо зашагала по аллее. Меня уже ждали...

· СОДЕРЖАНИЕ ·

ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Повесть

Пролог	4
1. Взаперти.....	6
2. Ожидание	20
3. Черный Визитер	26
4. Испорченный кофейный ритуал.....	35
5. Белый Визитер.....	42
6. Чёрные уроки.....	50
7. Белые уроки	66
8. Сувенир из прошлого.....	78
9. Двойная атака.....	97
10. Первое Преображение	115
11. Второе Преображение	135
12. Партнерство	146
Эпилог	156

Рассказы

ЗОЛОТОЙ МИР, или ЗОВ ВЕТРА	161
РОЖДЕСТВО 94, или ТРИУМФ ЖИСМОНДЫ	168
АТАКА ЧЕРНЫХ КОШЕК.....	180

Літературно-художнє видання

Олена Володимирівна Вахненко

ПЕРЕТВОРЕННЯ

Проза

(Російською мовою)

Коректура *Олени Гордієнко*

Дизайн та верстка *Олександри Нечай*

ЛІРА

ВИДАВНИЦТВО
ДРУКАРНЯ

— ДНІПРО —

lira.dp.ua | dnipro.lira@gmail.com

Підписано до друку 24.01.2019.

Формат 60x84/16. Папір офсетний. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 10,93. Тираж 150 прим. Замовлення № 7.

Видавництво та друкарня ПП «ЛІРА ЛТД»

49107, м. Дніпро, вул. Наукова, 5.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

ДК № 6042 від 26.02.2018.